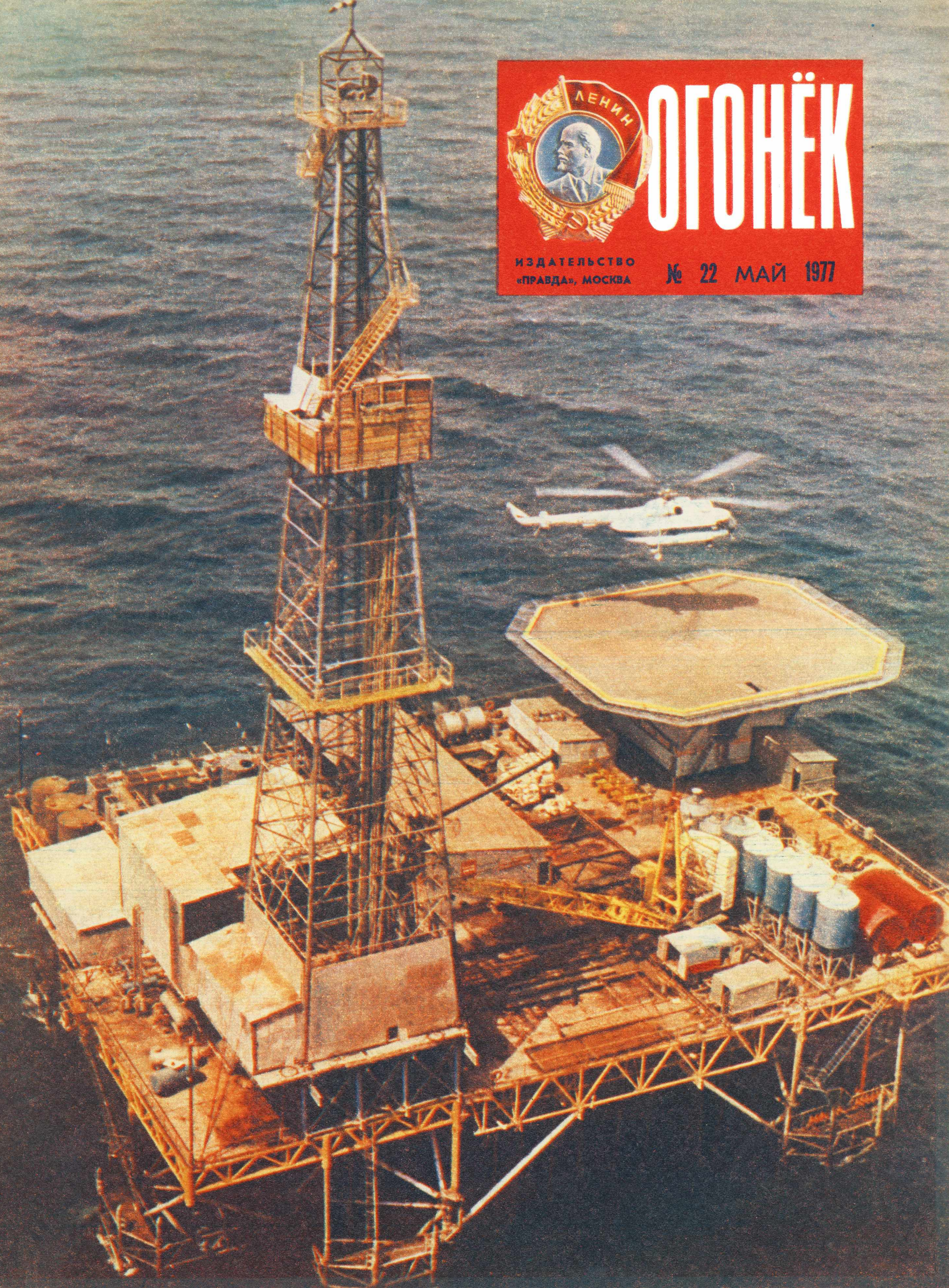

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 22 МАЙ 1977

ИНФОРМАЦИОННОЕ Пленум Централь- Коммунистической пар-

24 мая 1977 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии товарища Брежнева Л. И. «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

В своем докладе тов. Брежнев Л. И. остановился прежде всего на вопросе о том, почему возникла необходимость создавать новую Конституцию СССР. За четыре десятилетия после принятия ныне действующей Конституции, сказал он, в стране нашей, во всем нашем обществе произошли глубокие изменения. В Советском Союзе построено развитое, зрелое социалистическое общество. Крупные, принципиальные перемены затронули все стороны общественной жизни в результате успехов социалистического строительства под руководством Коммунистической партии. Неизбежно изменилась экономика страны. В ней безраздельно господствуют социалистические формы собственности. Единый мощный народнохозяйственный организм развивается на основе сочетания достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. Растет социальная однородность советского общества. Еще прочнее стал нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Постепенно стираются различия между основными социальными группами. Все более сближаются самым ходом своей жизни все нации и народности нашей страны. Сложилась новая историческая общность людей — советский народ. С построением зрелого социализма, с переходом на идейно-политические позиции рабочего класса всех слоев населения — и государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство. Сильно изменились международное положение Советского Союза и весь социально-политический облик мира. Покончено с капиталистическим окружением СССР. Социализм превратился в мировую систему, сложилось могучее социалистическое содружество. Существенно ослаблены позиции мирового капитализма. Десятки молодых государств, бывших колоний, выступают против империализма. Появилась реальная возможность предотвратить новую мировую войну, хотя это еще требует больших и настойчивых усилий.

Опираясь на достигнутое, советский народ под руководством Ком-

мунистической партии решает теперь исторические задачи коммунистического строительства.

Все эти перемены нашли свое отражение в проекте новой Конституции СССР в соответствии с установками XXV съезда КПСС.

При подготовке проекта учитывались в полной мере принципы советского государственного строительства, заложенные еще В. И. Лениным, положения прежних конституций Советского государства, а также многочисленные новые законодательные акты, принятые за последние годы и регулирующие различные области общественных отношений в СССР. Учитывался также опыт конституционного развития братских социалистических государств. Таковы надежные основы, на которых создан проект новой Конституции.

Для содержания этого проекта, отражающего новый этап в развитии нашего государства, важнейшие достижения советского народа и стоящие перед ним задачи коммунистического строительства, характерно прежде всего, как главное направление, дальнейшее расширение и углубление социалистической демократии.

Именно в этом направлении получили свое дальнейшее развитие в проекте принципы формирования и деятельности Советов всех ступеней как политической основы социалистического государства. В том же направлении идет и широкая разработка в проекте положений о правах советских граждан, включая их социально-экономические права, гражданские права и свободы, наряду с обязанностями граждан перед государством, перед народом.

В том же направлении идут и содержащиеся в проекте Конституции важные положения о дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка.

В специальной главе проекта «Социальное развитие и культура» говорится о том, что государство заботится о развитии образования, науки и искусства, об улучшении условий труда и жизни граждан.

Решение в проекте вопросов национально-государственного устройства обеспечивает подлинно демократическое сочетание общих интересов нашего многонационального Союза и интересов каждой из образующих его республик, обеспечивает всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей Советской страны.

О П Р О Е К Т Е С О Ю З А С О В Е Т С К И Х С О Ц И А Постановление Пленума Центрального К

Пленум Центрального Комитета КПСС, заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Конституционной комиссии тов. Брежнева Л. И. «О про-

екте Конституции Союза Советских Социалистических Республик», постановляет:

1. Одобрить в основном проект Конституции Союза Со-

О Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О М Г И Постановление Пленума Центрального К

Одобрить текст и музыкальную редакцию Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик и

О Е С О О Б Щ Е Н И Е а л ь н о г о К о м и т е т а т и и С о в е т с к о г о С о ю з а

С могучим ростом нашей социалистической экономики связано включение в проект основных принципов руководства нашим народным хозяйством.

Специальные главы проекта новой Конституции посвящены миролюбивой ленинской внешней политике СССР и защите социалистического Отечества.

Принятие новой Конституции, подчеркнул тов. Л. И. Брежнев, будет иметь огромное значение как для внутренней жизни страны, так и для укрепления позиций сил социализма, мира и прогресса на международной арене.

Реализация положений новой Конституции должна поднять на качественно новый уровень всю нашу государственную и хозяйственную деятельность, всю работу органов власти и управления, она позволит миллионам советских людей еще активнее включиться в управление экономикой, в контроль за работой государственного аппарата.

Наша новая Конституция, подчеркнул тов. Брежнев, наглядно покажет всему миру, как развивается социалистическое государство, все прочнее и глубже утверждая социалистическую демократию, наглядно покажет, какова она, эта социалистическая демократия, в чем ее суть.

Наша новая Конституция обогатит общую сокровищницу опыта мирового социализма, явится вдохновляющим примером для освободительной борьбы трудящихся за рубежом.

Далее тов. Брежнев остановился на задачах партийных и советских органов и общественных организаций страны в связи с предстоящим всенародным обсуждением проекта новой Конституции. Он призвал обеспечить максимально широкое, свободное и по-настоящему деловое обсуждение проекта Конституции.

Всенародное обсуждение основных вопросов развития нашего государства и общества в знаменательный год 60-летия Великого Октября, сказал тов. Брежнев, активное участие в этом широчайших масс трудящихся явятся мощным стимулом к активизации всей общественной жизни страны, пробудят в народе новые творческие силы, вызовут новый размах социалистического соревнования.

В заключение тов. Брежнев сказал: Принятие новой Конституции

СССР станет важной вехой в политической истории нашей страны. Оно станет еще одним историческим вкладом нашей ленинской партии, нашего социалистического государства, всего советского народа в великое дело строительства коммунизма и вместе с тем в интернациональное дело борьбы трудящихся всего мира за свободу, за прогресс человечества, за прочный мир на земле.

В прениях по докладу тов. Брежнева Л. И. выступили: тт. Б. В. Качура — первый секретарь Донецкого обкома Компартии Украины, Л. Б. Ермин — первый секретарь Пензенского обкома КПСС, Е. Н. Дуельбеков — первый секретарь Кокчетавского обкома Компартии Казахстана, В. П. Орлов — первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС, М. М. Мусаханов — первый секретарь Ташкентского обкома Компартии Узбекистана, В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины.

Пленум ЦК КПСС в основном одобрил проект Конституции СССР, представленный Конституционной комиссией, и рекомендовал Президиуму Верховного Совета СССР вынести его на всенародное обсуждение.

Пленум ЦК принял по этому вопросу Постановление, которое публикуется в печати.

Пленум ЦК заслушал сообщение члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. Сулова М. А. «О Государственном гимне СССР». Пленум одобрил текст и музыкальную редакцию Государственного гимна СССР и передал этот вопрос на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел также организационные вопросы:

Пленум освободил тов. Подгорного Н. В. от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС тов. Русакова К. В.

Пленум освободил тов. Катушева К. Ф. от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом его на работу в Совет Экономической Взаимопомощи.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

О Н С Т И Т У Ц И И Л И С Т И Ч Е С К И Х Р Е С П У Б Л И К о м и т е т а К П С С, п р и н я т о е 2 4 м а я 1 9 7 7 г.

ветских Социалистических Республик, представленный Конституционной комиссией.

2. Передать вопрос о проекте Конституции Союза Совет-

ских Социалистических Республик в Президиум Верховного Совета СССР и рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР вынести его на всенародное обсуждение.

М Н Е С О В Е Т С К О Г О С О Ю З А о м и т е т а К П С С, п р и н я т о е 2 4 м а я 1 9 7 7 г.

внести его на утверждение Президиума Верховного Совета СССР.

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО- ФИНЛЯНДСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Советско-финляндские документы
подписывает Л. И. Брежнев.

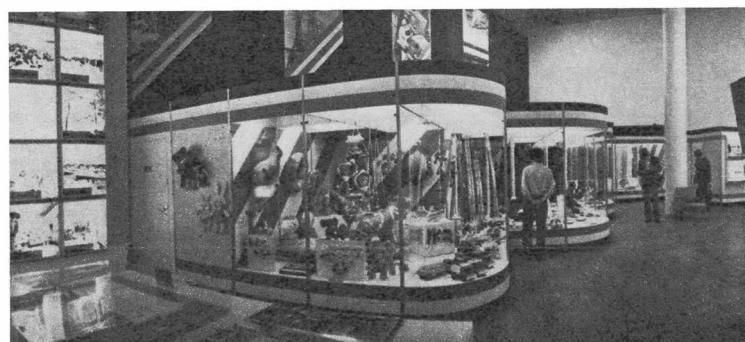
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ
ПРЕЗИДЕНТА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА
КОММУНИСТОВ
ЮГОСЛАВИИ
ТОВАРИЩА
ИОСИПА БРОЗ ТИТО
ОРДЕНОМ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отмечая активное участие в международном коммунистическом и рабочем движении, заслуги в совместной борьбе против фашизма, большой вклад в развитие и укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ и в связи с восьмидесятипятилетием со дня рождения наградить Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателя Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль.
23 мая 1977 г.

ДНИ ЭСТОНИИ НА ВДНХ

18 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-финляндских документов.

Долгосрочную программу развития и углубления торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой до 1990 года подписали:

за СССР — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев;
за Финляндскую Республику — Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен.

Соглашение о сотрудничестве в строительстве Костомукшского горно-обогатительного комбината подписали:

за СССР — Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин;
за Финляндскую Республику — У. К. Кекконен.

При подписании документов присутствовали:

с советской стороны — Ю. В. Андропов, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Сулов, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, министры СССР, Председатели Государственных комитетов СССР, другие официальные лица;

с финляндской стороны — председатель парламента В. Хелле, министр иностранных дел П. Вяурюнен, посол Финляндии в СССР Я. Халлама, заместители госсекретаря МИД А. Рюткёнен и Я. Илониеми, другие официальные лица.

Советско-финляндские документы
подписывает У. К. Кекконен.

Фото А. Гостева

В Эстонию я ехал... на метро. Вышел на остановке «ВДНХ», а там рукой подать до павильона, в котором разместилась юбилейная экспозиция Эстонской ССР. Здесь на площади Дружбы народов она первой открыла праздничные отчеты союзных республик.

...Гордость республики — передовые ее люди. Слесарь Ханс Либлик, шахтер Аксель Пяртель, прядильщица Екатерина Зуева, доярка Лейда Пейпс, строитель Егор Барсуков, композитор и дирижер Густав Эрнесакс и многие их товарищи. Вот комбайнер, Герой Социалистического Труда Эльмина Отсман, — работает она на именной «Ниве», той самой, что ей передал коллектив завода «Ростсельмаш». На этом же поле, по соседству с ней, трудятся ее муж и сын.

На страницах информационного бюллетеня выставки секретарь ЦК Компартии Эстонии К. Вайно приводит такие цифры: в 39 раз вырос по сравнению с довоенным объем промышленного производства в республике. А в течение 22 лет буржуазного господства Эстония не смогла даже достичь промышленного потенциала 1913 года.

На одном из стендов — рассказ об эстонской кочегарке: за минуту тут добывают 76 тонн сланцев — вот такая она, сегодняшняя Эстония. Ее частичка — в этом павильоне. Электроника и рояли «Эстония», изделия, бережно хранящие традиции народных промыслов, и ультрасовременные приборы, превосходное стекло фирмы «Тарбеклаас» и мебельные гарнитуры. Дизайнеры республики предлагают свое цветовое решение мебели для кухни: отошли от стандартно белых столов и шкафов, выключили в палитру тона желтого, зеленого, даже фиолетового цветов...

В прошлом году отмечалось 30-летие Академии наук Эстонской ССР. Десятки уникальных, всемирно известных работ вышли из стен академических институтов и лабораторий — и об этом узнаешь в павильоне. Многогранной, яркой, оптимистичной предстает сегодня Советская Эстония.

К. КОСТИН

Снимки сделаны в павильоне, где разместилась юбилейная экспозиция Эстонской ССР.

Фото автора

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
С. А. КОВПАКА

Первые месяцы фашистской оккупации Украины. В осеннем лесу, возле небольшого городка Путивля, расположился партизанский отряд. Командовал им председатель горисполкома Сидор Артемьевич Ковпак, человек большого обаяния, железной воли, коммунист. Он участвовал в первой мировой войне, а потом с оружием в руках защищал Советскую власть — партизан, служил в Чапаевской дивизии.

Отряд Ковпака быстро превратился в серьезную боевую силу, стал партизанским соединением. В 1942 году по заданию Ставки Ковпановцы осуществили боевой рейд из Старой Гуты на север Сумской области, а затем прошли по Черниговщине, форсировали Днепр, взяли ряд городов, прошли с боями по Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской, Киевской, Полесской областям, уничтожили вражескую флотилию на Припяти.

Впереди еще были годы войны, но Ковпановцы, как и весь советский народ, уже испытывали не только горечь тяжких потерь, но и радость побед. Земля горела под ногами оккупантов. На

ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ

территории Украины действовало около 200 тысяч партизан, подпольщиков и их активных помощников — хозяев явочных квартир, связных, разведчиков.

Когда Советская Армия развернула наступление по всему фронту, Ковпак повел свое соединение по тылам врага на запад. Это был легендарный Карпатский рейд. Сумское партизанское соединение прошло с боями 10 тысяч километров, разгромило гарнизоны противника в 39 населенных пунктах.

Прославленный партизанский командир генерал-майор Сидор Артемьевич Ковпак дважды был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, награжден многими орденами и медалями.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 22 (2603)

28 МАЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

ДОВЕРИЕ И ДОБРОСОСЕДСТВО

Геннадий ДЕЙНИЧЕНКО

Доверие и добрососедство — такова, пожалуй, наиболее всеобъемлющая формула советско-финляндских отношений. История знает не так уж много примеров столь интенсивного, многогранного и вместе с тем столь плодотворного развития связей между двумя странами-соседями. Об опыте советско-финляндских отношений задумываются во всем мире, о них говорят как о важнейшем вкладе в усилия всех миролюбивых государств по формированию нового облика Европы. Ведь в хартии Европы будущего, как справедливо называют подписанный в Хельсинки Заключительный акт общеевропейского совещания, нашло отражение все лучшее, что достигнуто в советско-финляндских отношениях.

А достигнуто немало. Это и широкий размах экономических, культурных и иных связей. Это и высокий уровень политического сотрудничества. Это совместная работа на благо международного мира и безопасности. И продвижение вперед в каждой из этих сфер наших взаимоотношений ведет к постоянному упрочению дружбы между народами СССР и Финляндии.

Не стоит тратить много усилий, чтобы увидеть конкретные плоды нашего добрососедского сотрудничества. Это сталь Рахе и энергия расщепленного атома Ловисы, это корпуса Светогорского комбината и построенные руками финских корабелов суда, бороздящие моря и океаны под советским флагом. С каждым годом все больше грузов пересекает советско-финляндскую границу в обоих направлениях: растет взаимовыгодная торговля. Совершенствуются методы научно-технического сотрудничества, промышленной кооперации.

Стоит напомнить, что Финляндия первой из капиталистических стран стала на путь развития деловых связей с СССР на долгосрочной основе. И совершенно логичным шагом явилась разработка программы развития торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества до 1990 года. Этот документ, подписанный в Москве Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом Финляндии У. К. Кекконеном во время его официального визита в СССР, можно с полным основанием зачислить в актив большой европейской политики. Ведь, по сути дела, это важный шаг по реализации Заключительного акта общеевропейского совещания. Впервые в современной истории государства, принадлежащие к различным социальным системам, определяют направления делового сотрудничества на столь длительный срок.

Подписывая этот документ, Советский Союз и Финляндия действовали в полном соответствии со сложившимися в их взаимоотношениях традициями. Непрерывный поиск новых форм взаимовыгодного экономического сотрудничества — одна из них. Ведь Советский Союз и Финляндия одними из первых в послевоенной Европе не только провозгласили, но и на практике приступили к перестройке своих отношений на основе равноправия, взаимного уважения независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимовыгодного сотрудничества. Иными словами, здесь нашли свое практическое воплощение принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Логика добрососедства привела и к совместным усилиям обеих стран по укреплению мира и безопасности в Европе. Опыт советско-финляндских отношений сыграл немалую роль в повороте Европы от «холодной войны» к разрядке. И совсем не случайно именно в Хельсинки проходил заключительный этап общеевропейского совещания: заслуги Финляндии в подготовке этого Форума общезвестны.

В Финляндии неизменно встречают поддержку миролюбивые инициативы социалистических стран. Наш северный сосед последовательно выступает за прекращение гонки вооружений. Излагая позицию Финляндии в вопросах разоружения, Президент Кекконен говорил: «Мы также принадлежим к тем, кто считает, что неотъемлемой частью разрядки является действительное продвижение вперед в разоружении и ограничении вооружений».

Обе наши страны добиваются реализации Заключительного акта общеевропейского совещания в полном объеме. Они стремятся к тому, чтобы предстоящая в Белграде встреча представителей государств — участников общеевропейского совещания была нацелена на дальнейшее укрепление мира в Европе.

Суммируя все аспекты советско-финляндских отношений, Леонид Ильич Брежнев с полным основанием назвал сотрудничество Советского Союза и Финляндии «категорией крупного международного плана».

Прочность здания зависит от фундамента. Это знают не только строители. У здания советско-финляндского сотрудничества надежное основание. Оно заложено шесть десятилетий назад победой Октября, ленинским Декретом о признании государственной независимости Финляндии.

Добрососедство наших стран, в которое твердо верил В. И. Ленин, подписывая этот документ, нашло яркое воплощение в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Вот уже почти три десятилетия он определяет характер советско-финляндских отношений. Рожденный коренными интересами народов наших стран, их волей, этот договор надежно обеспечивает будущее советско-финляндских отношений.

Новым шагом по пути упрочения добрососедства стал официальный визит в нашу страну Президента У. К. Кекконена, внесший большой вклад в дело упрочения мира и взаимопонимания между народами.

Перед народами СССР и Финляндии открываются все новые рубежи дружбы, доверия и сотрудничества. И в этом находит свое подтверждение заложенный великим Лениным внешнеполитический курс нашей социалистической державы — курс мира и добрососедства.

Ю. В. Бондарев, С. В. Михалков и первый секретарь Волгоградского обкома КПСС Л. С. Куличенко после вручения в дар городу-герою книг с автографами писателей.

Фото В. Шагова

ВЫСОКАЯ МИССИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫЕЗДНОЙ СЕКРЕТАРИАТ
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
В ВОЛГОГРАДЕ

В докладе на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

Эти слова привел председатель правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков, открывая в городе-герое Волгограде выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, посвященное теме «XXV съезд КПСС и проблемы нравственности в современной российской литературе».

Радушно встретили волгоградцы писателей Российской Федерации. Гости возложили венки к Вечному огню на площади Павших борцов и в Зале воинской славы на Мамаевом кургане.

В эти дни в городе был открыт Волгоградский Дом литераторов, которому присвоено имя замечательного советского поэта Михаила Луконина. На вечере, посвященном памяти Луконина, чье творчество было тесно связано с волгоградской землей, выступили участники выездного секретариата.

В областном комитете партии состоялась встреча секретариата правления Союза писателей РСФСР с первым секретарем Волгоградского обкома КПСС Героем Социалистического Труда Л. С. Куличенко. Он рассказал писателям о сегодняшнем дне волгоградской земли, о трудовых свершениях во втором году десятой пятилетки. Литераторы преподнесли в дар городу-герою библиотеку — книги со своими автографами.

Выступая на открытии секретариата, Л. С. Куличенко пожелал писателям плодотворной работы, новых замечательных успехов в их благородном деле — создании произведений, достойных нашего времени.

С докладом «О нравственности в литературе» выступил первый заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР Ю. В. Бондарев.

Доклад о поэзии сделал секретарь правления Союза писателей РСФСР С. С. Орлов.

В развернувшихся прениях выступили прозаики, поэты, критики Российской Федерации.

Участники выездного секретариата послали приветственную телеграмму М. А. Шолохову.

В работе секретариата принял участие инструктор Отдела культуры ЦК КПСС М. А. Грибанов.

После окончания заседаний выездного секретариата правления СП РСФСР писательские бригады выехали на крупнейшие промышленные предприятия Волгограда и в районы области, выступили перед рабочими, тружениками совхозов и колхозов.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕПУТАТА

С. ЦЕЦЕГОВ,
токарь-расточник Горьковского
авиационного завода имени
Орджоникидзе, Герой
Социалистического Труда,
член Президиума Верховного
Совета СССР

Бывают в жизни минуты, которые остаются в памяти навсегда. Пережил такую минуту и я. В 1970 году я впервые был избран депутатом Верховного Совета СССР. Надо ли говорить, как я волновался, когда оказался в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле. Но меня ждали еще большие волнения: вскоре я стал членом Президиума Верховного Совета СССР. И вот поднимаюсь в ложу.

О чем я думал? Прежде всего о том высоком доверии, которое оказали мне советские люди, и в первую очередь мои друзья-рабочие. Думал я и о том, что рабочие всегда и во всем были первыми. Они первыми пошли за Лениным, они были главной силой в строительстве государства рабочих и крестьян, они первыми устремились на баррикады, вступали в ряды Красной Армии, первыми гибли в боях и первыми врывались во вражеские траншеи. Хорошо мне памятливы годы индустриализации, Отечественной войны, восстановления разрушенных городов и заводов, грандиозных успехов в мирном строительстве, когда наша страна по многим показателям вышла на первое место в мире, — эти достижения связаны с усилиями всего народа, но в первую очередь с боевыми и трудовыми подвигами рабочего класса и крестьянства Страны Советов. И то, что в высшем органе народной власти, в Верховном Совете СССР, большинство депутатов — рабочие и крестьяне, закономерно и глубоко символично. Ну, а то, что мне доверено представлять самый передовой класс нашего общества в Президиуме Верховного Совета СССР, — большая честь и огромная ответственность.

Еще на XV съезде профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе».

Да, быть хозяином производства — это не только задавать тон, но и, как говорится, уметь брать на себя. Моя жизнь сложилась так, что и того и другого выпало немало. В 1938 году семнадцатилетним паренком пришел на судоремонтный завод. Начал котлочистом. Дело прошлое, но сейчас просто не представляю, как я справлялся с этой трудной и грязной работой. Не знаю, как бы у меня сложилась судьба, если бы не... злой начальник. В конце апреля я отправился на выходной к родителям в заводскую деревушку. Подхожу в понедельник утром к Волге, а там ледоход. Пометался по берегу, пометался, но перебраться на ту сторону так и не смог. А на следующий день меня уволили за прогул. Ох, и загоревал я тогда! Но выручил земляк. Он работал на заводе имени Орджоникидзе, говорит: иди к нам. Я с радостью согласился. Тридцать восемь лет прошло, а я его помню, тот день. Ведь заводу я обязан всем.

Когда началась война, я тут же записался добровольцем. Но на фронт так и не пустили. «Твое место у станка! — говорили мне. — Нашу продукцию ждут на фронте». Таких, как я, было немало: молодые, здоровые парни — и в тылу. Умом мы понимали, что делаем важное, необходимое дело, что пехотинцу, летчику или танкисту нужно дать автомат, самолет, танк, что наше оружие должно не только не уступать фашистскому, а превосходить его. Понимать-то мы понимали, но все равно обивали пороги военкоматов. Наконец нам сказали, и сказали весьма строго: «Понадобитесь — позовем. А пока работайте!»

И мы работали! Так работали, как наши сверстники ходили в атаку. В цехах холодно, от дыхания клубится пар, металл липнет к коже, обжигает пальцы, но мы сутками не выходили из цеха. Фронтская комсомольско-молодежная бригада, которой я руководил, регулярно давала по две-три нормы. А мне в 1943 году в течение нескольких дней удалось выполнять норму и на тысячу процентов. Цифра на первый взгляд фантастическая. Но ничего невероятного в этом нет: просто я приручил кое-какие приспособления, совместил несколько операций, и дело пошло гораздо быстрее.

Сразу после войны по призыву комсомола я уехал восстанавливать Калининград. Там я вступил в партию, там женился. Через шесть лет вернулся на родной завод, пришел в свой механический цех и с тех пор отсюда — ни шагу.

Как видите, моя рабочая биография самая обычная. Я всегда имел склонность к общественной работе: был партгрупкомом, дружинником, членом постоянно действующих производственных советов. Но когда стал депутатом Верховного Совета СССР, полной мерой оценил, какая это огром-

ная ответственность — быть избранником народа. Одно дело — распутать семейную тяжбу, а другое — помочь заводу в строительстве зоны отдыха, стадиона или плавательного бассейна, добиться, чтобы в рабочий район проложили троллейбусную линию. Одно дело — разобраться с личными гаражами, другое — помочь инвалиду получить мотоцикл или много-много семейному — квартиру или же поставить вопрос о закрытии завода, отравляющего атмосферу. А мне вместе с депутатами городского Совета — в этот орган я избран тоже — пришлось ставить такой вопрос. Речь шла о нефтемаслозаводе имени 26 бакинских комиссаров: руководство этого предприятия, ссылаясь на отсутствие средств, отказывалось строить эффективные дымоуловители и современные очистные сооружения. Пришлось прибегнуть к постановлению, в обсуждении и утверждении которого я принимал деятельное участие, — я имею в виду постановление «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов». Теперь дымоуловители и очистные сооружения построены. И все же депутатам совместно с представителями различных организаций внимательно следят за чистотой воздуха в нашем городе: теперь мы добиваемся строительства объездных дорог для автомобильного транспорта.

Должен сказать, что горьковчане — депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР, областного, городского и районных Советов — работают очень активно.

В Сормовском районе на месте заброшенного карьера появилось большое озеро, по берегам которого возведены прекрасные дома и разбит Юбилейный бульвар. Заслуга депутатов в этом бесспорная. Недавно сормовичи открыли замечательный Дворец пионеров. Он тоже построен по инициативе депутатов, которые добились не только выделения земельного участка, но и привлекли к делу хороших архитекторов и художников. Я уж не говорю о финансировании: надо было доказать соответствующим органам важность и первоочередность этой стройки.

Микрорайон Мещерское озеро, новые школы, детские сады, дворцы культуры, наконец, горьковское метро, вопрос о строительстве которого в принципе решен, — все это делается и делается по инициативе и при непосредственном участии депутатов — избранников народа.

Мне выпала высокая честь принимать участие в делах не только городского, но также всесоюзного и международного характера. Никогда не забуду, как мы обсуждали и принимали «Закон об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде», много его называют Кодексом законов о тру-

де. «Гарантированная социалистическим строем свобода труда от эксплуатации — основное условие подлинной свободы личности... Трудовые права граждан охраняются законом», — говорится в этом Кодексе.

Но нельзя забывать и о другой стороне дела — той, о которой говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на XVI съезде профсоюзов.

«Советский человек — хозяин своей страны. Он — единственный создатель могущества и богатства общества. Никто, кроме народа, не может у нас воспользоваться результатами общественного труда, но и трудиться за нас тоже некому. Это значит, что каждый должен работать так, чтобы не было стыдно перед самим собой, чтобы можно было со спокойной совестью смотреть в глаза товарищам».

Я думаю, каждый советский человек задумается над этими словами и сделает соответствующие выводы.

Мне, рабочему человеку, пришлось принимать участие и в решении международных вопросов. Как и все советские люди, я горячо одобряю внешнюю политику нашей партии. И об этом я заявил с трибуны заседания Президиума Верховного Совета СССР, выступая в поддержку предложения о продлении на последующие двадцать лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией, выступая по вопросу о ратификации советско-индийского договора.

Представлял я советских парламентариев и за границей. В составе делегации Парламентской группы СССР принимал участие в работе Межпарламентского Союза, заседания которого проходили в Яунде — столице Республики Камерун.

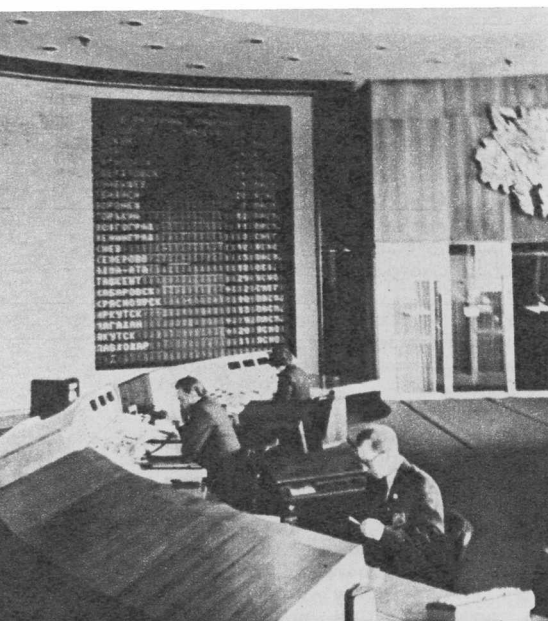
И где бы я ни был, каким бы делом ни занимался, я всегда помнил и буду помнить: я избранник народа и представляю его передовой отряд — рабочий класс.

Сейчас, когда идет выдвижение кандидатов в депутаты местных Советов, нарастает общественно-политическая активность советских людей: проходят предвыборные собрания трудящихся, встречи кандидатов с избирателями. Среди кандидатов в депутаты — передовики и новаторы производства, врачи и педагоги, ученые и общественные деятели, работники культуры и хозяйственники... Высокие, очень высокие требования предъявляют советские люди к кандидатам в депутаты. А те, кто будет избран в Советы, всегда будут помнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева: «Быть депутатом Совета — это почетная, но вместе с тем и очень ответственная, сложная работа».

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

Отсюда управляют всей электроэнергией страны.

— Мария Семеновна, на линии Средняя Волга — Центр пожар. Горит лес, — доложили старшему диспетчеру М. С. Володиной.

— Сколько есть времени?

— Минут десять, не больше. Пожар сильный.

Огонь бушевал под двумя 500-киловольтными линиями электропередач, несущими энергию волжских гидроэлектростанций столичным квартирам, заводам, транспорту. В любой момент два эти потока жизни могли быть прерваны, и тогда...

— Разгрузите Куйбышевскую ГЭС на шестьсот мегаватт.

— Загрузите станции Юга на четыреста, — уверенно командовал диспетчер...

Когда через несколько минут ав-

С НОВОСЕЛЬЕМ!

томатически отключилась аварийная линия, ни один из семи миллионов москвичей не заметил, что город стал получать энергию не с Волги, а с Украины. Ни в одной из квартир даже не дрогнул экран телевизора.

Таковы будни Центрального диспетчерского управления Единой энергетической системы СССР. Оно управляет работой 57 энергосистем — это две трети всей энергетики страны. Их совместная работа экономит мощность в три миллиона киловатт. Это значит, что отпадает необходимость дополнительно строить электростанцию, по мощности равную Братской ГЭС.

Не существует, к сожалению, способа, который бы позволил хранить электроэнергию. Сколько получено на станциях, столько и должно быть израсходовано. Сейчас же, ни мгновением позже.

Остановился завод — освободилась энергия. Немедленно ее надо использовать. Или окончился матч популярных хоккейных команд, выключили телевизоры миллионы болельщиков, сразу же освободилась мощность нескольких Днепрогэзов, сотни тысяч киловатт...

Задача диспетчера — вовремя реагировать на все изменения в системе. Именно от диспетчера зависит и экономия энергии и надежность работы оборудования.

Дирижеров электрических рек недавно поздравляли с новосельем — Центральное диспетчерское управление Единой энергосистемы СССР с Раушской набережной переехало на противоположный берег Москвы-реки в новое современное здание.

Вместе с начальником службы оперативной информации Владимиром Михайловичем Бобровским мы входим в просторный светлый зал. Во всю его 30-метровую длину — голубой щит — схема Единой энергосистемы со всеми крупными

электростанциями, подстанциями, линиями электропередачи. Их работа и состояние отражаются на щите, словно в волшебном зеркале. А за щитом — в «зазеркалье» — царство автоматики. Здесь таинственно потрескивают целые полчища автоматических приборов и аппаратов...

— На старом пульте, — говорит Владимир Михайлович, — диспетчеру приходилось осуществлять управление, основываясь на собственном опыте. Приборы выдавали ему информацию, а он решал, что делать. Но в любой ситуации может быть сотня решений, и лишь одно из них — оптимальное. Найти именно его из-за большого объема сведений человеку не всегда под силу.

Помочь ему в этом и призван новый пульт управления. Здесь вся информация поступает в электронно-вычислительные машины, где она обрабатывается и выдается диспетчеру через телеэкран дисплея. Теперь диспетчер может непосредственно общаться с ЭВМ, которая становится его прекрасным помощником и советчиком.

— Но этим не ограничивается роль создаваемой автоматизированной системы, — продолжает заместитель начальника службы вычислительной техники Юрий Павлович Дараган. — Машины по запросу диспетчера выдают любую оперативную информацию о состоянии в энергосистеме, подсказывают самые подробные схемы отдельных объектов. Но и это не все. Мы планируем перевести Единую энергосистему на полное автоматическое управление. Электронные машины будут обрабатывать информацию и сами выдавать, минуя диспетчера, управляющее воздействие на исполнительные механизмы электростанций.

С. ВЛАСОВ, фото автора

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ВОДУ... ПОД ВОДОЙ

ищут геологи Приморья. По их предположению, почти шестьдесят тысяч лет назад море, наступая, отняло у суши низменность между материком и нынешним полуостровом Муравьева-Амурского — по

ДЕСЯТЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ

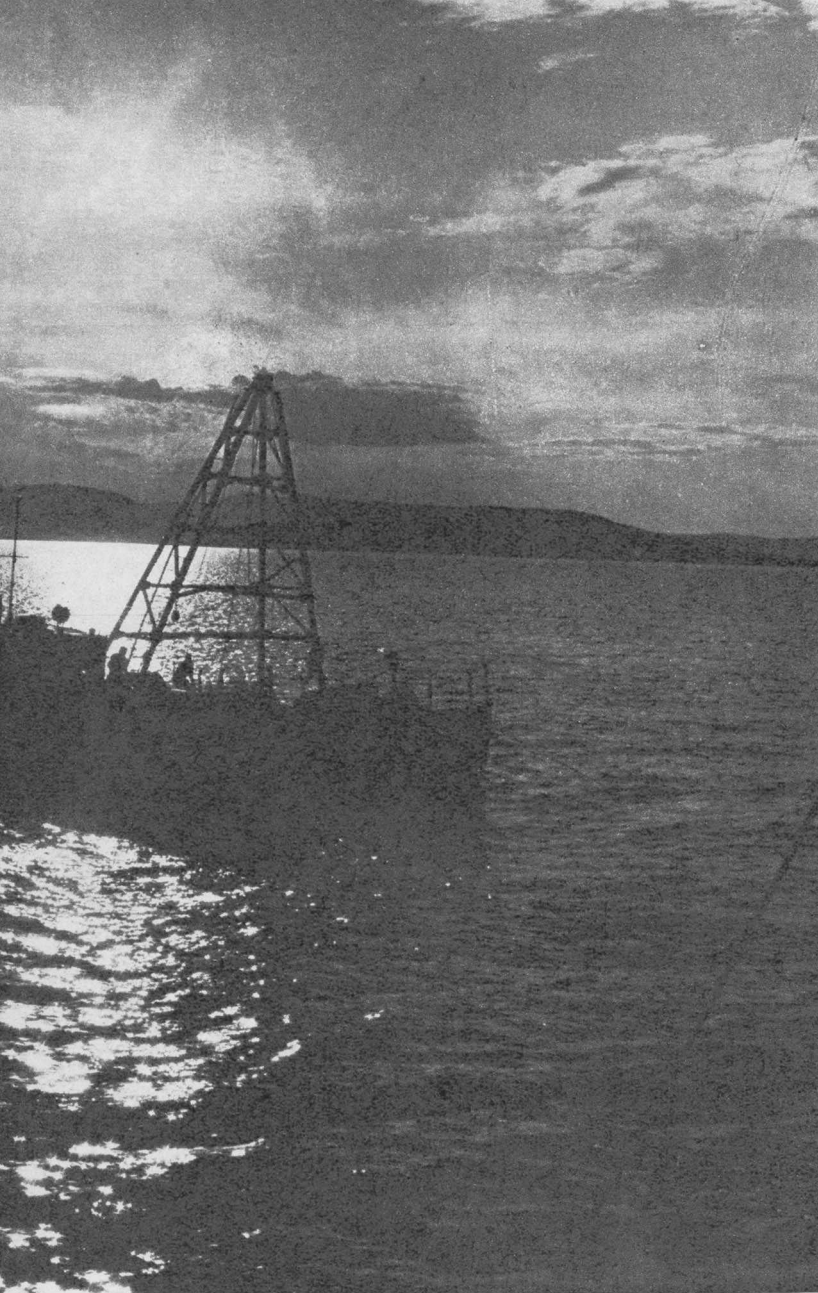
РИГА

Во время
открытия
фестиваля.
Фото автора.

Около 400 мастеров советского кино, делегации кинематографистов братских социалистических стран собрались в Риге, которая на неделю стала центром нашего многонационального киноискусства. 19 мая здесь открылся X Всесоюзный кинофестиваль. Он начал рабо-

ней раньше до самого пролива Босфор Восточный проходило русло реки Раздольная. Потеснив реку, море образовало залив, впоследствии названный Амурским. Река уступила, но не покорила: под соленой толщей залива, под его илистым дном она продолжает жить. Там, в галечных отложениях, течение чистых речных вод. Источник пресной воды почти в центре города — желанный подарок владивостокцам.

Но отыскать на огромной площади залива, под морским дном, речное русло — задача не из легких. Геологи Тихоокеанской морской экспедиции Приморского геологического управления применяют здесь геофизические методы. На поиск воды под водой вышли специальные плавучие буровые установки.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора

ту в преддверии 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и это придало юбилейному кинофоруму особый смысл и значение. «Советские люди», — отмечает в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам и гостям фестиваля, — встречают 60-летие Великого Октября новыми достижениями в решении выдвинутых XXV съездом КПСС задач коммунистического строительства, сохранения мира на земле. Они ждут новых кинофильмов, ярко отражающих нашу богатую историческими свершениями действительность,

трудолюбия и социальные завоевания народа, красоту внутреннего мира советского человека». Выступивший на открытии фестиваля председатель Госкино СССР Ф. Ермаш выразил уверенность в том, что деятели советского кино ответят на приветствие Леонида Ильича Брежнева созданием новых произведений, достойных нашей великой эпохи.

А. ГРЕЧУХИН

МОСКВА

ГОРЬКОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Леонид Максимович Леонов с участниками встречи.
Фото М. Харлампиева.

Книги, которые выпускает издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в сериях «Молодые писатели» (проза) и «Молодые голоса» (поэзия), пользуются широкой и заслуженной известностью. По ним знакомятся читатели со многими писателями, начинающими путь в искусстве.

Литераторы, чьи произведения лишь недавно увидели свет, и те, чьи рукописи еще готовятся к выпуску на редакторских столах, собрались недавно на встречу-семинар, организованную издательством «Молодая гвардия» в свете выполнения постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

На встрече были вручены премии и дипломы издательства за 1976 год за лучшую первую книгу прозы и поэзии: рижанину Марине Костенецкой, автору книги «Завтра на рассвете», и москвичу Ивану Слепневу за поэтический сборник «Моря кончаются землей».

Известные советские писатели и поэты Л. М. Леонов, С. П. Антонов, С. П. Залыгин, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, Ю. М. Нагибин, В. И. Фирсов, В. А. Чивилихин в течение нескольких дней встречались со своими молодыми товарищами, продолжая добрую горьковскую традицию воспитания литературной смены.

ВИЛЬНЮС

ЮБИЛЕЙНЫЙ УШЕЛ В РЕЙС

Этот дизель-поезд несколько не отличается от своих собратьев, верно несущих службу на железных дорогах страны. Такие же желто-красные вагоны, такая же марка завода-изготовителя: «Ганц-Маваг» — Будапешт. Но есть одна деталь, из-за которой вместе с поездом в Вильнюс прибыла делегация тружеников завода и железнодорожников столицы Венгрии. В приемо-сдаточном формуляре этот поезд значится под № 500. Именно столько составов для перевозки пассажиров построено по заказу Советского Союза в братской Венгерской Народной Республике. И не случайно этот поезд был торжественно передан Вильнюсскому депо. Дело в том, что с начала 60-х годов все поступавшие в СССР дизели испытывались на пригородных линиях столицы Советской Литвы, а затем отправлялись на другие железные дороги страны. В Вильнюс неоднократно приезжали специалисты завода «Ганц-Маваг», помогали готовить к эксплуатации свои поезда, а литовские железнодорож-

Машинист С. Орлик за пультом управления.
Фото Н. Верзилова.

ники отправлялись в Венгрию и практическими советами помогали строить дизели. Юбилейный поезд был передан лучшему машинисту — заслуженному работнику транспорта Литовской ССР С. Орлику. Он и повел новый состав в первый рейс.

Я. РАДИС,
корреспондент
газеты «Советская Литва»

Борис ПРОРОКОВ

Народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий Борис Иванович Пророков — один из крупнейших и самобытнейших художников советской графической школы. Его яркие, политически острые произведения вошли в золотой фонд нашего искусства, являя собой пример творчества мастера-публициста, глубоко любившего жизнь, свет, добро и ненавидевшего силы зла и тьмы. Недавно в Государственном музее В. В. Маяковского состоялась выставка его работ. Мы публикуем вкладке произведения Б. Пророкова и статью, написанную художником о горячо любимом им поэте.

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Это было в 1929 году на вечере, устроенном «Комсомольской правдой» после Всесоюзного конкурса художников. Маяковский прибежал на выставку, торопливо осмотрел ее, а потом сказал собравшимся молодым художникам несколько напутственных слов. Воспроизвести их сейчас было бы трудно, но они запомнились как благословение на работу для печати, для народа, для массового зрителя. Он от души приветствовал художников, которые несут свои способности на пользу государству, рисуют для газет на темы, выхваченные из действительности.

Сама эта идея, очевидно, очень импонировала Маяковскому, она совпадала с его представлениями о назначении искусства.

Все это происходило в рабочем клубе. После короткой речи Маяковский прочитал стихи. А потом он извинился, сказал, что очень спешит (ему надо было выступать еще и на другом вечере), а сам вытащил из-за кулис какого-то трепещущего худенького юношу в юнштурмовке и очках, представил его всем как способного поэта Борю Веревкина, у которого есть вот такие хорошие стихи:

И граждане и гражданки,
В том не видя озорства,
Истребляют елки-палки
В день Христова Рождества.

Сказал, что молодой поэт прочитает нам свои стихи, и ушел.

Что читал Веревкин, я уже не помню, так как поспешил вслед Маяковскому. Запомнилась широкая лестница, ведущая к выходу, и он, огромный, величественный, легко сбегающий по ступеням в развевающимся пальто.

Я проводил его до машины, восторженно смотрел, как он складывал свое огромное тело в маленький автомобиль. Это была пора пылкого, юношеского увлечения Маяковским. Нравилась тогда его стихи, они будоражили сердце, они волновали, они казались олицетворением всего того нового, передового в искусстве, что принесла с собой революция. Нравился он весь внешне — такой большой, с таким музыкальным, зычным басом.

Какие огромные надежды и упования сосредоточились тогда для меня в этом человеке, в этой махине, талантище, в этом самобытном создании. И когда попал в ту пору на премьеру «Бани» и на спектакль «Клоп», то больше смотрел на автора пьес, ходил за ним во время антрактов и впитывал, вбирал в себя каждый его жест, поворот головы, слово, случайно услышанное.

Очарование Маяковским все более усиливалось, росло по мере того, как раскрывались новые его книги, познавались новые художественные тайны.

Юность, молодость, последние классы школы были озарены творчеством Маяковского. Это было одно из сильнейших юношеских влияний, какое только может оказывать на растущего человека поэзия. В изобразительном искусстве тогда такую влюбленность и восторг вызывали рисунки Дейнеки. Каждый из них, увиденный в журнале, был праздником. И думалось: «Неужели он не может чаще рисовать?»

Часто наблюдал за Маяковским, когда он приносил свои стихи в «Комсомольскую правду». Раз вошел он в узкий коридор (тогда редакция «Комсомольской правды» помещалась еще в Черкасском переулке), прошел в один из отделов. Сотрудник редакции, прочитав стихи, пожелал их сразу показать редактору. Маяковский сказал, что он пожелает, не будет мешать редактору. И он стал ходить по коридору медленно, сосредоточенно. А я держался где-то на небольшом расстоянии от него, будто невзначай проходил мимо и не сводил с него глаз.

Вскоре редактор прочитал стихи и попросил Маяковского сделать небольшие исправления. Маяковский ответил: «Ну что ж, я уж не настолько гениальный поэт, чтобы не ошибаться». И отошел в конец коридора, где тогда стояли стол и деревянный диванчик. Недалеко была столовая, и коридор весь был наполнен ароматом щей и шницелей. Мимо снова шли сотрудники редакции, останавливались, смеялись, громко разговаривали. Хлопали непрерывно входные двери, поскрипывали

половицы старого, рассохшегося пола. Маяковский, видимо, не обращал внимания на эту шумную обстановку. Он облокотился на стол, вынул самопишущую ручку, что-то зачеркнул, какое-то слово вставил, заново прочитал весь отрывок и отнес стихи в отдел.

Этот маленький эпизод в те годы жизни редакции был обыденным явлением. Никто не придавал особенного значения тому, что в двери появлялся Маяковский. И только теперь, за далью годов, это вспоминается как нечто значительное, связанное со зримыми впечатлениями от живого Маяковского.

Осенью 1929 года я видел Маяковского на Красной площади. Солнце село. Был тихий, сумеречный час. Маяковский шел медленно, задумчиво, иногда поднимал голову и поглядывал на Кремль. Потом снова погрузился в думы и продолжал идти также медленно.

Много позже, когда думал о том, как сделать рисунки к поэме «Хорошо!», вспоминалась эта встреча с поэтом в сумерки на Красной площади. Читал строки:

Я
здесь
бывал
и в мертвом
холоде
а чаще еще — слез и льдин,
просто
один,—

и рисовался тот тихий сумеречный час и поэт, тихо бредущий мимо Мавзолея.

Надо мужественно сознаться, что я неоднократно пытался это нарисовать, но пока еще не хватало умения и сил.

Последняя встреча. Смерть Маяковского была большим личным горем. Было невыносимо жалко, что ушел из жизни поэт, в творчестве которого сосредоточилось все самое светлое, мужественное, передовое, что олицетворялось с представлением о советских людях.

Вместе с тысячной толпой москвичей я шел за красным гробом, привязанным белыми толстыми канатами к окованному листовым железом грузовику. Помнится, тогда продавали книги со стихами Маяковского. Я купил одну такую тоненькую книжечку...

Дома, вернувшись после похорон, опустошенный горем, прочитал ее. Она тогда потрясла огромной силой трагизма и народного пафоса. С тех пор носил в своем сердце образы гениальных произведений.

В мужественной лирике Маяковского я всегда находил душевный отклик. Он был опорой и на Ханко. В полуразрушенной библиотеке разыскали том «Избранного» Маяковского. Я всегда держал его под подушкой. И ночью, когда нарисована карикатура и сдан очередной номер газеты, когда обстрел чуть утихает, вынимал его и читал стихи своим товарищам. И поэзия эта была нашим свежим, животворным источником.

На Ханко была улица Маяковского, она выходила прямо к заливу. Мы ходили по этой улице для творческой зарядки, обдумывали с Дудиным следующие номера газет, темы для стихов и карикатур.

Перед отъездом с Ханко я прошел для прощания по улице Маяковского и сорвал на память оставшийся желтый кленовый лист.

...Свои впечатления и непосредственные ощущения старался пополнять чтением Маяковского, вновь прочитал все его прозаические и поэтические произведения о заграничье. Я как бы советовался с ним, что в моих наблюдениях самое главное, чему отдать предпочтение. Проверял себя, не пропустил ли чего-либо важного, так ли увидел, как надо.

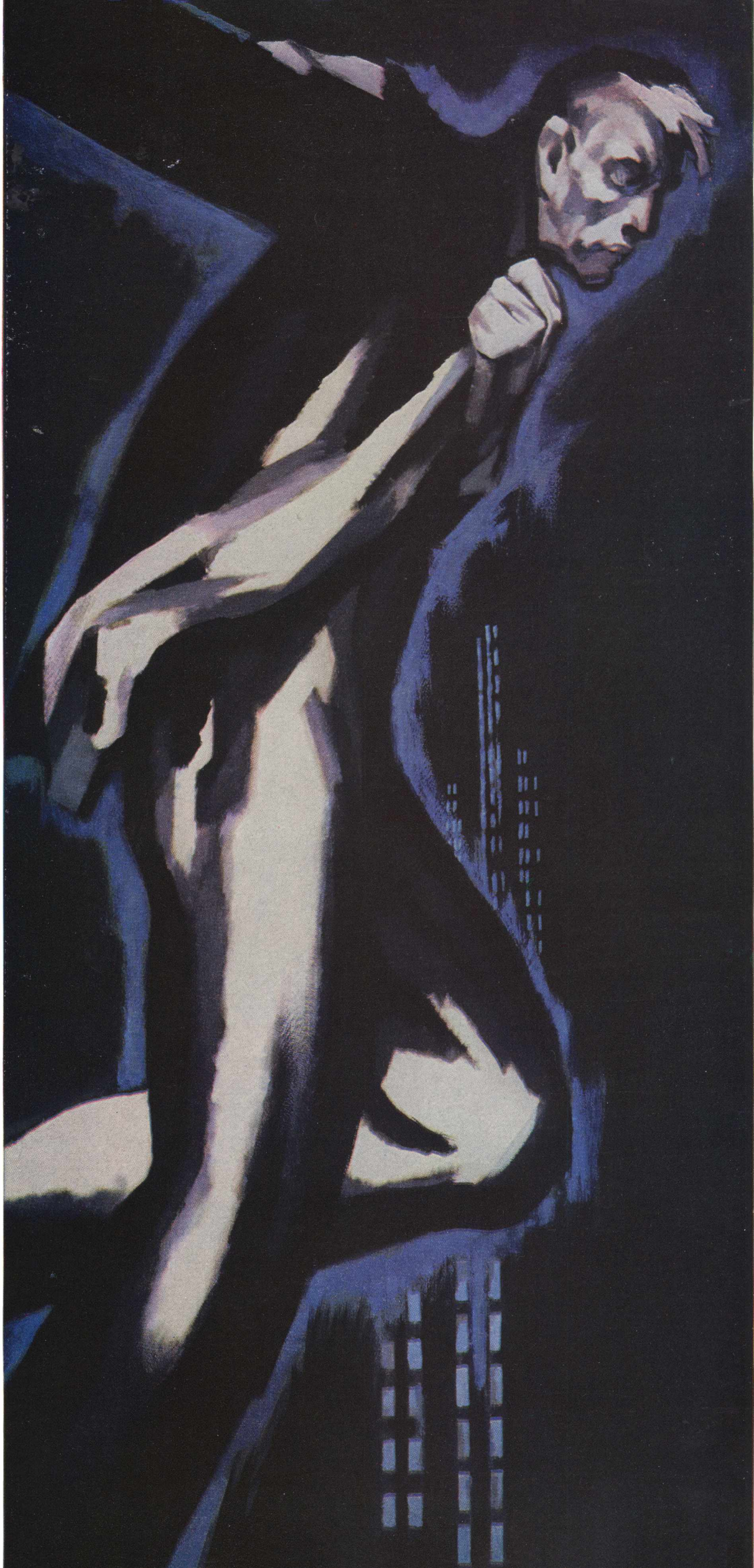
Инстинкт пропагандиста подсказывал, что наблюдения и выводы Маяковского приобретают сейчас необычную силу.

Если бы я был чтецом-декламатором, то читал бы его стихи с подмостков. Если бы я был режиссером, ставил бы его произведения, кинорежиссером — сделал бы кинокартину...

Б. Пророков. 1911—1972.
БРУКЛИНСКИЙ МОСТ.
1963—1965.

Государственный
музей
В. В. Маяковского.

Б. Пророков.
ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ.
1963—1965.

Государственный
музей
В. В. Маяковского.

Но я — художник и считал исключительно целесообразным и полезным вернуть «старое, но грозное оружие» на стенды выставок, на страницы журналов. Это естественное желание. Когда мудрые строки лежат в закрытой книге, может быть, не каждый их заметит. Но если покажешь на выставке, то это лишний раз напомнит о них, донесет мысли самого Маяковского. Это еще важно было и потому, что именно он, Маяковский, так глубоко волнующий меня и любимый мной поэт, побывал в Америке, где я не был. И он опять стал моим реальным помощником. Я старался представить, что он не только думал, но видел. Скрупулезно изучал каждое слово. Доводил себя до состояния иллюзорного представления о предмете, старался видеть глазами Маяковского.

Те впечатления, которые у меня сложились от знакомства с американцами в Европе, и особенно на Дальнем Востоке, где я их наблюдал и рисовал, соответствовали тем характеристикам, которые были даны у Маяковского.

Поэтому не только поэтическую, но и провидческую линию в произведениях Маяковского необходимо было вытащить и снова бросить людям в глаза.

В 1936 году я впервые пытался иллюстрировать Маяковского. Взял мое любимое «Юбилейное». Сделал несколько рисунков, на одном из них Маяковский прогуливался с Пушкиным, сошедшим с пьедестала, по бульвару.

Принес рисунки в редакцию. Смотрели Аввакумов, Семенов. Сказали, кажется, что рисунки несколько суховаты, что акварель не придавала им того трепета, который обязателен для этой техники. Так это и осталось незавершенным.

Впервые серьезно стал работать над иллюстрациями, когда издательство «Молодая гвардия» предложило мне сделать рисунки к книге «Вот она, Америка!». Кстати, эти строки также принадлежат Маяковскому, и в этом сборнике был опубликован его очерк «Мое открытие Америки».

Если в театре существовала «теорийка» о том, что Маяковский не сценичен, то в издательствах бытовала «теорийка», что Маяковский не графичен, то есть его нельзя иллюстрировать.

Пришлось хлебнуть немало горечи поражений прежде, чем удалось найти путь к графической интерпретации Маяковского. Я вижу его в том, что следует иллюстрировать не текст поэта, а его мысль. Почему так? Одну и ту же мысль поэт выразит поэтическим языком, а художник — пластическим.

Например, Маяковский в своем прозаическом очерке пишет: «Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез».

А в стихотворении та же мысль выражена поэтически:

И, елозя
по небьим сводам,
стражем ханжества,
центров и сала,
пялит
руку
ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.

Я сделал множество вариантов композиций к поэтическим строкам. Получалось механическое повторение текста. Неинтересно и скучно. Сделал множество вариантов композиций к прозаическому тексту. Получалось механическое повторение прозаического текста. Нарисована баба, которая замахнулась кулаком, и подписано под рисунком, что та же баба замахнулась тем же кулаком.

Нужно было искать специфически графическое выражение этой мысли. Нашел. Но тогда — новое затруднение: невозможно найти текст, которым подписать этот рисунок. Но, пожалуй, так и нужно. Мысль та же, но стихи и рисунок не мешают друг другу ненужной тавтологией, живут рядом, дополняя друг друга.

Пристально и внимательно старался я изучать все нарисованное Маяковским. Через его плакаты и рисунки хотелось проникнуть в своеобразный мир графического мышления поэта, представить себе, как Маяковский-художник решал поставленные перед собой задачи. Это изучение привело к выводу, что безрассудно подражать Маяковскому-художнику. Несмотря на его художественные способности, он как художник не может быть приравнен к Маяковскому-поэту. В подтверждение можно привести его слова о том, что Окна РОСТА делались с пулеметной быстротой, с закрытыми глазами очерчивался контур рабочего. А о своей поэзии он говорил обратное, всем известные строки о трудности добывания каждого слова. Я помню, он производил странное впечатление, постоянно что-то произносил, повторял. Он круглосуточно работал над рифмой, словосочетаниями, каждое стихотворение рождалось в результате огромных поисков.

С детства мне очень нравился и был любимым художником Репин. Его я узнал и полюбил значительно раньше, чем Маяковского. Когда я размышлял над тем, как же подойти к рисункам, иллюстрирующим произведения Маяковского, мне вспомнился один эпизод, связанный с Репиным.

Маяковский читал как-то Репину «Облако в штанах». Репин прослушал очень внимательно, с интересом, а потом с горячностью воскликнул: «И этот человек утверждает, что он футурист. Да в каждом его рисунке, в каждом штрихе доподлинный реализм». Это восклицание даже несколько озадачило молодого Маяковского. Но в нем была глубокая истина, и Репин не напрасно воспринял произведение поэта как глубоко реалистичное.

Все эти мысли давали верное представление, но еще не приводили к решению. Пришлось испытать много поражений, разочарований прежде, чем удалось выбраться из создавшегося тупика...

Я не могу признать удовлетворительными свои опыты в работе над Маяковским, хотя бы уже потому, что для такой работы нужен художник с более дерзновенным темпераментом, с большими формальными возможностями. Ведь мне ни в какой степени не удалось приблизиться на какую-то дистанцию к стихам Маяковского в смысле их новой рево-

люционной формы. Мне бы хотелось в этой области поработать так же скрупулезно, поискать новые композиции, новые приемы работы, как и Маяковский отыскивал новые оригинальные образы и рифмы. Я не уверен, что это мне когда-либо удастся, вряд ли на это хватит остатка жизни.

Было ясно: если нельзя подражать тем рисункам, которые Маяковский делал во время революции в плакатах, то еще в большей степени недопустимо подражать тем образцам искусства, которые Маяковский глубоко презирал и ненавидел.

Маяковский говорил, что на Окнах РОСТА он учился экономному языку, выбрасывая все ненужное.

В одном-двух словах у него сосредоточены глубокие человеческие переживания. Стихотворение «Бруклинский мост». В нем Маяковский любит техническим творением человеческого рук и человеческого ума. И как будто походя брошенная фраза: «Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой». Одна фраза, но если на ней остановишься, задумаешься, то увидишь мост, почувствуешь холодную сталь ферм, сырость протекающей реки, огромные силуэты небоскребов, окрашенные огнями, и человека, собирающегося покончить жизнь самоубийством, потому что есть нечего и нет силы жить.

Я искал свои графические решения, и изучая взгляды Маяковского на изобразительное искусство. Его Бельведонский — это злое слово образ художника, который дискредитирует советское искусство и с которым мы должны бороться не только в дискуссиях, но главным образом на полотне.

Взгляды Маяковского на искусство могут больше помочь при иллюстрировании, чем его собственные рисунки. Он ненавидел не только проповедь чистого искусства, но в такой же степени и приспособленцев, в своих симпатиях тяготел к художникам более прогрессивным и новым. Для оформления «Клопа» он пригласил молодых тогда Кукрыниксов. «Баню» ему оформлял Дейнека, художник во многом близкий, созвучный поэту.

Художнику надо учиться у стихов Маяковского, сделал я для себя вывод.

Нужно было вооружаться в графическом решении рисунка теми же разнообразными средствами, какими пользовался Маяковский. Он в одном стихотворении концентрировал удар всех родов оружия — сатиру, драматизм, сарказм и призывной лозунг. Все это разнообразие приемов и составляет характер поэзии Маяковского.

Пришлось в этом плане решать и свою графическую серию, совмещая в ней реалистические драматические образы, гиперболу, сатиру и патетический призыв... Так называемые станковые иллюстрации, рассчитанные не на книгу, а на стенд выставочного зала, должны иметь внутреннее конструктивное построение, то есть надо было найти не только сюжетную, но и формальную композицию этих листов.

В помощь я привлекал прозаические записи Маяковского о Кубе. Мне хотелось постичь, как Маяковский положил на стихи свои впечатления от посещения этой страны. Вчитываясь в слова путевого очерка, я старался не только увидеть, но даже услышать этот трагический рассказ о судьбе негритянской семьи, ставшей символическим изображением жестокой колониаторской политики американских империалистов.

Снова читал, вчитывался, вживался в каждое слово стихотворения.

Почему мне так хотелось сделать рисунки именно к этому стихотворению? Да хотя бы просто потому, что хотелось лишний раз напомнить об удивительном умении Маяковского проникнуть в сердце и душу простых людей, хотелось еще раз показать нашему молодому читателю великую гуманистическую и революционную силу поэзии Маяковского.

И все же серия не получала того звучания, которое — я чувствовал это всем сердцем — придавал своему стихотворению Маяковский. Получалось несколько отдельных иллюстраций, которые не передавали основного пафоса стихотворения, то есть той главной мысли, ради которой оно написано.

Для того, чтобы рисунки были созвучны идее стихотворения, нужно было снова отходить от иллюстрирования текста. Это удалось сделать только путем многократного вчитывания в текст.

Строки:

Одни говорят — «цивилизация»,
другие — «колониальная политика», —

я читал десятки раз с различной интонацией: горько-иронической, саркастической, словно бы объективно. Но когда пытаешься представить и услышать, как бы Маяковский сам прочитал эти строки, то в памяти возникает его гневный, обличительный и призывный голос. Встают два мира — один хищнический, прикрывающийся лицемерными фразами о цивилизации, и другой мир — свободы, протеста против порабощения и империализма.

Вот почему идею этого послесловия в серии рисунков я вывел как бы за скобки. С одной стороны — колониальный полицейский, с другой стороны — восставший негр.

О чем я мечтаю? О рисунках, в которых удалось бы достигнуть гармонии новых образов с новой формой. Впрочем, это задача не только иллюстраторов Маяковского, а главная забота всех художников, которым дорога правда.

***

Борис Пророков записал в дневнике за два месяца до кончины:

«Сатира была не просто профессией. Это — убеждение. Убеждение в том, что за человека социалистического общества надо повседневно бороться. Строить не только индустрию, плотину, колхозы, но строить и человека. Так я думал и так поступал. Классовый враг жил не только «в сознании людей», он жил и рядом».

Я сознательно и убежденно во имя революции и построения социализма отдавал свои силы сатире как острейшему оружию критики и самокритики. Карикатуру находил во сто раз полезнее и нужнее цветочков, задочков и видочков».

Героическая четверка полярных исследователей (слева направо): Э. Т. Кренкель, И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов.

40 лет назад советская полярная воздушная экспедиция достигла Северного полюса, водрузила там флаг нашей Родины и создала первую в истории дрейфующую научную станцию «Северный полюс-1».

Рассказать об этом событии редакция попросила Героя Советского Союза, генерал-майора авиации И. П. МАЗУРУКА. Он был командиром одного из четырех воздушных кораблей, доставивших экспедицию, и в дальнейшем еще 254 раза приводил самолеты на последующие станции «Северный полюс».

К Северному полюсу люди стремились издавна. Доплыть на судах, дойти на собачьих упряжках, долететь на воздушных шарах, добраться с дрейфующим льдом и даже на подводной лодке, доплзти до этой неведомой, но такой манящей макушки земного шара. Многие смелые экспедиции оказались безуспешными. Некоторые из них кончались трагически.

Запланированную высадку на лед полюса с дирижаблей (а это значительно безопасней, чем с самолетов) не рискнули осуществить ни норвежец Р. Амундсен в 1926 году, ни итальянец У. Нобиле в 1928 году.

21 мая 1937 года четырехмоторный самолет «АНТ-6», пилотируемый Героем Советского Союза М. В. Водопьяновым, произвел первую в истории посадку на дрейфующую льдину Северного полюса. Вскоре за ним сели еще три таких же самолета.

Основной задачей экспедиции было не достичь точки Северного полюса, а организовать научно-исследовательскую станцию, положить начало систематическому и планомерному изучению центра Ледовитого океана.

Советский воздушный десант состоял из 35 высококвалифицированных полярных исследователей во главе с академиком О. Ю. Шмидтом.

Сорок лет назад перелет из Москвы на Северный полюс четырех тяжелых тихоходных самолетов был чрезвычайно трудным и рискованным делом, особенно посадка на неведомый лед полюса. Для гарантии нами был предусмотрен вариант с предварительным десантом для подготовки посадочной полосы. К счастью, он не понадобился. Впервые на самолетах были применены тормозные парашюты, которыми так широко пользуется современная реактивная авиация. Самолеты экспедиции не имели антиобледенителей, отопления, автопилотов, убирающихся шасси и многих важных приборов. Они имели ограниченный запас горючего, не позволяющий обходить районы плохой погоды. Метод полета был визуальный, только с кратковременными вынужденными заходами в облачность, ибо обледенение представляло большую опасность. Почти весь маршрут полета до полюса проходил по очень мало изученной местности, без точных карт и магнитных склонений, при скудной информации о погоде.

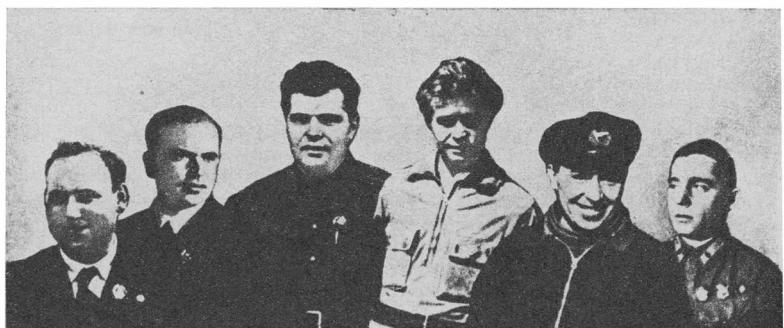
Было очень много риска и опасностей, но важное задание Родины было выполнено без единого ЧП. Мы были безмерно счастливы.

Утром, 6 июня 1937 года, воздушные корабли поднялись с Северного полюса и отправились в обратный путь в Москву, а на льдине осталась первая в мире дрейфующая научная станция «Северный полюс-1» и четыре отважных полярных исследователя: начальник станции И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, магнитолог-астроном Е. К. Федоров и радист-метеоролог Э. Т. Кренкель. Свою героическую работу огромной значимости и полную опасностей они блестяще выполняли в течение 274 дней и уже с обломка льдины размером 30 на 50 метров были сняты ледокольными пароходами «Таймыр» и «Мурман» в Гренландском море, а в марте 1938 года герои прибыли в ликующую Москву.

Уже летом 1937 года станция «Северный полюс-1» обеспечивала грандиозные перелеты экипажей В. П. Чкалова и М. М. Громова из СССР в США через Северный полюс.

Опыт беспримерных и отважных работ 1937 года был успешно расширен советской наукой и во многом позаимствован иностранной. С помощью авиации подвижные исследовательские отряды высаживались на льды в самые труднодоступные районы Ледовитого океана. Сегодня на дрейфующем льду работают 22-я и 23-я по счету научные станции.

Летчики, удостоенные звания Героя Советского Союза (слева направо): П. Г. Головин, А. Д. Алексеев, М. В. Водопьянов, В. С. Молоков, И. П. Мазурук, И. Т. Спирин.

Михаил ОДИНЦОВ,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации

М

итрохин вернулся из штаба дивизии, собрал всех летчиков полка, чтобы поставить им задачу. Полеты предстояли не боевые, но не менее ответственные.

— Товарищи летчики! На полигон доставлена трофейная боевая техника фашистской армии: самолеты, танки, артиллерия, автомобили. Все это расставлено в определенных тактических вариантах. По разным целям будут бомбить и стрелять истребители, штурмовики и бомбардировщики. Нам приказано подготовить пару Илов по танковой колонне, звено — по артиллерии на огневой позиции, эскадрилью — по оборонительной позиции роты. Все цели настоящие. Техника заправлена горючим и имеет на борту полный боекомплект. Люди заменены манекенами. Смотреть на применение наших средств поражения будут очень высокие начальники и, возможно, сам товарищ Сталин. Условия работы: бреющий полет, израсходовать весь боекомплект самолета с одной атаки, никаких повторных заходов, потому что сзади будут вплотную по времени идти другие экипажи и группы. Назначая командиром пары Осипова, звена — Шубова, эскадрильи — Русанова. Вылет завтра. Время будет уточнено. А теперь за подготовку...

Как часто бывает в таких случаях, все готово, люди рвутся в воздух, начальники нервничают, но никто ничего не может сделать с погодой. Тут приказать некому и повлиять на обстоятельства нет никакой возможности.

Утро выдалось на редкость хмурое. Холодный дождь то усиливался, то немного ослабевал. Светлело небо — и ритм жизни на аэродроме сразу ускорялся, но ненадолго. Через двадцать — тридцать минут аэродром вновь затягивался густой водяной дымкой. Этот холодный душ остужал горячие головы, и ощущение опять овладевало аэродромом. Наконец звено Шубова и эскадрилью Русанова освободили от дежурства. Осипов и его ведомый старшина Цаплин остались на КП полка вдвоем.

Когда аэродром затянуло очередной волной дождя, Осипов посмотрел на часы: стрелки ушли за одиннадцать.

— Цаплин, мне думается, что если бы на полигоне не было начальников, которые приехали посмотреть нашу работу, то давно бы с нас эту задачу сняли.

— Наверное, так. Чего бы нас в готовности держать? Это ж не на фронте. Дело к обеду, а там скоро и сумерки. Видать, не слетаем сегодня.

— Слетаем или нет — пока неясно. Но готовыми надо быть на самую плохую погоду. Будет малюсенькое окошечко, и пошлют.

— Понимаю, слетаем. Осипов посмотрел на поле. Дождь хоть и стал меньше, но продолжался.

Вошел начальник штаба.

— Осипов, сколько тебе времени надо на полет до цели?

Продолжение. См. «Огонек» № 21.

ИСПЫ

— Двадцать одну минуту.

— Ну, тогда нормально. Передали, что на полигоне погода улучшилась, и сейчас будем работать. Впереди тебя пойдут две пары истребителей, потом ты, а сзади — бомбардировщики: один и звено. Твое время удара — двенадцать тридцать. Цель прежняя: колонна танков.

— Понятно. Тогда мы побежали. Через двадцать минут вылет.

— Давайте по самолетам.

— Цаплин, по коням. Не забудь обогреть ПВД¹ включить, а то забьется водой или снегом и приборы откажут.

— Не забуду, командир.

Матвей не воевал вместе с Цаплиным. Он пришел в полк с последним пополнением. Но два месяца совместной службы и полетов позволили обоим хорошо понять друг друга, проникнуться взаимной симпатией и доверием. Оба надеялись на фронте летать в паре бок о бок и крыло в крыло идти через огонь. Зная дисциплинированность и аккуратность Цаплина, Осипов не донимал его мелкой опекой; но все же командирская привычка взяла свое: не удержался и напомнил о подготовке к вылету.

...Взлетевшая пара Илов обрушилась ревом моторов на крыши домов аэродромного городка и сразу скрылась за плотной сеткой дождя.

Ни Осипову, ни Цаплину еще ни разу не приходилось летать в такую погоду: облака не позволяли набрать даже сотни метров высоты, а дождь залил переднее стекло фонаря кабины матовой голубизной, через которую ничего нельзя было разглядеть. Матвей посмотрел вправо, на самолет своего ведомого. Цаплину, видимо, было невмоготу сидеть в дождевой мышеловке, и он сдвинул назад фонарь кабины. Сказав про себя старшине спасибо, Матвей тоже снял броневой колпак с переднего стопора и откатил его по направляющим рельсам назад. В кабине стало шумно, но зато отлично все видно — можно было ориентироваться. Земля стремительно вырывалась с боков залитого водой лобового стекла и сразу пряталась под широкие крылья. Мелькание дорог, перелесков, деревень и поселков было утомительным. Глаз не успевал их узнавать. Матвей решил, что если он будет пытаться в этих условиях вести детальную ориентировку, то обязательно запутается и заблудится. Надо выдерживать курс полета как можно точнее, чтобы не проскочить стороной изгиб Клязьмы и массив леса, от которых начинался боевой курс.

— Цаплин! Помогай с ориентировкой! Правильно идем?

— Вроде бы да!

...Прошло десять минут полета, и Матвей повел самолет вверх, под самую кромку облаков, чтобы хоть что-то видеть на земле. Тут облака поднялись уже до двухсот метров, посветлело. Вперед стало видно километра на три. Можно было посмотреть на карту, найти свое место над землей. Облегченно вздохнув, Матвей перехватил штурвал в левую руку, а правой надвинул фонарь на кабину. Оглянувшись на ведомого. Цаплин закрыл фонарь и, увидев голову Осипова, повернутую в его сторону, показал в форточку сначала пять растопыренных пальцев, а потом один большой палец, поднятый вверх. Значит, и у него все хорошо. Появилась речушка, а за ней и лес. Над лесом надо было ставить оружие в боевое положение.

— Копна, я семьсот двенадцатый, парой, прошу разрешения работать.

— Семьсот двенадцатый. Я Копна, разрешаю подход. Подтверди цель.

— Я семьсот двенадцатый. Колонна танков... На боевом...

— Я Копна, разрешаю работу.

— Цаплин! Перезарядка, все снято с предохранителей.

— Сделал. Полигон вижу...

— Хорошо. Колонну нашел. С правым доворотом, пошли.

Матвей повернулся на левую половину выстроенных цепочкой танков и перевел машину на снижение: в прицеле танки быстро росли в размерах.

— Огонь...

Загрохотали пушки. Взвизгнув, ушли реактивные снаряды — все восемь в одном залпе. Матвей перехватил гашетки, и к пушкам добавились вой пулеметов.

Земля была уже совсем близко, когда отпустил гашетки пушек и пулеметов. Вывел самолет из снижения метров на двадцать — тридцать и нажал на новую кнопку — пошла вниз бомбовая серия, а другой рукой сразу дернул рычаг аварийного сброса, чтобы не осталась в люках случайно зависшая бомба.

Оглянулся назад. Цаплин шел рядом. Вытер рукавом взмокший лоб — двенадцать секунд атаки кончились.

— Семьсот двенадцатый работу закончил.

— Я Копна, вижу. Молодцы!

Матвей развернул самолеты курсом домой и услышал, как очередной бомбардировщик докладывает полигону о своем прибытии. Подождет, пока закончится разговор земли с самолетом.

— Цаплин, аварийно бомбы проверил?

— Проверил. Все на предохранителях.

...Короткий передрыв кончился. Облака вновь начали жать самолеты к земле, пошел дождь. И чем ближе Осипов и Цаплин пробивались к дому, тем плотнее лились потоки воды. Впереди ничего не было видно, по боковым стеклам неслись косые струи, которые воздухом забрасывало в кабину. Илы шли над самыми крышами домов, макушками деревьев, а впереди их ждали многоэтажные дома, трубы, мачты.

Матвей посмотрел на Цаплина. Тот опять открыл фонарь и шел вплотную к его самолету. «Он сейчас полностью доверился мне, — подумал Осипов. — Если я за что-нибудь зацеплюсь, то оба погибнем. Он один из этого ада не выбьется».

— Цаплин, слышишь меня?

— Слышу, командир.

— Вперед или назад пойдем?

— Если найдем аэродром, то вперед.

— А если нет? Ничего не вижу. А как там сядем среди труб и домов?

— Тогда на запасной.

— Вот это — другое дело. Давай вправо «блинчиком». Слева от нас где-то рядом большие мачты.

— Понял!

Это слово выдало всю внутреннюю напряженность Цаплина. Матвей почувствовал, что ведомый очень боится потерять его самолет в этом дожде, потому что не знает, где они сейчас находятся. А в такую погоду, да еще в Подмоскovie, с его путаницей дорог и поселков ориентировку восстановить почти невозможно...

...Снова полет на восток... Прошли длинные пять — семь минут, и самолеты выскочили из-под «душа». Матвей облегченно вздохнул и почувствовал, как расслабились мышцы спины.

— Командир, а самолеты-то здорово вымыло. Как новенькие!

Счастливая улыбка и радость жизни послышались в этих словах Матвею. Надо было обязательно поддержать разговор.

— Хорошо. Техника работы будет меньше.

Прошло еще несколько минут, и Илы оказались над желтым полем. По краям его стояли самолеты различных марок. По длинной стороне, от леса, лежало посадочное «Т». Можно было идти на посадку...

Осипов связался-таки по телефону со штабом дивизии. Слышно было плохо.

Начальник штаба дивизии сердился на плохую связь, Осипова и погоду.

— Что тебе, Осипов, надо?

— Разрешение на перелет домой. Нам здесь

вылет разрешают, если вы примете. Дождя метеорологи больше не дают.

Трубка молчала.

— Алло! Товарищ подполковник, вы меня слышите?

— Слышу, не тарыхти... Сколько тебе лететь?

— Двадцать шесть минут.

— А через сколько вылетитишь?

— Минут через пятнадцать.

— Давай вылетай. Скажи там, что я разрешил.

...Осипов вел свои самолеты над шоссе, что с востока упиралось в Москву. Шоссе было прямое, как летящая стрела. Нужно только не прозевать ориентир, чтобы от него уже, «держась» за железную дорогу, прийти к себе домой. Но чем дальше они продвигались на запад, тем ниже и ниже опускались облака, и, наконец, облака и земля соединились вместе. Туман спрятал от Осипова весь мир, оставив ему лишь маленький эллипс земли в уголке между крылом и мотором, вскоре превратившийся в малюсенький пятачок, который то и дело задерживался белым волокном. Идти ближе к земле уже было нельзя. Осталось одно — повернуть назад.

— Цаплин, опять надо возвращаться. Ты держись за меня повнимательней. Мне на тебя смотреть нельзя, можно землю потерять.

— Понял, командир. Удержусь.

...Осипов после разворота снова нашел шоссе, и теперь оно указывало им путь на восток. Но полет в обратную сторону тоже не приносил облегчения. Впереди белая стена, а ниже самолетов на десять метров — бешеное мелькание пестрой земельной мозаики со скоростью восьмидесяти метров в секунду. Матвей смотрел больше на часы и их секундную стрелку; он боялся пропустить нужный ему ориентир, от которого можно развернуться на аэродром. Все время сверлила мысль: «Если пропущу ориентир — пропадем». Под левым крылом летело шоссе. Осипов ждал, когда появится мост через реку, и воспроизводил в памяти картину аэродрома. Матвей вспомнил, что можно было садиться только по длинной его стороне. Мелькающее шоссе мешало думать. Но все же картина предстоящей посадки прояснилась.

«После взлета разворачивались влево на срок пять градусов, чтобы выйти на этот спасительный мостик. Значит, пройдем аэродром, развернемся строго на восток, затем вправо на сто восемьдесят градусов и постараемся попасть на посадочное поле. Если не попадем, то придется уходить на шоссе и искать мост, а потом от него снова танцевать, как от печки»...

В положенное время выскочил из тумана мост, и Осипов развернулся на северо-запад. И опять перед глазами компас, часы, а внизу летящий навстречу маленький кусочек большой земли. Желто-зеленые пятна мелькали перед глазами, но Осипов не отвлекался. Главное было впереди. Надо выскочить на аэродром и не просматреть его. Решен будет первый этап, тогда появится надежда и на второй. Теперь нужно выждать три минуты и десять секунд. Осипов не слышал работы мотора, не обращал внимания на то, как управляет самолетом. Внимание было сосредоточено на курсе полета и времени. Секундная стрелка казалась ему очень ленивой. Она, не торопясь, прыгала с одной отметки на другую, и каждый ее круг был мучительно долгим. Казалось, что часы вот-вот остановятся. У Осипова появилось желание их подзавести, но он заставил себя этого не делать, так как хорошо помнил, что перед вылетом с аэродрома проверял их завод.

— Цаплин, до аэродрома тридцать секунд. Если увидишь, скажи.

— Понял!

Матвей впился глазами в землю. Вышли и последние секунды, но аэродрома не было. Надо было выдержать характер. Подождать еще секунд двадцать, а то и тридцать. Они уже не имели принципиального значения, потому

¹ ПВД — приемник воздушного давления, от которого работают приборы.

ТАНИЕ ОГНЕМ

что на возврат у него будет все равно точное время. Пошли для Осипова самые длинные секунды жизни. Он ждал: земля, курс, время и снова земля.

И через пятнадцать секунд все его существо обожгло радостью — внизу мелькнули постройки, потом в поле зрения попали два самолета, за ними желтоватая поляна.

Радостно крикнул:

— Цаплин, аэродром. Будем садиться.

— Хорошо, командир. Понял.

Место их спасения осталось сзади, и теперь на него нужно было снова выйти, но уже по посадочной полосе.

Выждав нужное в его понимании время, Осипов плавно развернулся на восток. Над лесом туман стал еще плотнее и полностью съел всякую видимость. Тридцать секунд полета, и опять разворот на обратный курс. Курс, который мог обеспечить жизнь.

— Цаплин, выпускаем шасси.

— Выпустил.

— Садиться будем вместе, парой.

— Понял, понял.

— Выпускаем закрылки наполовину.

— Выпустил.

Осипов смотрел на землю. Сейчас должен быть аэродром. Вот он. Но под Илами были стоянки и на них самолеты. Полоса для посадки оказалась левее. Радиус разворота на сто восемьдесят градусов был учтен с ошибкой.

— Спокойно, Цаплин. Сейчас поправимся. Убираем закрылки. Шасси не трогать.

— Убрал. Шасси выпущено.

— Молодец. Не горячись. Теперь-то уж сядем.

— Давай, давай, командир!

Разворот вправо, опять на курс девяносто градусов. И опять курс, время. Длинных сорок пять секунд.

Время вышло. Разворот на посадочный курс.

— Возьмем поправку. Цаплин, вправо на пять градусов. Должно сейчас получиться. Закрылки наполовину. Так и будем садиться.

— Понял, понял!

Голос Цаплина звенел и тревогой, и радостью, и уверенностью.

Время вышло. Лес кончился. Внизу желтое поле. Осипов отжал машину вниз — аэродром.

— Садимся.

Перед Осиповым взлетели две красные ракеты.

— Садись!

Сажая машину, Матвей в правом верхнем углу увидел уходящий на второй круг самолет. Уходил Цаплин.

«Куда? Зачем?» Матвей был на земле. Туман не позволял видеть впереди себя далее двухсот метров. Надо было тормозить, быстрее остановить самолет.

— Ты почему не сел?

— Как почему? Красные же ракеты нам дали!

— Ладно. Потом разберемся. Где ты сейчас?

— Развернулся на обратный посадочному курс.

— Хорошо. Выдерживай время сорок пять секунд и одинаковый крен на разворотах.

— Буду стараться.

Осипову теперь было трудно понять, где ему пришлось тяжелее: в воздухе, во время поиска аэродрома, или теперь, когда его товарищ остался один в воздухе, а он ему уже ничем помочь не может. Это была не боязнь за себя, а чувство командирской озабоченности за судьбу человека, который поднялся в воздух, выполняя его, командирскую волю.

Время захода на посадку прошло, а самолета видно не было.

— Как дела?

— Не попал на аэродром.

Прошло еще два пустых захода, и Матвей окончательно убедился в том, что Цаплин аэродрома не найдет. Где-то у него произошла ошибка. Теперь надо было спасать летчика.

— Цаплин, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Кончай искать аэродром. Разворачивайся на север, набери метров триста высоты в облаках и прыгай с парашютом, брось самолет. Понял?

— Ответа не последовало.

— Цаплин, брось самолет. Прыгай, пока есть горячее.

Летчик молчал. Почему? Может быть, он действительно не слышал? Сбилась в этот момент настройка приемника? Или не хотел прыгать, а надеялся спасти машину? Ответив же на полученный приказ, надо было его выполнять.

— Цаплин, как слышишь меня?

Радио молчало. И Осипов понял, что разговор прерван. Выключил свою рацию и мотор самолета. Осталось одно — ждать.

Подъехал полковник на «эмке». И люди, стоявшие у самолета, расступились.

Доклада Осипова полковник принимать не стал.

— Где второй самолет?

— Не знаю. Велел прыгать, но летчик на это не ответил.

— Прыгать. А почему не посадил?

— Сели бы, если б не финишер. Когда мы из тумана выскочили, тот дурень нам в лоб две красные ракеты.

— Почему?

— Не знаю. Надо у него спросить.

— Поехали.

Начало темнеть. У посадочного «Т», на маленькой скамейке, как старый, нахохлившийся от дождя ворон, сидел пожилой красноармеец. От пилотки и до ботинок с обмотками все на нем было мокро. Видимо, сидел он тут с самого утра. Не только промок, но и промерз. Лицо было сине-землистого цвета, подбородок покрыт серой щетиной.

— Стрелял ракетами, когда садились ИЛы?

— Стрелял.

— Какими?

— Как какими? Красными положено.

— Что положено и почему?

— Сначала я слышал, что гудит где-то. Потом, вижу, выскакивают два самолета, но наискосок к «Т». Ну, зашли так, что надо было уйти на повтор. Ушли, значит. Потом, вижу, вновь выскакивают и садиться хотят строем. Сразу оба вместе. Но это же запрещено! Ну, я по инструкции, как положено, дал красные ракеты, чтобы, значит, один сел, а второй ушел на повтор.

— Как же можно было угонять на второй круг в такую погоду?

— Так я откуда знаю? Раз летают, значит, можно. А у меня инструкция: колеса не выпустил на посадке — красная ракета, вдвоем заходят садиться — красная ракета, занята посадочная — тоже красная ракета.

Подождала полторка. Из кабины выскочил летчик с повязкой на рукаве «Дежурный по аэродрому».

— Товарищ полковник!

— Что товарищ полковник? Сейчас начнется. Слушаю.

— Упал самолет. Пост ВНОС² сообщил. Вот здесь.

Показал карту, на которой километрах в двадцати севернее аэродрома стоял крестик.

² Пост ВНОС — пост воздушного наблюдения, оповещения, связи.

— Ну! Что тянешь?

— Летчик погиб...

Матвей глубоко вздохнул. Спине стало холодно. Переступил с ноги на ногу.

— Кто тебя выпускал, лейтенант?

— Дежурный. Он разрешил и звонил на старт вот этому деду.

— Не деду, а красноармейцу, или финишеру.

К дежурному:

— Дал разрешение?

— Давал. Но лейтенант Осипов перед этим разговаривал со своим начальником штаба дивизии по телефону, и тот ему разрешил.

— Ему разрешил. А ты сам это по телефону слышал?

— Нет. Мне Осипов передал его разрешение. А разговор их я слышал.

— Ладно. Хватит. Давай, дежурный, свертывай старт, красноармейца с собой в машину. Сразу каждому написать объяснительные записки, и тебе, Осипов, тоже. Самолет твой под арест. Пока ваши начальники не разберутся, что с тобой делать. Поехали в санчасть. Дам тебе фельдшера, санитарную машину, носилки и людей. Надо вытащить из обломков твоего пилота... Дежурный, позвони на пост ВНОС, чтобы машину встретили на дороге, а то уже темно будет. Ничего там не найдешь.

...Ранним утром открытый ЗИС мчался по шоссе к Москве. В кабине рядом с шофером сидел майор Ведров, приехавший за погибшим и Осиповым. В кузове рядом с Матвеем сидел капитан НКВД, а на полу стояли носилки, накрытые белой простыней. Носилки и простыня в нескольких местах были перехвачены шпагатом, чтобы покрывало не сорвал ветер, отчего тело Цаплина напоминало мумию. Матвей сейчас не видел ничего вокруг и не ощущал холодного влажного ветра, бьющего в затылок. Взгляд его был устремлен на носилки, и когда они отползали от тряски почти до самого заднего борта, он подтягивал их к себе. Делал это он сосредоточенно, как будто бы в положении носилок сейчас было главное.

...Самолет Цаплина нашли только утром. От лесной полянки он был отделен двумя десятками крупных сосен и блестел среди темных стволов своей чистой голубизной. Кабина летчика была внизу, а сверху, как два часовых, поднявших высоко свои головы, торчали колеса шасси. Целый самолет. Только за хвостом несколько срубленных крылом деревьев. Из-под самолета его позвал фельдшер:

— Эй, летчик, иди помоги. Видишь, что получилось: весь целый, на привязных ремнях висит. Бензина нет. Чисто. Когда самолет ударился о землю, то фонарь сорвало с заднего стопора и он пошел вперед и разбил голову летчику. Упав с закрытым фонарем — был бы живой.

Закончив работу, фельдшер налил ему полстакана спирта и, заставив выпить, сунул в руку кусок хлеба:

— Пожуй немного. А то на тебя жалко смотреть: не обедал, не ужинал, не спал. Своим горем теперь этому хлопцу уже не поможешь.

...Матвей очнулся. Капитан толкал его в плечо.

— Слушай, Осипов, а ты часом не пьяный вчера летел?

— Это вы сейчас придумали?

— Не придумал, а слышу. Запах от тебя идет. Запах есть, а не пьяный. Значит, перегар. Пил вчера, когда летал, наверное.

— Мне фельдшер сегодня утром дал, там в лесу, где Цаплин упал.

— Ну, ну... Почему ты сел, а его одного в воздухе оставил?

— У вас же объяснительная. Там все написано. Зачем вновь спрашивать?

— Это не твое дело. Раз спрашиваю, отвечай.

— Сели бы оба, если б не ракеты. Велел садиться, да поздно увидел, что он не выполнил приказание, а за ним бесполезно было идти. Все равно бы не нашел в этой муре.

— Вот ты говоришь, что начальник штаба дивизии тебе вылет разрешил. А он это не подтверждает. Говорит, что у него с тобой никакого разговора не было.

— Был. Врет он.

— Врет или не врет, еще посмотрим. Только у тебя и того дежурного, на которого ты ссылаешься, как на свидетеля, нет никаких доказательств. Раз так, то поверят начальнику, а не тебе.

— Начальству да и вам всегда виднее.

— Конечно... Еще вопросик. Может быть, ты специально Цаплина одного в воздухе оставил?

— Это зачем?

— Как зачем! Вдруг поссорились раньше? Враждовать начали. А тут такой случай, рассчитывать можно.

— Дурак ты, хоть и капитан.

— Ну, ты полегче. Не ты, а я веду следствие. И не задирай. Отвечай, были в ссоре по работе или из-за девок каких-нибудь?.. Ну, как знаешь. Будешь отвечать или нет, а судить тебя трибуналом будут. Так что не ересься. Вот приедем и пойдешь под стражу. А побежишь — пристрелю из твоего же пистолета. Так что подумай...

...Наконец-то неопределенность кончилась. Позади были и странное следствие и скорый суд. Следствие — без допросов, суд — без вопросов. Члены трибунала и единственный представитель полка в суде майор Ведров ушли. В тишине зала, как эхо, Осипову все еще слышались слова:

«...восемь лет лишения свободы заменить отправкой на фронт. В штрафной батальон не направлять. Для отбывания наказания оставить в полку в должности рядового летчика. Из-под стражи освободить. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

«Вот, Матвей, и вернулся ты к своим летчикам, — подумал Осипов. — Но кем?.. Преступником. Не все тебя теперь в полку понимают, да и поймут ли потом? Катастрофа есть катастрофа. Тем более что приговор зачитают перед строем полка. А это официальный документ... Кто будет после этого обсуждать обстоятельства гибели Цаплина и наберется смелости вслух сказать, что Осипов вылетал не самовольно?»

Он не знал сейчас, кто пытался и пытались ли доказать его невиновность. Но был уверен, что в его «преступную недисциплинированность» никогда не могли поверить Русанов и Мельник. А раз они ему не помогли доказать его невиновность — значит, не смогли.

В пустом зале раздались гулкие шаги, и Матвей увидел возвратившегося полкового врача.

— Матвей Яковлевич, надо идти. Тут тебе делать нечего. Ничего нового больше не узнаешь.

— Хватит и этого. А куда идти? Стыдно будет на людях-то. Вроде бы как шелудивый пес. Нагадил, а теперь стыдно людям в глаза смотреть. А ведь нужно будет с ними жить и воевать.

— Я не думаю, что у нас в полку подлые люди. А летчики — они народ грамотный, сами разберутся в обстановке и в суде.

— Иван Ефимович, я вам, как отцу, могу

сказать, что моей вины в смерти Цаплина нет. Совесть перед ним у меня чиста. А говорить об этом на людях я не могу.

— А ты и не говори. Все уляжется. Пойдем, комиссар тебя ждет.

Мельник поздоровался с Осиповым за руку и указал на стул.

— Случившееся событие очень печальное. Я не верю в твое самовольство. Но личные убеждения не всегда сильнее законов и обстоятельств. У меня к тебе одно требование: о суде нигде не говорить и его решение не обсуждать. Служить тебе придется в своей же эскадрилье, а командовать ею будет Пошиванов. Исполнись ему помогай. Какие ко мне вопросы?

— Спасибо на добром слове. Вопросов нет.

Матвей расстегнул карман гимнастерки, вытащил из него кандидатскую карточку, орден Красного Знамени и молча положил их перед комиссаром.

— Это зачем?

Мельник недоуменно посмотрел на летчика. — Зачем? А как же может преступник быть кандидатом в члены ВКП(б) и еще ходить с орденом?

— Осипов, ты не дури. В приговоре нет частного определения в Президиум о лишении тебя награды, а исключать тебя из кандидатов мы и не собирались.

— Фрол Сергеевич! Вы мне давали рекомендацию. Не могу я так. Положите орден и карточку в сейф к себе. Смогу оправдаться, тогда вернете...

Мельник молчал. Глаза смотрели мимо собеседника, а левая рука тихонько постукивала пальцами по столу.

— Наверное, прав ты, Матвей, давай уберу... Еще какие пожелания?

— Если убьют меня в таком положении, мать пенсию получит?

— Если убьют?.. Жить надо. А убьют — обязательно получит. Не надо об этом думать. Война есть война, всякое может быть... Я очень буду ждать того момента, когда смогу по твоей просьбе вернуть то, что сейчас кладу в сейф. А теперь иди к командиру полка, официально надо передать эскадрилью Пошиванову и на этом поставить точку.

Матвей поднялся.

— Спасибо, Фрол Сергеевич, за поддержку. Разрешите, я пойду.

— Подожди. Вот возьми книгу, почитай. Подумай. У этого человека было еще более сложное положение, чем у тебя. Островский совсем ослеп, когда вышло вот это, первое издание. Не видя книги, он ее нежно ощупывал и радовался. Обреченный, а радовался. И когда его пальцы нащупали тиснение на обложке, он прижал книгу к груди и надолго замолчал. Потом улыбнулся и сказал, что художник очень хорошо понял его книгу. Штык и веточка — это символ. Символ борьбы и жизни. Борьбы во имя жизни. Николай Островский был бойцом до конца: боец на фронте, боец против болезни и своих недугов. Родные рассказывали, что, оставаясь один, он иногда брал книгу в руки, ощупывал тиснение и улыбался.

...Дни были заняты, и Матвей перечитывал книгу по ночам. А потом принес на самолет два тюбика краски и полез в кабину. Посидел, выбирая место на приборной доске, и принялся за работу. Ниже и чуть правее авиагоризонта, так, чтобы всегда было видно, нарисовал пересекающиеся зеленую веточку и красный штык — любимый символ Островского, его веру в торжество жизни, веру в необходимость борьбы за эту жизнь.

Пошиванов летел во главе своей эскадрильи. Место ведущего для него было неново, но чув-

ствовал он себя не совсем спокойно. Не успел еще привыкнуть к тому обстоятельству, что его бывший командир оказался у него в подчинении на правах рядового летчика-штрафника. И хотя тренировок с Осиповым никаких не возникало, но он все время чувствовал предупредительность и вежливую официальность с его стороны, настороженность всей эскадрильи к их взаимоотношениям. Самолет Осипова с большой цифрой тринадцать на фюзеляже сейчас шел у него ведомым слева. И ему подумалось: «Эта цифра для Матвея все время была счастливая. Пусть и сейчас ему повезет. Он должен обязательно оправдать себя. А я постараюсь помочь».

Беспокоиться об ориентировке было не нужно: под самолетами — железная дорога Москва — Ленинград. И эта простота полета до Калинина создала ощущение свободного времени. Внизу плыл безрадостный, со снежной проседью пейзаж поздней осени. Стылая унылость лесов и деревень отбила всякую охоту рассматривать землю. Захотелось просто подумать о чем-то другом, не относящемся непосредственно к полету.

Степан вспомнил приезд к ним главного конструктора ИЛ-2 и разговор с ним. Улыбнулся хитрости главного, который, видать, специально устроил «базар» из разговора, чтобы побольше высказалось нетерпеливых, кто помоложе. Перебирал в памяти говоривших. И получилось, что в общем-то летчики говорили о прицеле, который неудачно расположен. Поэтому при вынужденных посадках пилоты разбивали о него голову. Потом стали говорить о недостатках одноместного самолета и связанных с этим потерях от фашистских истребителей.

Когда же «неорганизованный» разговор сам по себе затих, главный конструктор добрался до них, начальников. А какой он, Степан, к черту начальник в таком разговоре, что он мог толкового сказать этому хитрому инженеру, который, говорят, раньше и сам летал?

И опять при этом воспоминании на его лице появилась скупая улыбка.

— Вот вы, товарищ младший лейтенант, как уже порядочно повоевавший человек, что по этому поводу скажете?

Вспомнил ответ свой и вновь посчитал его правильным.

— Что думаю? Думаю, что ИЛ-2 никогда не будет маневрировать, как истребитель, да еще с бомбами. К тому же мы больше смотрим на землю, на ней врага ищем. Поэтому часто можно и прозевать истребителя. А в бою побеждает чаще тот, кто раньше бьет. Помоему, если стрелка посадить с хорошим пулеметом, то это уже будет здорово. Потери будут меньше.

Вспомнил и прощание. Конструктор обещал учесть их критику и предложения в самые короткие сроки.

«Посмотрим, если доживем, какие это короткие сроки и усовершенствования будут».

Показались Калинин и начавшая замерзать, покрытая ледяным «салом» Волга. Пошиванов развернул эскадрилью на запад. Теперь уже было не до историй и рассуждений. Слева на самолеты надвигался Ржевский плацдарм фашистских войск, а справа — Демянский «аппендицит».

Нарисованная на карте красным карандашом, линия фронта бежала неправильным кругом по лесам и болотам, оставив на чужой стороне Ржев, Смоленск, Невель, Великие Луки, Демянск.

«Горлышко и сама колба, — подумал Степан. — Лишь бы ее не захлопнули. А то уже так было в этом году под Харьковом: влезли, да не все обратно выбрались».

Продолжение следует.

Добро и видеть и творить

Георгий ЕФИМОВ

Вот вереницей полетели утки.
И, словно провожая их в полет,
В просторы неба смотрят
незабудки.

А я брожу,
Цветами окружен,
Их аромат волнуящий вдыхая,
И счастлив я.
Я снова окрылен
Твоей красотой,
Земля моя родная!

Он всю войну прошел — боец,
Всегда был впереди.
Домой принес в груди свинец
И орден на груди.

Когда-то он во весь размах
Траву косил весной.
Тогда он был на двух ногах,
А нынче на одной.

Перед войною под гармонь
Плясать он лихо мог.
Теперь не высечет огонь
Подковками сапог.

Он только в пляске в стороне,
А в жизни,
Погляди —
Он в жизни,
Как и на войне,
Повсюду впереди.

Но иногда,
Порой ночью,
Когда все в доме спят,
Застонет вдруг,
Припомнив бой,
Где ранен был
Солдат.

Потом проснется...
Тишина.
На лбу холодный пот.
И шепчет ласково жена:
— Усни, родной...
Пройдет.
А сердце сжало,
Как в тисках,
А мысль одна стучит в висках:
— Мы испытали в те года
Немало бед лихих.

Пусть наши дети никогда
Не испытают их!
А в окнах
Звезды в этот час,
Как огоньки ребячьих глаз.

ЕДИНСТВО

Шла женщина
в рабочий кабинет.
Она несла
для Ленина обед.
По стойке смирно
в коридоре том
Стоял у двери
человек с ружьем.
У женщины
был очень грустный взгляд.
Заметил это
сразу же солдат.
— Случилось что?

Скажи.
Если смогу,
Так я тебе,
сестренка,
помогу.
— Как тут помочь,
сама не знаю я.
Об Ильиче болит душа моя.
С утра сегодня
сколько было дел,
А даже хлеба
вдоволь не поел.
— Ну да!
А я-то сколько здесь стою!..
Солдат котомку развязал свою,
Достал оттуда

хлеба каравай,
Разрезал на две части.

— Передай.
Мать испекла,
должно быть, вкусный он.
Все пополам —
солдатский наш закон.
И улыбнулась

женщина в ответ,
И постучалась
тихо в кабинет.
Ильич подарку был душевно рад,
Из кабинета вышел.

Где ж солдат?
А там другой стоит —
с винтовкой у плеча,
Готовый жизнь отдать
за Ильича...

Вновь и вновь смотрю на небо я —
Там звезда у каждого своя.

Одному и среди бела дня
Светит ярче яркого огня.

У другого бледная она —
На вечернем небе чуть видна.

Может быть, одна совсем близка,
А другая очень далека?

Счастье со звездой хочу
сравнить —
Может близким и далеким быть.

Есть звезда у каждого из нас,
Где бы ни была она сейчас.

И звезду такую человек
Выбирает навсегда, навек.

И звезду сияющую ту
Он хранит на небе, как мечту.

В путь выходит, не страшась
беды, —
С ним повсюду свет его звезды.

Если он споткнется иногда,
Снова в путь зовет его звезда.

Есть и у меня звезда одна.
Даже в бурю светит мне она.

ЛЮБОВЬ

Ты, словно яблоня, красива,
Светла, как яблоневый сад.
И в мире нет меня счастливей,
Когда я твой встречаю взгляд.

Он горделив — твой взгляд
и ласков.

Я от него схожу с ума.
Ты, как волшебница из сказки,
Убьешь и воскресишь сама.

Твоя живительная сила,
Как нескончаемая нить...
Любовь! Меня ты научила
Добро и видеть, и творить.

Перевел с чувашского
Петр ГРАДОВ.

ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА ФРОНТ

Фотография эта сделана в мае месяце 1918 года в деревне Большая Шалга, бывшего Каргопольского уезда, Вологодской губернии, ныне Каргопольского района, Архангельской области.

На ней представлена группа молодых людей, которые изъявили желание добровольно вступить в ряды Красной Армии. Перед отправкой в воинские части их учили военному делу. Учителями были бывшие фронтовики, участники первой мировой войны, которые на снимке разместились в первом ряду. Среди них слева направо: Коротяев Григорий Осипович, Карсаков Александр Иванович, Попов Павел Васильевич, Новожилов Семен Никифорович и другие.

После прохождения непродолжительной военной подготовки молодые направлялись в различные части Красной Армии для участия в боях на фронтах гражданской войны.

Мне кажется, что фотография передает атмосферу и образы того времени и будет представлять интерес для читателей. Возможно, найдется и откликнется кто-либо из фотографировавшихся молодых людей.

Ф. БЕХТЕРЕВ.

г. Вильнюс

Имран КАСУМОВ

ДОРОГА С ВЕТА

В свете занимающейся над морем зари, придающей его водам розовато-серебристый оттенок, я стою на давно уже ставшем традиционным месте для обзора панорамы моего родного города — на господствующей над ним горе, возле монумента Кирову, протянувшему руку навстречу встающему солнцу, и перебираю в памяти высказывания многих великих людей века, находивших во внешнем облике Баку много схожего с Неаполем, Марселем, Триестом и даже далеким Рио-де-Жанейро.

С тех пор разросся Баку вдоль и вширь, выплеснулся на ближние и дальние холмы, вписал в свой старый пейзаж новейшие величественные ансамбли, мощные индустриальные и жилые массивы, объединил в целое множество пригородных районов. Обозреть его целиком теперь возможно только с точки, далеко превосходящей высоту птичьего полета, а сделав это, наглядно убеждаешься, что город, насчитывающий почти двухтысячелетнюю историю, в течение каких-то нескольких десятилетий сработан заново, являя собой символ новой жизни на всей азербайджанской земле.

«Баку — красавец город! ...Приятно жить и трудиться в таком городе», — сказал Леонид Ильич Брежнев после первого знакомства с моим городом во время приезда на юбилейные празднества в честь полувека установления здесь Советской власти. И в нескрываемом человеческом волнении его восклицания присутствовала та абсолютная точность, которая наиболее характерна для Баку, — присутствовало слово «труд». Баку был и есть прежде всего трудовой город, средоточие высоких образцов творческого созидания.

Он возник в обрамлении толстых крепостных стен и выдвинутой вперед, в бухту, сторожевой башни, на пересечении дорог, соединяющих Европу с Азией. Его судьба была судьбой других азербайджанских городов и сел: их расптапывали, превращали в полыхающие костры, в озера крови и слез орды завоевателей прошлого, но руками умельцев, способных сотворить кружево из камня, слепить из глины сосуд металлической звонкости, соткать красивейший ковер и бросать рыболовецкую сеть в круговорот штормовых волн, Баку вновь и вновь вставал из руин и пепла, чтобы грудью встретить новое страдание. Таким, самым большим в его истории, как это ни парадоксально, оказалось огромное богатство, огненная жидкость, таящаяся в недрах полуострова, на котором он стоит. К этому сокровищу протянулись руки хищников со всего капиталистического мира, и леса вышек по всему Апшерону недаром были названы «гениально сделанной картонной мрачной адой».

В крошечном пекле вместе с азербайджанцами изнемогали и пришедшие сюда в поисках куска хлеба русские с Волги и Енисея, армяне, грузины, горцы. В их общих страданиях, в равной обездоленности росла и крепла давняя мечта о свободе трудового человека, обретающая гранитную прочность их братство. Луч ленинской правды высветил из тьмы самые глухие закоулки этого ада, и не случайно, что сразу же после величайшего социального взрыва, опрокинувшего старый мир и возвестившего о рождении нового, уже на шестой день после победы Октября в Питере, в бакинском небе полыхало красное знамя революции, здание, над которым оно взвилось, стоит и поныне, я вижу его отсюда, с горы.

Знаю, да и все знают, было знамя это изрешечено пулями реакционеров и интервентов. Бакинская коммуна временно пала, а ее вожаков, двадцать шесть отважных витезев революции, уничтожили в закаспийских песках, но эта расправа была лютым зверством уже обреченных сил... Отсюда не видно — заслоняют высотные дома — в самом центре города установлен впечатляющий мемориал, а Союз писателей находится как раз рядом, в комнате наши каждый час доносятся звуки трагического реквиема, а на ум приходят стихи не о смерти, а о жизни: «Той стране не пасть, той стране свести, где могила есть двадцати шести...»

Да, мой Баку — город рабочий, город революции и ее традиций, и каждый прожитый в нем день подтверждает их продолжение.

...Поворачиваюсь направо, в сторону Баилова и Биби-Эйбата. Это здесь в первые послеоктябрьские годы нефтяники схватились с морем — дно его таит еще больше богатств, чем суша, и единственным тогда возможным способом — вручную, тачками и носилками — водувевляемые Кировым рабочие засыпали часть моря, создали искусственную сушу, основали новый промысел и назвали его именем Ленина — Бухтой Ильича. Она, усеянная сотнями вышек, и поныне дает нефть. А добытчики ее ушли дальше в само море — вначале расположились вблизи берега на металлических островках, потом пошли дальше, потом свершили неслыханный подвиг — подняли бунвалом посреди Каспия свою Венецию, целый город на сваях, соединенный надводными стальными магистральями, известные на всю планету Нефтяные Камни. Но не успокоились и на этом: сейчас далеко за морским горизонтом буровики с гигантских платформ пронзают дно моря на еще больших глубинах.

Вплотную примыкая к длинной зеленой ленте приморского бульвара, пролегает амфитеатр новых жилых домов. Он уходит ввысь и вдаль, и в одном из домов, может быть, сейчас распаивается дверь и на балкон выходит прямой наследник и продолжатель этого подвижничества Мирзамед Джалилов — сегодняшний морской нефтедобытчик, проявляющий образцы подлинной отваги в единоборстве с разъяренной стихией.

Дальше, за бульваром, начинается фабрично-заводская часть, та самая, которая в грозную годину войны с фашизмом давала горячее советским самолетам и танкам: из каждой тысячи боевых наших машин — свыше семисот получали его отсюда.

Там теперь ошеломляют причудливые переплетения исполнинских перерабатывающих установок, размах корпусов «Азэлектросвета», заводов, скажем, шинного, машиностроительного или домостроительных и пищевых комбинатов, десятков фабрик. А вблизи всего этого многогранного индустриального созвездия раскинулся старейший завод имени лейтенанта Шмидта — застрельщик стачек в начале века, изготовлявший «катюши» в дни войны и нефтяную арматуру в дни мира, а в его ворота, знаю, сейчас входит пожилой немногословный человек, Александр Кочетков, мастеровой, способный, как говорится, подковать блоху, будто вобравший в себя часть биографии своего завода, предельно точно бивший по цели на войне и с такой же точностью кудесничающий ныне у своего токарного станка, держа его прицел в завтра, что легко обнаружить по большому числу учеников, которых он лично, персонально сделал мастерами.

Собственно, это завтра не какая-нибудь абстракция, а властная реальность: это чудо-сооружение, переносящее тебя в будущий век, завод кондиционеров с его не то дворцовыми, не то санаторными стеклянными-бетонными цехами, где корпуса с одними пультами управления, с приборами, кнопками и датчиками, а сами рабочие, скажем, Фаик Мамедов, входят сюда, облачаясь в специальные одежды и мягкую, бесшумную обувь.

Оно, это завтра, не приходит само по себе — его надо сработать, и оно работает: завод кондиционеров был воздвигнут всего лишь за два года, а рядом все четче обозначаются контуры других строений. Простой и далеко не простой каменщик Самсон Григорян — проворный, зазорный, вот сейчас, с утра, укладывает очередные панели, чтобы к концу дня придирчиво пощупать швы, задаваясь немалым вопросом: выдержат ли до далекого-далекого будущего?

Десятки тысяч таких вот золотых рук вокруг — на судоремонтных заводах, у подножия горы, где я стою, или в цехах фабрики Володарского на противоположном берегу. Мелькает целый kaleidoscope мужских и женских лиц, и это совершенно произвольно мысль выхватывает только четверое — озабоченное лицо Джалилова, задумчивое — Кочеткова, улыб-

чивое — Григоряна, строгое — Мамедова, людей разных национальностей, сплавленных в одну семью самой сутью окружающей яви. Все они цвет и гордость моего города, это руки, полагающиеся на которые определил новый жизненный взлет XXV съезд советских коммунистов, и, думая о них, отчетливо слышишь голос поэта: «И пришла благородная слава твоя, велики твои дочери и сыновья...»

На все четыре стороны света уходят из Баку дороги, одна из них — голубая, по которой вот оставляет очередную пенную борозду теплоход с нефтедобытчиками, но сколькими такими бороздами испещряется бухта, за которой открывается безбрежная морская гладь; Каспий почему-то продолжают называть в географических учебниках внутренним морем, не имеющим выхода в океан, а ведь советский человек давно прорубил ему окно в мир, и тяжелые танкеры, сухогрузы, лесовозы, приписанные к бакинскому порту, сегодня пересекают Средиземноморье и Атлантику, швартуются у тихоокеанских причалов и бросают якоря на рейдах Индийского...

Смотрю вниз, на проспект Нефтяников, по нему уже текут многоцветные ручьи автомобилей. Может быть, в одном из них возвращается в свой колхоз в Пушкинском районе Кызгаит Гасанова, замечательный хлопкороб, наша героиня. Из года в год добывается она рекордных урожаев хлопка — в человеческом обиходе после хлеба это, пожалуй, самый драгоценный дар земли. Пройдет час-другой, Гасанова остановит машину, выйдет в поле, убедится — дружны всходы на ее участках.

И, вероятно, в тот же час по таким же хлопковым участкам ходит другой знаменитый герой, механизатор из соседнего, Ждановского района Сардар Имралиев: сейчас май, а он мыслями уже в конце августа или в начале сентября, в днях, когда начнется очередная страда за рулем умной, послушной машины.

Еще дальше, по обе стороны шоссе, пойдут зеленеющие виноградные массивы, возмещающие, что это уже Джагилабадский район, а впереди — неопишущей красоты Ленкорань, а еще дальше — окруженная роскошными субтропическими лесами Астара, где можно стоять на европейском континенте, а забросив удочку в реку, вытащить рыбу с азиатского, а выше, в горах — Лерик, продолжающий изумлять мир долголетием своих жителей.

Казалось, не поскупилась природа, одаривая этот край щедрой благодатью, но нет, не ведающие усталости, трудолюбивые руки по-хозяйски «дорабатывают» и ее: вступают в строй винные заводы, ранние овощи зреют под пленкой, умножаются чайные плантации, Жданлагчайское водохранилище воздвигли, — глянешь, зажмуришься, неужто такое сотворить можно?

Невольное удивление вызывают и виды, открывающиеся взору с дороги, уходящей на запад — самой длинной с азербайджанской земле, пересекающей ее из одного конца до другого. С правого «борта» появится Сумгаит, город юности, возникший после войны на безлюдном морском побережье, любовно называемый младшим братом Баку, — наступающий ему на пятки по значительности оснащенных по последнему слову техники заводов и комбинатов — трубопрокатного, химического, синтетического каучука и многих-многих других — город, где жителям в среднем около тридцати лет. Потом автострада поднимется к горам, и глазам откроется древняя шемахинская долина — самый большой виноградарский центр, давший в прошлом году сто сорок тысяч тонн из общереспубликанских семисот с лишним тысяч, а в нынешнем намеревающийся дать еще больше; потом снова дорога устремится на равнину, опять в царство хлоп-

ка. По ней можно свернуть в те же горы — к животноводам, табакерам, шелководам Шеки и Закатал, а если не свернешь, окажешься в Кировабаде, обновленной древней Гяндже, познакомишься с рабочими, выдающими на-гора ценнейший металл алюминий, с мастерами фарфора и красочных фабричных ковров, а там уже и Казах, ненамного уступающий Шемахе в виноградарстве и догоняющий ее по овцеводству, поэтический край, где невольно придут на ум вургуновские строки: «Сила солнца наш верный союзник в борьбе, и в работе оно да поможет тебе...»

Однако нельзя тешить себя тем, что пятьсот километров, улегшись под колесами автомобиля, хотя бы бегло, туристически познакомили тебя с сегодняшним Азербайджаном. Чтобы хоть как-то дополнить эту картину, надо обязательно перенестись к берегам бурного Аракса, в Нахичевань, где о поразительной разнице между вчера и сегодня могут рассказать только глубокие старики, молодые в заботах о грядущем — вот электростанция, будет еще одна, вот цветущие плодовые сады, их площадь надо увеличивать вдвое, вот дальше село, в нем школа, там нужен ларингофон, чтобы дочь лучше изучала иностранный язык, вот расчет колхоз — пора срочно заканчивать водопровод.

Надо быть в Нагорном Карабахе, чтобы еще раз убедиться в могуществе интернационального братства и в том, как прочно, из расчета на внуков и правнуков, строится здесь дом или сажается тутовое дерево, прокладываются трубы от родников или пробиваются скалы, изменяется русло рек, чтобы образовать еще одно хранилище драгоценной влаги.

Небольшой представляется Азербайджан на карте страны, но он собрал в себе почти все природные пояса — от субтропиков до вечных снегов, и в этом уплотнении так же уплотнено — день за час, месяц за день — движется новое Время, ведущее свой отсчет от октябрьского дня семнадцатого года.

Редко в каком городе встретишь столько памятников поэтам, как в моем Баку, — Низами, стоявшему на вершине восточного Возрождения, Физули, воспевавшему бессмертие любви, Ахундову, прозорливо понимавшему, что спасение его народа в ориентации на прогрессивную Россию, Сабир, с его мечтой о свободе и счастье, Самеду Вургуну, утверждавшему это счастье как реалию. Они воздали должное человеку труда, веря в него, а он эту веру оправдал во сто крат тогда, когда для него труд сам стал предметом высокой поэзии.

...Я продолжаю стоять на смотровой площадке возле памятника Кирову, день уже в разгаре: в институтах Академии наук ученые бьются над проблемами, что выдвинуты перед ними бурно развивающимся хозяйством народа, в театрах идут репетиции спектаклей, раскрывающих душу современника, новоселы въезжают в новые дома, художники пишут картины к празднику, а писатели — книги. Снова мелькает калейдоскоп мужских и женских лиц, а взгляд мой останавливается на одном лице — ваятеле Токае Мамедове, вносящем резцом последние штрихи в монумент в честь Одинадцатой Красной Армии, пришедшей на помощь восстанавливаемому бакинскому пролетариату в апреле двадцатого года.

Нити кипучей созидательной битвы тянутся к большому зданию близости, где размещен штаб этой битвы, ЦК Компартии Азербайджана, штаб, где вот уже семь лет подряд хранится Красное знамя, вручаемое народу за победы в экономике, штаб, так много сделавший для того, чтобы краше и сильнее становилась азербайджанская земля, а люди ее достигали тех нравственных высот, когда любил не себя в жизни, а жизнь в себе.

И вот тогда перед глазами встает еще одна дорога — на север, широкая, с большими скоростями движения по ней, дорога, уходящая к Кавказским горам мимо еще одних нефтяных промыслов, действующих и строящихся промышленных комплексов, возделанных полей, через леса, горы, реки, дорога, ведущая в Москву. Она залита солнечным светом, а перед глазами — опять руки, руки и снова руки, прочно «срабатывающие» благо народа и его земли, способные творить чудеса, а в ушах звенят стихи: «ныне дорога из ворот Востока прямо ведет в ворота Кремля!»

И еще, как логическое продолжение: «и все ближе и ближе, ясней и ясней коммунизма рассветные зори...»

ИЯ МЕСХИ, фото А. НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Десять лет назад «Огонек» (№ 32 за 1967 год) по поводу апшеронской нефти писал:

«Все дальше и дальше уходят в море вышки. Их основания — гигантские стальные табуреты — растут с увеличением глубины...»

Что такое морские табуреты? Что предшествовало их появлению на Каспии? Все это кратко изложено на фоне небольшого путешествия в море. Но прежде чем отправиться в это путешествие, следует сообщить читателям, что за десять последних лет добыча нефти и газа на Каспийском море выросла на сорок процентов.

Холодный дождь с порывистым ветром... Можно было бы и получше выбрать погоду. Но сиди хоть год у Каспийского моря, вряд ли тихой погоды дождешься. И потом, не так-то легко заполнить Исфаила. Если он не несет вахту, значит, находится в Баку. Или в Москве. В том и другом случаях трудноуловим: выполняет свои общественные обязанности, работает в комиссиях, заседает на активах.

Кто же такой Исфаил, сын Сами, Гусейнов? Перечислим хотя бы основное. Делегат XXV съезда КПСС. Депутат Верховного Совета СССР. Член Комиссии Верховного Совета СССР по охране природы. Член Президиума Советского комитета защиты мира. Член бюро Бакинского комитета КП Азербайджана. Глава семьи, состоящей из матери, жены и троих детей. Начальник установки первой разведочной буровой на месторождении имени 28 апреля.¹

Стоп! Эта буровая на месторождении «28 апреля» нас сейчас и интересует. Заявиться туда во время вахты Исфаила — это значит помешать ему. Поехать на буровую без Исфаила — все равно что прийти в гости, когда хозяина нет дома. Отрезок вневахтового времени между московским заседанием Комиссии по охране природы и съездом профсоюзов в Баку оказался весьма удобным для «похищения» Исфаила у его многотерпеливой семьи. Едем в Забрат на вертодром.

...Последняя порция мокрого ветра врывается в салон МИ-8 перед тем, как бортмеханик Эдин Иов захлопывает дверцу. За штурвалом — пилот Камил Велиханов. Рядом — второй пилот, Михаил Пириверзин. Взлетаем по вертикали. Отсюда, из кабины вертолета, поднявшегося над Апшеронским полуостровом, видно все как на ладони. И это возвращает мысли на землю — старую, мазутную, густо утыканную вышками бакинскую землю. Вот они, Балаханы, Сураханы... Село Амираджаны — исконный поставщик на промыслы буровых мастеров. Сколько их было, давненько стертых в памяти имен!.. Взять хотя бы популярное в Амираджанах имя Пири: Пири-узун (высокий), Пири-чал (седой)... Знаменитые когда-то буровики. А вот Пири Гулиева называли только уста (мастер) Пири. И никак иначе. Работал он в Сураханах. Был активным деятелем Союза горняков, членом его правления. В Сураханах встретил революцию, здесь же вступил в партию.

Это было после пожара 1922 года. Три дня и три ночи гасили его сураханцы: рабочие, инженеры, старшие их дети и жены. С ними вместе не покидал объятых пламенем промысла Сергей Миронович Киров. В те дни Владимир Ильич прислал в Баку телеграмму, в которой отметил факт необычайного героизма сураханцев и поблагодарил их. Благодарность была обращена и к уста Пири и к его супруге Фатиме ханум.

На этом пожаре погиб от ожогов близкий друг уста Пири, рабочий-армянин Данил. В честь него, точнее, в память о нем, Гулиевы назвали своего младшего сына Данилом...

Я была у Данила Пириевича Гулиева в Институте истории партии при ЦК КП Азербайджана. Он кандидат исторических наук, директор этого института. Конечно, у него сейчас цейтнот: готовятся к изданию сборники, посвященные 60-летию Октября, организуются встречи с ветеранами революции. Идет окончательная редакция очерков по истории Ком-

по старым адресам

партии Азербайджана. Мы вынуждены были проделать брешь в этом тесно спрессованном времени. Данил Пириевич позвонил в архив: — Пожалуйста, подшивки «Бакинского рабочего» за двадцать четвертый, двадцать пятый год и личное дело коммуниста Пири Достамедовича Гулиева...

И пошло ворошение старых бумаг и газетных страниц. Сколько раз так бывало, и каждый раз веет от этого приятным дымком далеких костров истории.

...1924 год. Буровой мастер Пири Гулиев собирается в Америку. Не первой молодости (уже за 50 лет), густо усат. Все Сураханы провозжат его. Едет вместе с геологом С. А. Ковалевским через Эстонию, Германию, Францию. Потом поедут и другие «уста», но Пири — первый. Сохранился отзыв советских внешнеэкономических организаций о пребывании Гулиева в зарубежной командировке:

«...Сейчас же по приезде в Америку он был устроен на подрядное бурение в Сигналл-Хилл. Закончил одну буровую. Подрядчик предлагал ему остаться у него, хотя своих буровиков в Калифорнии изыток. Оттуда был направлен на промыслы в Торранс. Потом в горы, в лагерь Санта Пола, за 90 километров от Лос-Анжелоса. Около месяца провел на промыслах Минвест Рифайнери на канатном бурении с электромотором. Был в Оклахоме. Осенью и в суровую зиму работал так усердно, что его показывали американцам, как пример...»

Вот личное дело члена партии. Держу в руках протокол общего собрания партийной ячейки № 9 отдела бурения Сураханского района. Зеленые чернила. Запись, конечно, от руки. Слева — слушали. Справа — постановили. Постановили перевести Пири Достамедовича Гулиева в члены партии. Единогласно.

Записи о наградах... О присвоении звания Героя Труда. Как присваивалось оно в те далекие годы? Кабинет историка позволяет быстро это уточнить по книге «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Азербайджана». Оказывается, это звание присваивалось профсоюзами. Основанием для возбуждения ходатайства перед профсоюзами по поводу Пири Гулиева мог быть, как нам показалось, пункт «б»: «Особо добросовестное отношение к своим обязанностям, могущее служить образцом для других работников». Да, именно это: особо добросовестное.

Рабочим профессором называли после Америки уста Пири. Ему поручили в Азнефти разведочное бурение, он внедрял современные методы бурения на промыслах. Война. Отправил всех троих сыновей на фронт, а сам, уже в весьма преклонных годах, носился по Апшерону в поисках новых месторождений. Фронту нужна была белая, чистая бакинская нефть, которую прямо заливали в баки машин. Победа пришла. Сыновья вернулись с фронта. А новые нефтеносные площади влекли разведку от берегов Апшерона все глубже в море. И вот уже появилось невдалеке от берега в Гюргянах первое примитивное, но все же

Городу на сваях уже больше четверти века.

Кроме этих черных скал, все здесь создано руками человека...

... даже цветущий сад.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Буровая имени 28 апреля. На вахту...

Среди моря вырос новый микрорайон.

Буровой мастер, депутат Верховного Совета СССР Исфаил Гусейнов.

¹ 28 апреля 1920 года — дата установления Советской власти в Азербайджане.

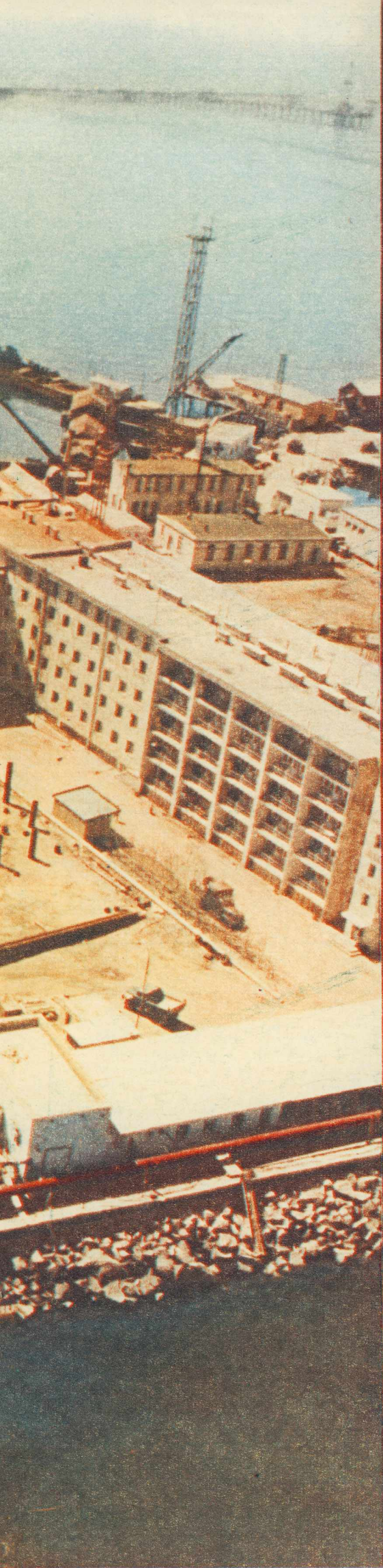
СТАЛЬНОЙ ОСТРОВ НА КАСПИИ

металлическое основание для морской буровой. Это было в 1946 году. Уста Пири успел в этом празднике поучаствовать...

...Под вертолетом показались Каспий, дамба, связывающая Апшеронский полуостров с островом Артема. Вертолет садится, не выключая моторов, торопливо «заглатывает» пассажиров. Только и слышишь обращенные к Исрафилю Гусейнову «Здравствуй», «Салам!», «Привет!». И уже кто-то подсел поближе к нему, толкует о своих проблемах.

Теперь идем над открытым морем. Оно сердито раскачивается, все в белых гребнях. А мы летим плавно, курсом Артем-дамба — Нефтяные Камни. Мысли все вокруг уста Пири. Может быть, потому, что и «Камушки» он еще застал. Самое-самое начало! Это когда привели сюда несколько старых посудин, в свое время считавших себя кораблями, и посадили на рифы, слегка выступающие над поверхностью воды. Лишь бы как-то зацепиться среди синего моря, и возвести буровую вышку, и пройти первую разведочную скважину, которая — ура! — дала большую нефть. Уста Миша Каверочкин сделал это открытие...

Конечно, все заговорили о блестящем будущем Нефтяных Камней, стали строить эстакады, ставить вышки. И все же никто не предполагал тогда, что эстакады, рассчитанные на 15 лет службы, будут стоять и сегодня, вот уже 28-й год. И что Нефтяные Камни на 28-м году своего существования будут вести себя столь же энергично, выдавая четверть всей нефтяной продукции республики.

Но все это было уже после того, как он умер — его похоронили в Аллее Почетного Захоронения. А морем занялся вплотную его средний сын, Исрафил Пириевич Кулиев. Не один он — многие. Но и он...

Есть в Баку научно-исследовательский и проектный институт «Гипроморнефть». Здесь я застала Пириевича-среднего, человека с красноватым, обветренным лицом и очень живыми острыми глазами. Он горный инженер-нефтяник, но его горы — под водой. Он строитель, но строит не на суше, а на море. Он ученый, доктор технических наук, профессор. Но не просто ученый, а один из основоположников нового направления нефтяной науки: морской нефтепромысловой гидротехники. Круг его интересов широк, нефтепромыслы на многих морях земного шара изучены, творческие связи с подобными же учеными завязаны.

Здесь же, в Баку, он заместитель директора по научной части «Гипроморнефти». Как был назначен в пору организации института в 1950 году, так и работает до сих пор. И в этом, как мне кажется, есть какое-то доброе постоянство. В том, что ты не передвигаешься из края в край, а сразу же находишь свое место, и вокруг тебя все движется: строятся эстакады (их уже 350 километров на Каспии!), создаются механизмы и устройства для сооружения и обслуживания морских нефтепромыслов; проектируются нефтесборные пункты, водоочистные установки; изыскиваются методы защиты эстакад от коррозии, а значит, продлевается их служба... За все это в комплексе труд Исрафила Пириевича и его товарищей был отмечен Ленинской премией.

Вот на Каспии и новое: появились плавучие буровые установки, спроектированные в институте под руководством Исрафила Пириевича, появились морские табуреты крупного габарита, тоже детище «Гипроморнефти»...

...Сели на Нефтяные Камни. Одни пассажиры выходят, другие входят. Быстро, деловито. Билетов никто не проверяет. Их просто нет. Обслуживание нефтяников вертолетами — забота фирмы.

С изумлением вижу: а камни-то (собственно камни!), оказывается, засыпаны. На те самые рифы, выступавшие из-под воды, навезли земли, создали твердь и поставили на нее здания: каменные, пятиэтажные. Значит, кроме улиц на сваях, есть здесь теперь и вполне земная улица. Совсем как дома стало на Нефтяных Камнях!

Так дерзко поступают морские нефтестроители.

Ну, а морские нефтедобытчики? За счет чего они, почти не изменяя внешнего надводного контура Нефтяных Камней, добывают нефть со старых площадок? За счет того, что расчищают свои щупальца под водой? За счет того, что бурят наклонные скважины?

Но тут, пожалуй, надо обратиться к третьему, старшему сыну уста Пири — Мамедпаше Пириевичу.

В Институте нефти и химии имени Азизбекова, этой советской нефтяной Мекке, Мамедпаша Пириевич Гулизаде¹, действительный член Академии наук Азербайджанской ССР, много лет возглавляет кафедру бурения нефтяных и газовых скважин. Кафедра эта разработала у нас в стране теорию наклонного бурения.

Сначала радовались, что наклонная скважина может пройти под жилой бакинским кварталом, не нарушив ничего наземного. Потом — что может пройти под морское дно, как бы достать его вытянутой рукой с вышки, стоящей на берегу. Еще важнее было, чтоб наклонные скважины прошли с эстакад, с отдельных морских оснований, захватывая при этом большой радиус. В содружестве с конторой бурения Нефтяных Камней Мамедпаша Пириевич разработал для морских нефтяников проект и технологию наклонного бурения с большим отклонением от вертикали.

Победа? Да! Но кому доверить такое сложное и ответственное дело?

И тут Мамедпаша Пириевич вспомнил о своем студенте Исрафиле Гусейнове. Был он из тех молодых буровиков, которые, работая на Нефтяных Камнях, закончили институт и стали инженерами. Был он из тех учеников Мамедпашы Пириевича, которые, так же как и учитель, увлекались идеей наклонного бурения — это тема диплома Гусейнова.

Несколько месяцев длилась на Нефтяных Камнях героическая вахта Исрафила Гусейнова и его товарищей. Долого уходило все глубже в морское дно и все дальше от буровой. На 154-й день был зафиксирован рекорд отклонения: целых два километра и еще сорок метров! Теперь-то бурят с большим наклоном. Но тогда, пять лет назад, это был рекорд, который положил начало массовому наклонному бурению. Тогда и учитель, и ученик, и еще шесть участников рекорда стали лауреатами Государственной премии Азербайджана.

Еще в Сураханах, когда жили они с отцом прямо на промысле, Мамедпаша Пириевич был членом самой первой в Баку пионерской организации. И был «красным мазутчиком», состоял в отряде мальчишек, которые старались быть полезными для нефтяников, искали у старых вышек всякий завалившийся инструмент. Вот откуда это идет у человека: от воспитания в себе чувства полезности, от отца, который всегда старался «служить образцом для других». И так же, как отец, Пириевич-старший ездил в Америку. Дважды. Да только времена изменились, и в штате Оклахома, где когда-то учился Пири, теперь его сын, академик из Азербайджана, читал студентам лекции о наклонном бурении...

...Мы поднялись с Нефтяных Камней и поехали в сторону Туркмении над кипящим морским районом, прозванным здесь Чертовым ущельем. Говорят, что катеру вследствие постоянного сильного волнения моря требуется не менее полутора часов, дабы одолеть его. Но не прошло и пяти минут, как прямо по курсу показался маленький стальной островок, потом вышка, какие-то емкости, кран, дом. Настоящий двухэтажный дом, на крышу которого мы и сели.

Ветер 20 метров в секунду. Когда-то это был предел допустимости для полета. Теперь прибавили еще пять метров, и все вздохнули. И вертолетчики и вахты.

Крыша-вертодром оплетена сетью из толстых просмоленных веревок. Не очень удобно по этим веревкам шагать, зато есть, если понадобится, за что зацепиться. Исрафила Гусейнова встречает вахта его сменщика, бурового мастера Гедаята Алиева. Выходит на крышу экипаж МИ-8, самые желанные люди на табурете, первопроходцы трассы «Забрат — 28 апреля». Через люк все спускаемся в дом. Вахтенный повар Саша Багдасаров (до моря работал в бакинском ресторане «Венеция») и его помощница Тамара Петровна Кузьменко очень кстати предлагают всем горячий борщ...

Так вот ты какой, наш самый глубоководный морской табурет! Четыре ноги уходят в неясную толщу воды. На них трехсектарная плоскость, голубой дом в желтую полоску, сработанный рабочими Бакинского завода имени Вано Струва, зеленые емкости с сухими химическими реагентами, ярко-желтый подъемный кран и синяя-синяя буровая.

¹ Несмотря на разные написания и звучания фамилий трех братьев — Гулизаде, Кулиев и Гулиев, — в азербайджанском языке они однозначны.

И все это сооружение — от кончика вышки до кончика забитой в дно сваи — высотой в семидесятиэтажный дом.

Площадка гудит и содрогается от работы двигателей. И хотя вокруг люди, я чувствую себя почему-то лилипутом в стране гулливеров. Хожу по сплошному металлическому настилу, под которым плещется море. И ничего, кроме моря, со всех четырех сторон...

Представляю, как мощный плавучий кран тащил из Баку поочередно многотонные табуретовы ноги, каждая 90 метров длиной. Ведь Чертовое ущелье потому и Чертовое, что часть дна здесь на очень больших глубинах, а часть выпучивается буграми, но тоже под водой. Табурет надо было ставить на бугор, от которого до поверхности 84 метра. Когда привезли первую ногу и только высадили ее, не успели еще закрепить, — налетел сильнейший шторм. Крану ничего не оставалось, как отойти и наблюдать, что сотворит конструкция, брошенная на волю волн. Но она держалась, как говорится, на цыпочках, день и еще ночь, пока шторм не утих. Выдержала! Потом можно было приступить к креплению, то есть забивать сваи в морское дно (а там сплошной ил!), цементировать и т. д. и т. п.

О том, как проектировали и сооружали табурет, мне рассказал начальник отдела морских нефтепромысловых сооружений «Гипроморнефти», кандидат технических наук Фарман Гаджиев. Вместе со своим братом, главным инженером проекта Имраном Гаджиевым они являются «родителями» этого табурета. На банке Ливанова (там глубина моря 53 метра) тоже стоит крупногабаритная стационарная установка, сделанная раньше, в 1972 году. Здесь же конструкция доработана, значительно улучшена. Ноги имеют более устойчивую, треугольную форму, впервые площадка герметизирована, а загрязненные воды с буровой закачиваются обратно в пласт (борьба за чистоту Каспия), впервые здесь вертолетная площадка и самое новейшее буровое оборудование, впервые конструкция полностью демонтируется, ее можно переставить на другое место или совсем убрать с моря, громадину такую. А ведь запроектировано пройти от этой громадины десять наклонных скважин — целый снап!

Так сошлись на одном морском табурете институтские дела одного Пириевича и кафедры другого. А дальше — дело мастера...

Да, дальше все в руках Исрафила Самиевича Гусейнова и его бригады. Не на Апшероне родился Исрафил, а в Кировабаде, в семье железнодорожника. Не в силах теперь одно или два села поставлять столько буровиков, сколько требует республика. На «Камушки» Исрафил пришел прямо из нефтяного техникума, как водится, сначала рабочим. Сейчас мастер-инженер. И Нефтяные Камни, на которых он проработал 20 лет, тоже для него пройденный этап. Там, на Камнях, много народу, много специалистов. Здесь же он один. Отвечает за все и за всех. И за свою вахту (8 дней на табурете, 8 — дома) и за вахту Гедаята. И за то, чтоб еда была в камбузе (вдруг вертолет несколько дней не «притабуретится»?). И за то, чтобы нефть была в пласте!

Он уверен, что и эта его, по счету 69-я, скважина будет с высоким дебитом. Пожелаем ему успеха и еще раз вернемся к его духовному предшественнику, сураханскому усту Пири. Одна маленькая деталь в анкете при вступлении в партию. Вопрос: «Если вы неверующий, то с какого возраста?» Ответ: «С 17 лет». Не узнать теперь, что заставило его порвать с религией в то время. Но ясно одно: что, покончив с верой в божественное, он уверовал в самого себя, в разум человека, в силы своего народа. Хорошая это уверенность, надежная, реальная вера!.. И так же детей своих воспитал, коммунистов. И дети воспитывают внуков его, коммунистов.

...Жизнь отдельного человека, увы, не бесконечна. Жизнь отдельных поколений продолжается, ширится и сплетается. В азербайджанскую кровь внуков уста Пири влилось немного грузинской, польской. Пири тоже взял свою Фатиму не с Апшерона, а из Шемахи, что по тем временам было большим отступлением от правил. И много в его большой семье нефтяников. Но есть и врачи, музыканты. Наверно, не будет на это в обиде уста Пири?

Экран телевизора дает четкое изображение с «материки». Звонит телефон. Вызывают уста Исрафила Гусейнова. С любым городом мира может говорить морской табурет...

Прежде чем предоставить слово Борису Александровичу Покровскому, позволю себе небольшое отступление...

Встречи с такими личностями, как Покровский, обычно оказывают на нас большее воздействие, чем предполагалось, словно выплескиваясь из задуманных ранее тематических рамок, и после долго не выходят из головы... Более того, со временем оказывается, что такие вот встречи играют в духовном и нравственном нашем развитии не меньшую роль, чем, скажем, книги, спектакли, концерты...

...Шестнадцатый подъезд Большого театра СССР. Широкая бело-золотая лестница. Небольшая раздевалка с пальто, висащими без номерков, — посторонние сюда не заходят. Женщина в униформе спрашивает вежливо-непреклонно: «Вам назначено?» И голос сверху: «Да-да, проходите сюда!»

Маленький кабинетик главного режиссера — поразительно скромный внутри известной всем пурпурно-бело-золоченой роскоши Большого... И сам главный — сухощавый, седой, в вельветовом «студенческом» пиджаке. Первое впечатление от его лица: будто отжато все лишнее; остается — лоб, глаза, нос, подбородок. Лицо, выражающее внимание, нетерпение, сосредоточенность.

Кстати, нетерпение Покровского особого рода. В нем нет ни капли суетливости, спешки, намена, что вот, мол, оторвали от дел! Но, конечно же, лицо Покровского мобилизует, вынуждает иначе ощутить время, хотя бы на тот период, пока оно перед тобой.

Тема нашего разговора: оперный театр накануне празднования 60-летия Советской власти. Новые постановки. Что думает Борис Александрович об оперной режиссуре сегодняшнего дня?..

Несколько лет назад вышла в свет его книга — глубокие, мудрые раздумья режиссера-практика, творящего сейчас, в наши дни. И автор не скрывает перед читателями своих сомнений: он говорит с ними доверительно, взволнованно, темпераментно, увлеченно. Говорит на равных, хотя за сорок лет творческого опыта приобрел уже такое имя и такой авторитет, что мог бы и поучать. Но, видимо, ему важнее убеждать, спорить.

«Оперный театр ждет реформы», — писал тогда Б. А. Покровский, — и она придет от композитора-драматурга, создателя оперы, она придет от новой темы». И еще: «Среди советских композиторов есть замечательные драматурги, но все-таки их внимание еще недостаточно привлечено к этой проблеме».

— Ну, а каково нынешнее положение?.. Ведь с момента выхода книги прошло уже какое-то время, — можно ли отметить какие-то перемены?

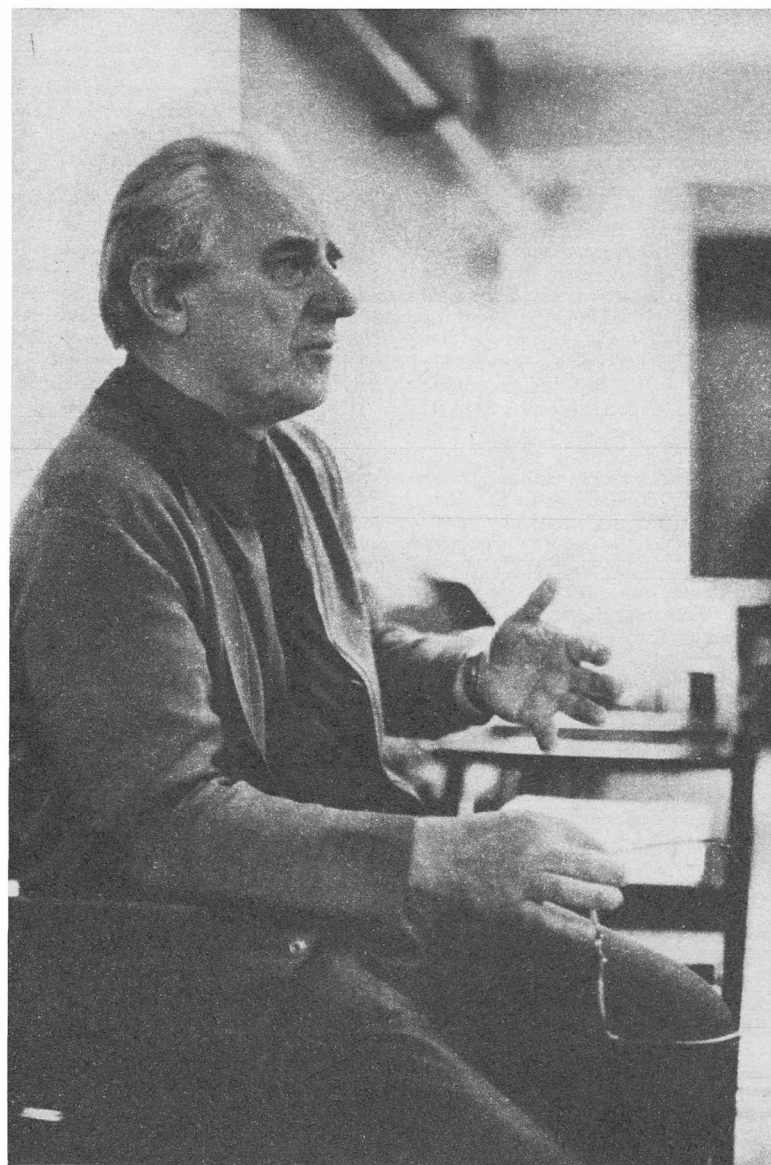
— В книге «Об оперной режиссуре», — отвечает Покровский, — высказаны довольно элементарные, но, с моей точки зрения, бесспорные вещи. Они не выдуманы, они только сформулированы. И они имеют определенную традицию. Эта традиция для

меня основана на деятельности двух людей: Станиславского и Шаляпина. Считаю, что учение Станиславского по-настоящему все еще не осознано: там есть открытия куда более великие и глубокие, чем иной раз нам может показаться. Что касается Шаляпина, то в его личности еще больше недооцененного. Ведь он не просто гениальный певец, но и ученый! Именно он сформулировал основные принципы современного оперного искусства, их надо изучать и изучать... Конечно, есть люди, которые это делают. Но есть и такие, кто просто не хочет ничего об этом знать. У них — свои образцы. И не столько образцы искусства, сколь образцы личного процветания, личной выгоды.

Ясно, что всякое стремление к чему-то новому несет с собой неизбежную долю риска. Поэтому я не обижаюсь на тех, кто говорит, что будто бы пока не появился композитор, который смог бы раскрыть современную тему! А ведь еще в тридцать девятом году Прокофьев написал произведение гениальное — «Семен Котко», на уровне самого великого, что создано человечеством. Прокофьев, Шостакович, Стравинский, конечно же, оперные классики. Да и композиторы другого, следующего поколения тоже сказали свое интересное новое слово в опере... Вообще не буду скрывать, что при всем уважении к классике, — кстати, классических произведений я поставил много больше, чем другие оперные режиссеры, — для меня всегда особенно интересна именно встреча с современной оперой, с новым языком, новым мышлением, даже вне зависимости от того, насколько талантлив данный композитор. То есть я с огромным удовольствием работаю не только с Щедриным, Хренниковым, Тактакишвили, но и с самыми молодыми, только еще начинающими композиторами. Для меня это общение с новым миром — точнее, с новым пониманием современного мира.

Уже шесть лет я руковожу Камерным музыкальным театром, где поставил Моцарта, Шуберта, Шостаковича, Щедрина, Хренникова, Холминова, а также русских композиторов восемнадцатого века: Бортнянского, Пашкевича... И должен сказать, что попасть на наши спектакли чрезвычайно трудно. Но самое главное — к нам идут композиторы. И пишут произведения специально для нашего театра, в расчете именно на наш коллектив.

Приходят и совсем молодые. К примеру, мы готовим сейчас оперу композитора Ганелина из Вильнюса: «Рыжая лгунья и солдат». Это, можно сказать, написано даже не просто о сегодняшнем дне, но о сегодняшнем часе. Новый язык, необычное понимание характеров, ритма

Народный артист СССР Б. А. Покровский

Фото Е. Умнова.

жизни!.. Ставить все это довольно сложно. Но ведь именно в преодолении таких вот сложностей и происходит процесс развития оперного искусства.

— Борис Александрович, вероятно, каждое новое слово и каждое новое дело встречают определенное сопротивление, — ну, скажем, среди тех, кто не любит рисковать. Вероятно, у вас, как у всякого новатора, достаточно противников? Как вы относитесь к возникающим разногласиям — очень ли болезненно или все же научились себя оберегать?

— Думаю, такое противодействие сил предусмотрено самой природой. Без противодействия нет и напора. В творчестве это очень важно — препятствия! Они рождают активность, желание трудиться, закаляют в конце концов. Так было всегда, и это естественно. Новое не всегда принимается мгновенно, но будущее всегда за ним... Однако я продол-

жу о нашем Камерном театре. Композитор Холминов написал для нас комическую оперу «Двенадцатая серия». Только что состоялась премьера оперы молодого композитора Чайковского «Дедушка смеется» по мотивам басен Крылова. Еще не закончивший Московскую консерваторию композитор Пальчун работает над оперой «После выпуска», где ставятся очень серьезные проблемы, волнующие молодежь, личное понимание жизни, своих прав и своей ответственности, в сочетании с тревогами и надеждами страны, мира, человечества. А ленинградский композитор Журбин пишет для нас оперу о современной колхозной деревне. Глеб Сидельников работает над оперой, в сюжетную основу которой положена проза Платонова... Все эти произведения уже приняты, они войдут в репертуар. Иначе говоря, наш Камерный театр отмеча-

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗАВТРА

ет шестидесятилетие Советской власти своеобразной демонстрацией постановки современной оперы, а не просто каким-либо одним спектаклем.

— То, что вы с таким увлечением говорите о Камерном театре, понятно: вы его создали. Своим рождением он обязан вам. Но ведь вы им занимаетесь, так сказать, на общественных началах, а с Большим театром вы связаны с сорок третьего года и по сей день. Конечно же, он поглощает большую часть вашего времени и сил, ведь так?

— Нельзя забывать, что опера родилась именно как камерный жанр: с ограниченным числом действующих лиц, в сопровождении небольшого оркестра... В салонах Италии устраивались такие представления, да и в России — до Глинки — композиторы писали только камерные оперы. Так что театр, рассчитанный именно на такие произведения, необходим. Но противопоставлять его Большому немислимо. Как и Большой театр нельзя противопоставлять Камерному. Тут не может быть либо — либо. Должно быть и то и другое. Кроме того, я боюсь слова «эксперимент», но лаборатория и я нужна в каждом производстве. Если не будет проб и даже неудач, то нельзя ожидать и удачи. Без этого нет развития!

— То есть Камерный театр в какой-то степени лаборатория Большого?

— Пожалуй... Чем шире поиск форм, приемов, жанрового разнообразия, тем больше выразительных средств появляется у оперного искусства. И тем интереснее процесс его развития. На сцене Большого театра уже прозвучала новая опера «Похищение луны». Такими были, повествуя о революции, о народных судьбах, о внутренних нравственных конфликтах героев. Вскоре премьера — «Мертвые души» Щедрина. Великое произведение Гоголя осмыслено сегодня композитором — нашим современником, и поэтому ново, необыкновенно его звучание... Конечно, осуществлять постановку такого произведения сложно. Но сложность эта опять же закономерна и естественна. Композитор должен всегда несколько опережать театр, а за ним, за его замыслом пойдут театр. Так, скажем, шел Чехов, а за ним — МХАТ, шел Островский, а за ним — Малый, шел Прокофьев, а за ним — Большой... Мы ведь и сейчас не можем сказать, что Большой театр совершенно освоил уже Прокофьева; его великое дарование будет раскрываться со временем все больше и больше... Смело сказать, что Прокофьева в Большой театр привел я; но вместе с тем мои постановки удовлетворительны лишь на данном этапе развития Большого театра. А уже на следующих этапах надо ставить иначе — более точно и глубоко раскрывая прокофьевский гений.

Наше искусство связано со вре-

менем. Спектакль не может существовать вечно, опера же существует всегда.

— В своей книге вы высказали явное недовольство системой обучения оперных режиссеров, указав даже одного из самых страшных врагов этой профессии — дидактизм. Что-нибудь тут изменилось? Или положение по-прежнему серьезно?

— Было время, когда воспитанием оперных режиссеров вообще не занимались. Я, например, кончил ГИТИС как драматический режиссер, и все мои коллеги стали драматическими режиссерами. Спустя некоторое время решили открыть факультет, готовящий именно музыкальных режиссеров, где я и стал преподавать. Возникла нужда в квалифицированных специалистах, и тот набор себя оправдал. Но теперь уже нельзя выпускать оперных режиссеров «пачками». Такого голода нет. Зато негде взять режиссера первоклассного, мыслителя, открывателя... А если такого нет, то оперное искусство развиваться не может... Поэтому надо выискивать таланты и готовить их индивидуально. Не «общеобразовывать», а развивать мысль, сердце, фантазию, воображение... Дарование оперного режиссера совершенно специфично. Необходимо прочесть партитуру новым, свежим глазом, но не так, как читает дирижер или музыкант, а именно как режиссер... Я считаю, что старый метод воспитания оперных режиссеров должен быть отвергнут. Брать большие курсы я, например, отказался. Я говорю: мне нужны, ну скажем, пять парней, которые ходили бы «без портфелей». Ненавижу режиссеров, которые постоянно носят портфели! У них там учебники, у них там книжки, а они должны иметь все в своей голове, в своем сердце! У них должно уже сложиться собственное мироощущение, собственная творческая позиция, а они все еще что-то зубрят, чего-то боятся упустить...

— Иначе говоря, дар оперного режиссера совершенно особый, ему не обучишь. Но развитию он поддается?

— Режиссер должен тянуться за своим воображением. И его воображение, его фантазия, его мечты должны быть выше того, что он в состоянии сделать. И он должен мучиться неосуществимостью своей мечты! А молодые режиссеры мало мучаются. Они полны собственного достоинства. Они идут, точно несут себя. А настоящий режиссер должен бежать по улице, словно побитая собака, зная, чувствуя, думая постоянно, что у него ничего не получится: не хватит таланта. Что он не может — именно не может! — дотянуться до своей мечты!..

...Все. Время, отведенное Покровским для нашей беседы, истекло. Это великое умение — не спешить и не опаздывать. И доводить начатое до завершения. И в самом малом и в самом большом...

РЖАНОЙ ОТ «КАРЛА ФАЦЕРА»

Фацеры разбираются в хлебе. Фирма с традициями, уважаемая и уважающая себя и клиентуру.

Младший Фацер не сегодня начал искать такой хлеб, который еще более утвердил бы авторитет марки «Карл Фацер». Присматривался к разным сортам и убедился: «Лучше русского ржаного, пожалуй, нет».

Финны, как истые северяне, любят черный хлеб — он у них на столе и утром, и в обед, и вечером. И нынешний глава финской фирмы Петр Фацер, конечно же, это знает.

Но одно дело — знать, другое — уметь. Ведь еще К. А. Тимирязев говорил, что ломать хорошо испеченного хлеба составляет одно из величайших изобретений человеческого ума, одно из тех открытий, которые позднейшим научным изысканиям приходится только подтверждать и объяснять.

Фацеры, задумав печь ржаной хлеб, первым делом послали «ходоков» в Москву.

Почему нельзя было просто перенести в Лахти привычный, освоенный в любом нашем городе процесс выпечки ржаного? Говорят, это пытался сделать один из финских ученых, но у него ничего не получилось. И не могло получиться. Дело в том, что освященная веками технология приготовления ржаного основана на «квасах», густых полуфабрикатах, «головках», как их еще называют специалисты. Здесь же от «квасов» пришлось отказаться: завод не работал по воскресеньям, не пекли и ночью, а за эти часы простая приученные к непрерывному процессу продукты просто-напросто прокисали.

«Карл Фацер» обратился во Всесоюзное внешнеторговое объединение «Лицензинторг». Договорились, подписали соответствующие бумаги. И скоро наши специалисты кандидаты наук Л. Н. Казанская и В. А. Патт поехали в Хельсинки. Везли закваски, везли — в подарок лаборатории завода, на котором предстояло осваивать новое дело, — оригинальный прибор, которого зарубежные хлебопеки еще не знали.

В Хельсинки на вокзале погрузили в машину ящик с «таинственным» прибором, а директор фирмы Андрес Гюлленберг бережно принял две большие коробки с образцами ленинградского хлеба. Выпечку такого же надо было освоить и тут, в Финляндии.

На следующий день отправились в Лахти, на завод фирмы «Карл Фацер».

— Можно начинать. — И Людмила Николаевна Казанская заключила в термостат «душу» будущего хлеба.

Теперь советским специалистам предстояло, сменяя друг друга, двое суток дежурить у прибора. Закваска вела себя хорошо: набирала кислотность, поднималась, обретала силу. Поначалу вся она умещалась в двухлитровом стакане, затем пришел черед чана, а на сорок восьмом часу нужно было перелить ее в большой бак...

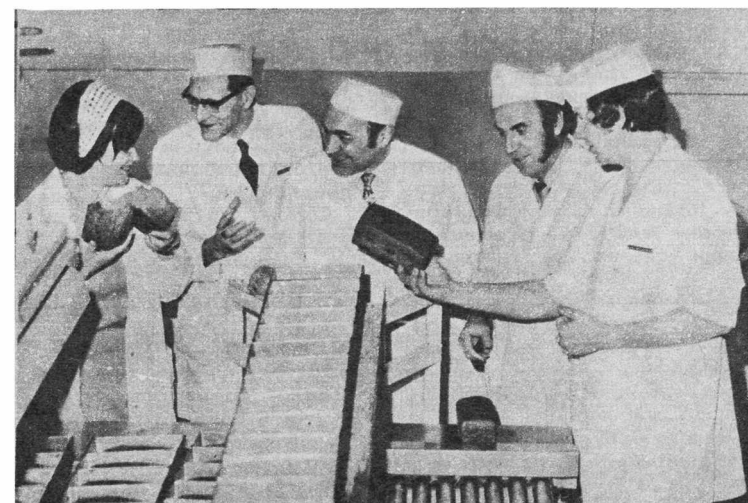
Вскоре был подписан протокол, подтверждавший, что фирма «Карл Фацер» с помощью советских специалистов полностью освоила промышленное производство ржаного хлеба...

Позже представители фирмы «Карл Фацер» скажут: «Мы купили лицензию на производство ржаного хлеба, так как знали, что в СССР проведены глубокие научные исследования техники хлебопечения... Нам была передана полная информация, нужная для организации производства. Советские специалисты обучили персонал фирмы, и выпечка пошла сразу же, без всяких неприятностей и задержек».

И вот на пресс-конференцию собрались журналисты, пришли хлебопеки. На круглом столе стоит блюдо с картошкой в мундире, холодец, русская водка и виновник торжества — ржаной хлеб, «очень хороший, крепкий ржаной хлеб, который туристы всех стран считают лучшим русским хлебом», как говорится в рекламе фирмы «Карл Фацер».

К. БАРЫКИН

Есть первый хлеб! Л. Н. Казанская и В. А. Патт (в центре) с финскими коллегами.

АШНЕМ ДНЕ

а ваше мнение?

А. ЩЕРБАКОВ

Что за балы дают в Больше-Никольской школе! Ах какие балы! Сколько в них неповторимой праздничности, сколько торжественности и — главное — как велика, как соблазнительна благодатная возможность показать себя, блеснуть, получить признание! Пускай не подумают, что я иронизирую, выбрав для этого объект довольно далекую от областного центра сельскую школу. Ничуть! Когда я слушал Лену Силенкову — прошлогоднюю выпускницу Больше-Никольской школы, я завидовал ей: она была на том прощальном балу. Теперь она вспоминает его. Ее щеки пылают, глаза блестят... Она там, в зале... Увы, такое повторяется лишь в воспоминаниях.

...Как они переживали поначалу, когда директор, сославшись на министерство, объявил, что никакого бала не разрешит. Потом разрешил. Однако поставил условие: «Только в спортивном зале... Если идеально уберете его после ремонта». Замечательно! Они сделают все так, что зал засверкает, наполнится музыкой, и тут будет нисколько не хуже, чем в тех залах, что описаны в книгах и показаны в кино.

Рабочие только кончили отлеживать спортзал. Уборки в другое время хватило бы, наверное, на месяц. Но близился бал! Девчонки с веселой яростью отскабливали пол, протирали окна, мыли двери. В перерывах обсуждали, что купить к своему празднику, как накроют столы... Чуть отдохнув после уборки, под руководством клубных работников репетировали программу концерта. Тайком от мальчишек. Те, тайком от них — свое.

Ездили в районный центр и в город за покупками. Старались угадать, чем удивят — а что удивят, не сомневались — родители. Не останутся же они в стороне от предпраздничной суеты!

И грянул бал! Торжественная часть. Поздравления. Цветы... Концерт... Мальчишки, конечно, преподнесли сюрприз: сочинили и сыграли сценки из школьной жизни. И еще... обслуживали всех на банкете. Не верилось: зализанные, демонстративно пренебрежительные к этикету, они преобразились — откуда только взялись галантность, предупредительность, учтивость?!

А учителя! Будто они никогда и не отчитывали за невыученные уроки, не ставили двоек, сидят тут же за общим столом, шутят,

вспоминают свои школьные годы, сердечно напутствуют.

Родители явно не захотели быть пассивными гостями. Всяких вкусных блюд тайно наготовили. А на вечере вдруг объявили: начинаем нашу программу! Откуда появился баян. Папы и мамы пели свои любимые песни. А как плясали!

...Вместе со мной Лену слушали ее новые друзья — первокурсники Челябинского педагогического института. Вспоминают свои выпускные балы. И завидуют Лене. У них такого не было.

— Мы скучали, — без вдохновения восстанавливает в памяти вечер в своей челябинской школе № 11 Вера Енина. — Все готовили родители. Мы ни в чем не принимали участия. Явились прямо на бал. Что запомнилось? То, что все до мелочей было запрограммировано, вплоть до того, кто за кем выступает, кто кому преподносит цветы... И еще запомнился ужасный музыкальный ансамбль. Хорошего-то ханять не смогли — то ли не хватило средств, то ли расхватали другие

ных балов самой, пожалуй, заметной строкой. Ведь последний бал в школе — это тоже своего рода выпускной экзамен, который в отличие от других сдать не столько учителю, сколько жизни и самому себе. Чему тебя научила школа, кроме правил грамматики, законов физики, формул и теорем? Самостоятельности — да или нет? Способности придумать, организовать, воплотить — да или нет? Умению быть незаменимым в коллективе — да или нет? Не станем утверждать, что подобный экзамен нельзя сдать при иных обстоятельствах, по-другому. Почему же — можно. Но в дни подготовки к последнему школьному балу, на самом балу — это же совершенно особый случай, единственная, в своем роде неповторимая возможность.

«Все делают за нас». «Все решают за нас». «Все оценивают за нас»... С какой грустью говорит сейчас о прошлогоднем выпускном вечере Лена Подколзина.

— Я из Магнитогорска. У нас в 65-й школе вокруг бала тоже в основном хлопотали родители.

БАЛ ЗА БАЛ

школы. Музыканты явились не очень трезвые, и весь вечер, грохоча своими инструментами, выкрикивали какие-то иностранные слова — имитировали знание модного репертуара. Танцы очень скоро надоели. А ничего другого никто не придумал.

Разговоры о школьных балах... Сколько я слышал в Челябинске споров о них. Тон тут задавали старшие. Спорят о многом. Проще назвать, о чем не спорят. Разве лишь о том, что нужна торжественная часть. Кстати, тут, в челябинских школах есть очень интересные находки. В 37-й школе выпускники передают следующим за ними классам традиционные ритуалы, командирские полномочия в различных отрядах; в 138-й вручают напутствия. К ребятам приходят рабочие шефствующих предприятий.

О том, что за пределами торжественной части — споры. Шить ли специально к балу белое платье, делать или не делать сногшибательные прически; преподносить ли учителям подарки, если да — из каких расчетов исходить... Спорят. Точек зрения, доводов, аргументов — в избытке.

Пускай они будут! Жаль, однако, что все это не всегда увязывают с самостоятельностью выпускников, которая просится, чтобы ее вписали в программы выпуск-

Даже конфуз получился. Пригласили человека со стороны — вести вечер, а выпускники, собравшись, решили, что обойдутся без приглашенного «затейника». Но суть-то важнее частного случая: после бала я поняла, что интересно может быть только тогда, когда все готовишь сам. Вынашиваешь, хлопочешь, сомневаешься и мучаешься, — а вдруг не получится. И тут же радуешься, веря, — не может не получиться, все выйдет отлично! Досадно: расставшись со школой, я не вспоминаю выпускной бал. Вспоминаю вечера, которые готовили сами, — праздничные, юбилейные, литературные. Захватывал, увлекал сам процесс подготовки, желание раскрыться, удивиться каким-то качествам в себе самой... И могли! Получалось! А тут почему-то уступили родителям, учителям.

Действительно, почему? Потому что ответственно. И потому, что старшие боятся доверить. И рисуется тотчас картина: «дали волю», и все обернулось кошмаром: ошеломляюще декольтированные девочки танцуют с откровенно пьяными мальчиками предельно безнравственные танцы... А потом... (Вспомню снова слова Лены Силенковой: не узнавали мы наших мальчишек — откуда только взялись галантность, предупредительность, учтивость...)

Можно же сказать десятиклассникам: бал ваш, вы его и готовьте. Думайте, дерзайте! Послушайте наши советы и постарайтесь ни нас, ни себя не подвести. Да и угощение готовьте своими руками. Почему бы девочкам самим не испечь пироги для праздничного стола? Если понадобится помощь, обращайтесь, будем рады вам помочь. Однако так бывает редко. Чаще по-иному. В памяти всплыло родительское собрание, состоявшееся несколько лет назад. Мамы и папы долго и возбужденно спорили по поводу предстоящего выпускного бала. Называли суммы, блюда, формы музыкального услаждения... Согласовали все. Бал получился, будто контрольная, написанная по шпаргалке. А хлопот и затрат — уйма... И был вдобавок таким пышным парадом «модернового» мещанства, открытым состязанием родителей по части демонстрации на своих чадах дорогих платьев и костюмов, шикарной обуви, ювелирных изделий... Помню девочек, которые стеснялись купеческих замашек своих мамаш, а те с упованием рассказывали в кругу умильных созерцателей бала, как мужественно они пожертвовали крупные суммы, испрошенные частными портнихами, чтобы дочери на школьном балу «не было стыдно» за маму и папу.

Между прочим, сколько стоил школьный бал? Виновники торжества этого часто даже не знали. Открывались-то обычно родительские кошельки. К счастью, не всегда. Люба Михина в нашем разговоре в пединституте с удовольствием вспомнила, как совхоз прислал им на выпускной вечер клубники — это за работу школьников на полях совхоза. Галя Уразбаева привела в пример свою школу в поселке Спасский, Верхнеуральского района. Там выпускники ни к кому не обращались за деньгами, заработали в совхозе. И была в этом хорошая заявка на будущее, на крепкое утверждение в жизни, на очень нужную взрослому человеку самостоятельность, при которой он хорошо знает цену деньгам.

И тут я не могу не сослаться на исследования, которые давно ведутся на кафедре политэкономии Челябинского пединститута. Касаются они и школьников. И обнаруживают их явное неумение обращаться с деньгами. Например, на вопрос: «Как вы относитесь к такому свойству личности, как бережливость (в личных и коллективных интересах)?» положительный ответ дали в первом случае 3,4 процента опрошенных школьников, во втором — 27,9. Остальные не считают это качеством столь необходимым.

Вряд ли стоит доказывать, что чем раньше появится у молодого человека уважение к деньгам, своим трудом добытым, тем скорее он привыкнет уважать все, что связано с нашим социалистическим понятием богатства.

...Скоро опять школьные балы... Музыка, нежная метель белых платьев. Порог новой жизни. Желанный, манящий. И пугающий своей неизведанностью, непривычностью масштабов и требований. Прощальный бал — последний школьный экзамен. Последний балл за него жизнь ставит скупое. Тем важнее и дороже его получить.

Челябинск — Москва.

ВСЕГДА В ДОЗОРЕ

П. А. ИВАНЧИШИН,
генерал-майор,
заместитель начальника
политуправления
погранвойск КГБ
при Совете Министров
СССР

Вся героическая история органов государственной безопасности и их составной части — пограничных войск свидетельствует о том, что они надежно ограждают советское общество от подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов, берегут и развивают традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинским.

Страницы более чем полувековой истории пограничных войск хранят имена, ставшие легендой: Никита Карацупа, Андрей Коробицын, Алексей Лопатин, Андрей Кижеватов, Семен Пустельников, Анатолий Рыжиков, Демократ Леонов, Виталий Бубенин, Юрий Бабанский, Иван Стрельников, Варлам Кублашвили... Их поведение, особенно в обстоятельствах

чрезвычайных, когда на карту ставилась жизнь, стало шкалой измерения силы боевого духа и степени воинского мастерства, глубины идейной зрелости и меры социальной ответственности, проявления активной жизненной позиции пограничников всех поколений.

За период долголетней службы в пограничных войсках судьба сводила меня с многими воинами подобной героической биографии.

Неутомимое время что-то выветрило из памяти. Но главные впечатления от этих встреч сохранились.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НИКИТА КАРАЦУПА

Каждый пограничник хорошо знает, что нарушителя нужно схватить и доставить на заставу живым. Лишь при чрезвычайных обстоятельствах, когда он может убить пограничника и, следовательно, уйти от кары, можно применить оружие и уничтожить врага. Никита Карацупа задержал 338 нарушителей и 129 уничтожил. Теперь представьте себе, сколько же было чрезвычайных обстоятельств в жизни Карацупы! Но вдумайтесь и в первую цифру. В ней слились воедино все слагаемые пограничного мастерства — неусыпная бдительность, профессиональная подготовка, высокие морально-боевые качества.

Мне в лейтенантские годы посчастливилось быть с Никитой Федоровичем Карацупой в пограничном наряде. Ночь была, помню, «пограничная» — непроглядная темень. Карацупа шел по дозорной тропе впереди, я за ним. Несколько раз шепотом он делал мне замечания: что шумно двигаюсь, демаскируюсь, хотя я старался изо всех сил. На заставе Карацупа показался мне спокойным, даже несколько флегматичным человеком. А на дозорной тропе он совершенно преобразился. В движениях появилось что-то от барса. Ступал мягко на носки, как бы крался, весь внимание, настороженность, готовность к схватке.

Много лет спустя, уже в Москве, мне удалось еще раз увидеть профессионализм Карацупы. В канун Дня пограничника Никиту Карацупу попросили выступить в Доме актера и обязательно показать работу со служебной собакой. За полчаса до выступления из Московского Краснознаменного высшего командного пограничного училища подвезли здорового ученика. Никита Федорович в течение нескольких минут, что называется, установил «приятельские» отношения с казавшейся неприступной овчаркой, на сцене она точно выполнила все его команды.

ПО ЗАКОНУ ВОИНСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

В апреле 1971 года «Правда» рассказала о героической гибели в горах пограничников: подполковника А. М. Козюлина, лейтенанта Д. В. Тодуа, рядовых В. К. Худыны, М. Л. Булата, А. Е. Иванова, ефрейтора И. Г. Колесникова, сержантов В. А. Ларионова, С. С. Путилова. По законам воинского товарищества они шли на выручку пограничному наряду, попавшему под снежную лавину. Все они посмертно награждены правительственными наградами. Мне приходилось бывать на месте героической гибели пограничников.

Из шедших на выручку в живых остался только пограничник А. В. Сенкевич. «Именно тогда, — вспоминает А. В. Сенкевич, — я решил быть офицером-пограничником, а служить здесь, в горах, где погибали товарищи, где опасности подстерегают на каждом шагу».

Сейчас лейтенант А. В. Сенкевич — начальник заставы. Со своими нелегкими обязанностями он успешно справляется. Его заставка в течение ряда лет отличная. За высокие показатели в ратном труде лейтенант А. В. Сенкевич награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

ВАРЛАМ КУБЛАШВИЛИ

Пограничники, стоящие часовыми у ворот Советского государства — на контрольно-пропускных пунктах, своей работой всячески способствуют успешному осуществлению широких экономических, культурных и других связей через наши границы. Только в 1976 году границу Советского Союза пересекли 7 миллионов зарубежных туристов, и это убедительно изобличает клевету наших врагов о «закрытом» советском обществе. В то же время на контрольно-пропускных пунктах во время таможенного досмотра вскрываются всевозможные ухищрения идеологических диверсантов, контрабандистов, стремящихся протасовать в специально устроенных тайниках, под одеждой, в обуви, поясах враждебные издания, контрабанду, нацеленные на подрыв советского государственного и общественного строя.

В пограничных войсках широко известно имя кавалера ордена Октябрьской Революции старшины-контролера В. М. Кублашвили, прозванного «грозою контрабандистов». Более двадцати лет служит он на бойком перекрестке — отдельном контрольно-пропускном пункте «Брест». На его счету на несколько миллионов конфискованной контрабанды, десятки тысяч экземпляров изъятой антисоветской литературы и других материалов, немало обезвреженных

нарушителей границы, эмиссаров зарубежных антисоветских центров.

Кублашвили невысок, худощав. Утомленное лицо с густой сетью морщин у глаз и добрая улыбка делают его похожим на сельского учителя. Тем не менее он действительно «гроза»... Старшину-контролера пытались задобрить лестью, подкупить драгоценностями, наконец, устрашить. Вот выдержки из полученных анонимных «ультиматумов»: «Убирайся из Бреста ко всем чертям или прекрати свою деятельность», «Ты торчишь здесь, как кость в горле, не даешь людям свободно жить... из двух выбирай одно: или строишь дачу на Черном море, покупаешь «Волгу» и получаешь 10 тысяч рублей на карманные расходы, или в один прекрасный день одним трупом в море станет больше...».

Кублашвили знает хорошо: это не пустые угрозы. Преступники дважды совершали на него нападения, пытались бросить под поезд. И все же он не торопится в свой приветливый край — солнечную Грузию. У него здесь, на западной границе нашей Отчизны, еще много работы.

ДРУЖИННИКИ

Граница — это не только пограничные заставы, отряды, вышки. Это не только линия, разделяющая государства. Это еще особая атмосфера постоянной бдительности, особой, чуткой настороженности. И живут в этой атмосфере не только пограничники, но и их неизменные друзья — население наших приграничных городов и сел. Местные жители создают добровольные народные дружины, а пионеры и школьники — отряды юных друзей пограничников. И наша совместная работа дает замечательные плоды.

В Батуми мне привелось как-то встретиться с двумя интересными людьми — председателем пограничного сельского Совета Мурманом Хемдиевичем Бахрадзе и бригадиром колхоза имени Кирова Мамудом Рамизовичем Микеладзе. Каждый из них помог обезвредить до десятка лазутчиков.

За проявленную бдительность и мужество в охране границы Бахрадзе удостоен ордена Красной Звезды, оба награждены медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Недавно Микеладзе вновь отличился. На плантации он заметил неизвестного, который скрытно, прячась за кустарниками, направлялся к местному аэропорту. У Микеладзе глаз заметан. По телефону он сообщил о своих подозрениях начальнику заставы капитану Г. В. Кузяткину. Задержанный оказался важным нарушителем.

Наши границы охраняет весь советский народ.

Тревожная группа на охране южных границ.

КРАСНОЗНАМЕ

Офицеры В. Гурьян (слева) и А. Коноцкий с капитаном буксира «Хива» М. Раджаповым. Буксир уходит за границу.

За рулем катера погранвойск старший матрос Виктор Захаров.

Фото
Г. КОПОСОВА

«Н

аш закален-
ный краснознаменный».

Это слова из песни, которую сложили и поют солдаты о своем Н-ском ордена Ленина, Краснознаменном пограничном отряде. В песне говорится, что он охраняет «горы и долины, пыльные равнины и зимой и в зной».

Заставы отряда охраняют большой участок границы, на котором есть и «ворота» Советского государства — контрольно-пропускной пункт на реке Пяндж. Через эти ворота идет поток грузов и пассажиров из СССР в дружественный Афганистан и обратно.

Застава — основное подразделение пограничных войск. Это довольно сложный воинский коллектив со своей непростой структурой, особым ритмом жизни, оснащенный современными техническими средствами. Эти средства с успехом используют образованные, хорошо обученные советские пограничники, охраняя рубежи Родины.

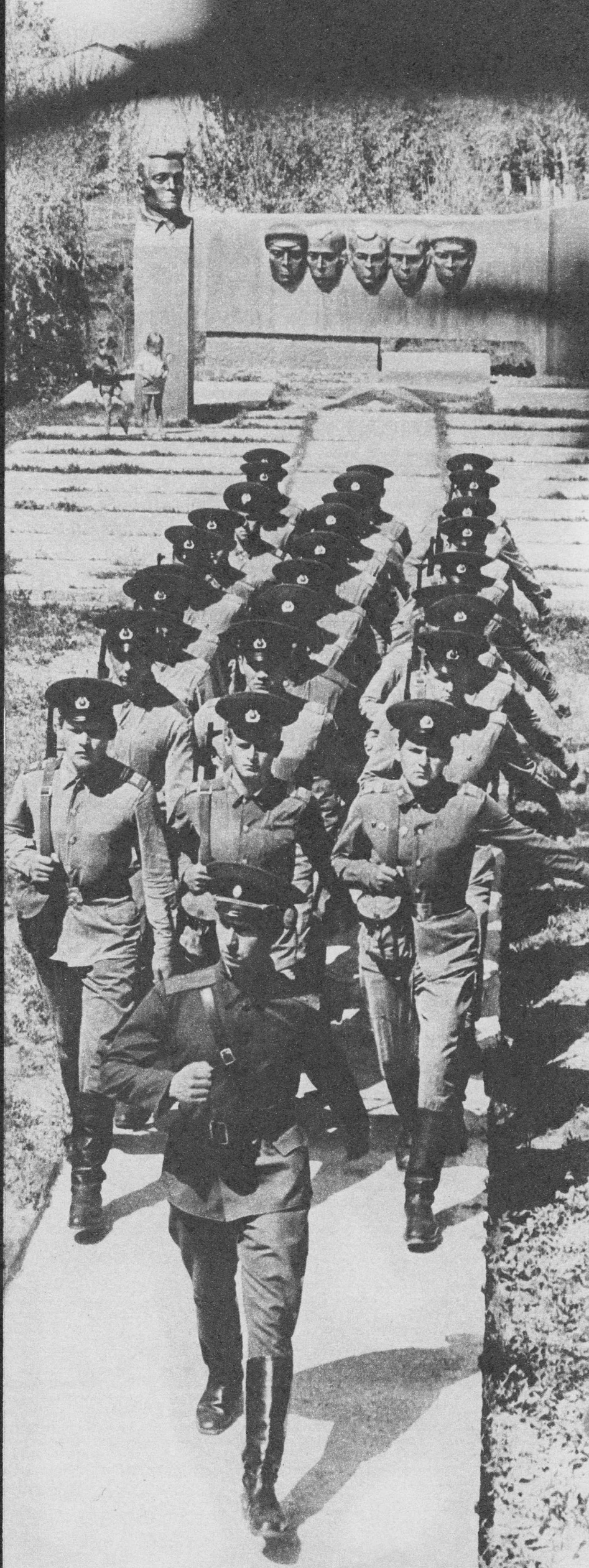
А. ГОЛИКОВ

НННЫЙ

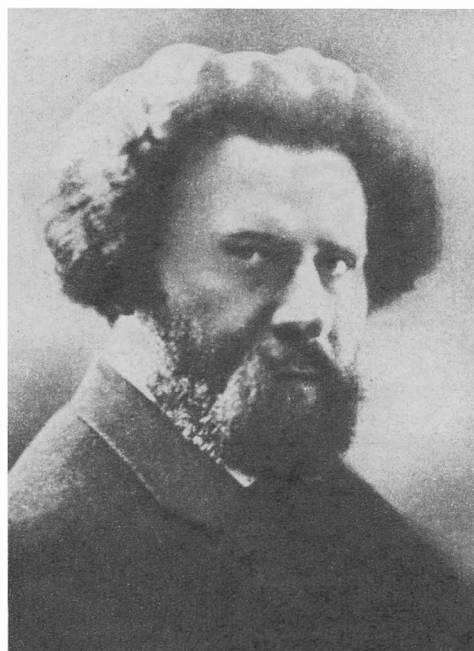
Учебная тревога. Взвод бронетранспортеров под командованием офицера В. Павленко.

Здесь свято хранят славные боевые традиции отряда.

КОКТЕБЕЛЬ

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны,—
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

С тех пор, как отроком у молчаливых,
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась.
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.

Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой.
И сих холмов однообразный строй
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху разбег, а мысли меру дали;

Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

* * *

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалисты
гребней,
Обрывы черные, потоки красных щелей —
Пределы скорбные незнакомой страны.

Я вижу грустные торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзая и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Дреми звездья.

М. ВОЛОШИН

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

В. ЕНИШЕРЛОВ

*Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями.
Все воспринять и снова воплотить.*

Друзья называли его душой древней Киммерии — омываемой теплым морем, выжженной солнцем легендарной земли, где плоские степи и дикие холмы прерываются причудливым нагромождением скал, где, как застывшее, окаменевшее пламя, возносится к небу сказочный, грозный Карадаг. Киммерия — Восточный Крым, мифическая земля Орфея, сошедшего здесь в Аид. В этом краю, на самом взморье, в долине Коктебеля поселился в 1893 году Максимилиан Александрович Волошин.

Пятнадцатилетнему гимназисту еще предстоял долгий путь по жизни: странствия по Европе и занятия живописью в Париже, известность поэта, художника, литературного и художественного критика, — но еще в юности он пронизательно почувствовал, что именно Крым станет истинной землей его судьбы. «Навсегда! (...) Теперь прощай все, что было раньше (...). Мне кажется, что вот именно теперь, только теперь начинается настоящая жизнь», — писал он, узнав, что будет жить в Крыму.

Феодосийская гимназия, которую закончил Волошин, мало что дала ему, — в юности он был всецело, из чувства «самосохранения» перед лицом гимназической казенщины, погружен в книги. Читал Волошин очень много. Еще до гимназии его любимыми писателями были Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Достоевский. Позже — По, Байрон, Ибсен, Гауптман, Метерлинк... И, конечно, древние и вечно юные Гомер, Овидий, Вергилий.

Античные развалины, генуэзские крепост-

ные стены, скифские бабы и мраморные плиты с неразборчивыми надписями, «гекзаметр волн» — вся многовековая история земли, увиденная и прочувствованная в Крыму, оживила для юного поэта даль прошлого — естественно и неразрывно история вошла в его кровь. Много позже Марина Цветаева, создавшая лучший литературный портрет и памятник Волошину — очерк «Живое о живом», писала: «Когда Макс, полдневными походами, рассказывал мне о земле, по которой мы идем, мне казалось, что рядом со мной идет — даже не Геродот, ибо Геродот рассказывал по слухам, шедший же рядом повествовал как свой о своем».

Интерес к истории не угасал в Волошине и после поступления на юридический факультет Московского университета. Обостренно стремился узнать он как можно больше о прошлом России, ее революционных традициях.

«Месяц рождественских каникул, — писал он в одном из писем в 1898 году, — очень многое дал мне. Передо мной раскрылся целый мир, о котором я раньше не имел понятия. Предо мной раскрылись течения и движения семидесятих годов, и раскрылись в таком свете и в таком виде, что я был поражен и подавлен. Мы, русские, совсем не знаем своего прошлого, — новое поколение приходит, не зная ничего о поколении предыдущем. Это прошлое — наше наследство, наше достояние — скрыто и отнято у нас. А прошлое действительно великое: какие громадные личности, какая железная сила воли, какая страстная любовь к родине — и все это уничтожено, замывано, скрыто, искажено». Неожиданными могут показаться в таком на первый взгляд далеком от общественной жизни человеку, увлеченном литературой и искусством, эта негодующая страстность и гражданский пафос. Но Волошин, отгородившись от «гимназической казенщины», вовсе не прятался от жизни. При поступлении в университет директор феодосийской гимназии характеризовал его как человека, отличающегося «отрицательным мировоззрением» и имеющего большое влияние на товарищей. Поэтому в Москве Волошин сразу попал в число поднадзорных студентов. Он при-

нял активное участие в студенческих волнениях, был уволен из Московского университета и выслан в Феодосию. Он вернется в Москву через год, но ненадолго и будет вновь выслан — на этот раз в Среднюю Азию, где пройдет тысячи верст, делая промеры для новой ташкентско-оренбургской железной дороги.

Из Средней Азии Волошин отправляется в Европу, чтобы «познать всю европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив все «европейское» и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям «искать истины»... стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности (...), а после того в Россию окончательно и навсегда».

Он быстро становится своим в литературных и художественных кругах Парижа. В мастерской художницы Е. С. Кругликовой собирает Волошин русских и французских поэтов и художников — К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, Алексея Ник. Толстого, Романа Роллана, Александра Бенуа и других. При участии Волошина создавался Русский артистический кружок в Париже. Франция стала существенной вехой, определившей многое в жизни и творчестве Волошина.

В стихах о Париже проявилась та особая точность и живописная зоркость, которая отличает его поэзию:

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты —
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Во Франции Волошин начинает серьезно интересоваться живописью. В бесконечных блужданиях по Парижу не расстается он с альбомом и карандашом. Занимается и художественной критикой, пишет стихи. В это время Волошин много путешествует. По собственным маршрутам, пешком — он признавал только пешие путешествия, узнавая страны «подошвами своих ног» — имея в кармане гроши, проходит он почти всю Европу, знакомясь с людьми и произведениями искусства. В интересной статье, открывающей недавно появившийся сборник материалов к биографии Волошина, Р. Петрова замечает: «По его собственному признанию, это время было для него периодом поисков: «...смотрел на живопись, как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах».

Эти поиски и странствия вылились в результате в серию пейзажей «По Испании, Греции,

М. Волошин. 1877—1932. КИММЕРИЯ. 1931.

Государственный литературный музей.

СКАЛЫ. 1928.

М. Волошин. ЗАЛИВ. 1925.

КОКТЕБЕЛЬ. 1926.

Италии», в первую книгу стихов «Годы странствий», напечатанную в 1910 году, и статьи о Франции.

Валерий Брюсов отметил первый стихотворный сборник М. Волошина. «В каждом его стихотворении,— писал он,— есть что-нибудь останавливающее внимание: своеобразие выраженного в нем чувства, или смелость положенной в основание мысли (большею частью крайне парадоксальной), или оригинальность размера стиха, или просто новое сочетание слов, новые эпитеты, новые рифмы». Требовательный и не склонный к завышенным похвалам, Брюсов писал, что стихи Волошина «сделаны рукой настоящего мастера, любящего стих и слово, иногда их безжалостно ломающего, но именно так, как не знает к алмазу жалости гранивший его ювелир».

В личности Волошина неразрывно слились две натуры: поэтическая и художественная. Пришедший в результате долгих поисков к акварели, Волошин-художник создавал проникновенные, тонкие работы. «Мало кто знает,— замечал Александр Бенуа,— сколько времени он посвящал живописи и что эти его работы имеют настоящее художественное значение. Кое-что тут навечно Богаевским, кое-что является отзвуком искусства Пуссена и Тернера, но при всем том эти живописные работы Волошина очень самобытны». В Париже он серьезно изучал классическую цветную японскую гравюру Утамаро и Хокусая и от них взял экономность изобразительных средств, стремление к философскому проникновению в суть явлений.

Безусловно, наиболее зрела и выразительна контебильская серия акварелей Волошина. Они рождались как результат его прогулок и походов по Крыму, и не случайно многие из этих листов сопровождаются стихотворными строками. В этих работах художнику удалось достичь удивительной гармоничности цветового строя, соответствующего музыкальному строю стиха. Для Волошина-художника характерен взгляд на Землю как на часть космоса. В его «исторических пейзажах» запечатлена история земной коры, носящая отзвуки геологических катаклизмов и следы прошедших по планете поколений людей.

Стихотворные пейзажи вкупе с акварелями создают незабываемую картину Киммерии, точную, поэтически емкую и глубоко осмысленную. Сам Волошин сказал о своей работе: «Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на планере (...)

Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы, точно так же, как и тем фактом, что мой сонет «Полдень» был в свое время перепечатан в Крымском журнале виноградарства. Это указывает на их точность».

Критики порой обвиняли Волошина-поэта в

эстетизме, книжности, вторичности. Но если эти упреки в чем-то справедливы по отношению к начальному периоду его творчества, то стихи, обращенные к излюбленной «теме Киммерии», не дают повода подобным упрекам. Именно в этих стихах наиболее полно и искренне выразил себя Волошин. История земли и смена времен года, краски деревьев и травы, шум моря — все это сливается в строфах Волошина в неповторимую картину Восточного Крыма. Киммерия стала его поэтическим откровением.

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденной.
Здесь каждый след сожжен тоской.
Здесь каждый холм порыв стесненный.
Я вновь пришел — к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морския дали.
Все так же пуст Эвксинский Понт
И так же рдья закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текущий, гулкий и лиловый.

Волошин-поэт, Волошин-художник — в последние годы все больше узнаем мы о его творчестве, знакомимся на выставках с его картинами. Но как мало еще известен Волошин — литературный и художественный критик! Между тем в разбросанных по различным периодическим изданиям статьях и эссе Волошин сумел сказать много существенно важного и оригинального о литературе и искусстве. Содержательные и блестящие по форме, они вызвали неизменный интерес. Цикл статей «Письма из Парижа» знакомил русских читателей с культурной жизнью Франции. В работах о Нестерове, Голубкиной, Сурикове, Сарьяне ставил он кардинальные проблемы художественного творчества.

Исследователи отмечают особую значимость работы Волошина о В. И. Сурикове, который сам выбрал его в биографии. Дословные записи бесед с Суриковым положил Волошин в основу своей монографии, сохранив особый колорит речи великого художника.

Был Волошин и необычайно прозорливым, тонким литературным критиком. Лишь один пример. Известно, как резко оппозиционно встретили многие представители буржуазной интеллигенции революционную поэму Ал. Блока «Двенадцать», считая ее изменой поэта, свидетельством упадка поэтического мастерства Блока. По-другому оценил «Двенадцать» Волошин в почти забытой теперь статье «Поэзия и революция», появившейся в 1919 году. Он отметил глубокое внутреннее родство «Двенадцати» со всей поэзией Блока и в то же время ее революционное, непреходящее значение: «Поэма «Двенадцать» является одним из прекрасных художественных претворений революционной действительности. Не изменяя самому себе, ни своим приемам, ни формам, Блок написал глубоко реальную и — что удивительно — лирически объективную вещь. Этот Блок, уступивший свой голос большевикам-красногвардейцам, остается подлинным Блоком «Прекрасной Дамы» и «Снежной маски»... Можно только радоваться тому, что Блок дружен с большевиками, потому что из впечатлений того лагеря возникла эта прекрасная лирическая поэма, являющаяся драгоценным вкладом в рус-

скую поэзию». Не много столь верных слов было сказано по поводу «Двенадцати» не только в те сложные, но и в более поздние годы.

Эта статья Волошина провидчески перекликается с мыслями самого Блока, говорившего, что если его творчество рассматривать как движение по спирали, то на верхнем витке будет «Двенадцать», и записавшего, что, создавая «Двенадцать», он также отдался стихии, как во времена «Снежной маски» и «Кармен».

Критические выступления Волошина, к сожалению, еще не изученные основательно, важный этап в литературной жизни и борьбе эпохи рубежа двух веков.

С 1917 года Волошин безвыездно живет в Коктебеле. Человек большого личного мужества и благородства, он в период гражданской войны помогал скрывавшимся от врангелевцев коммунистам, вызволял людей из белогвардейской контрразведки.

«То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя величайшим счастьем», — писал Волошин. Он настороженно встретил февральские события, остро чувствуя «интеллигентскую ложь, прикрывающую подлинную реальность революции». «Дар речи», — говорил он, — возвращается только после Октября».

В послереволюционной поэзии Волошина большое место занимают исторические и историко-философские темы. Животрепещущие политические проблемы разрабатывает поэт, прибегая к историческим аналогиям, обращаясь к прошлому России, к образам мятежного протопла Аввакума, Разина, Пугачева.

В своем коктебельском доме он радушно принимает многих представителей новой советской культуры.

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом открыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленых известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

Эрудит, блестящий собеседник, неутомимый спутник в походах, добрый друг и советчик — таким остался Волошин во многих воспоминаниях о гостеприимном хозяине романтического Коктебеля.

Дом поэта, так любовно сбереженный в течение десятилетий женой и другом Волошина Марией Степановной и ставший ныне государственным музеем, удивительно сохранил черты этого яркого, необычного человека. Замечательная библиотека, коллекция картин и уникальных произведений искусства, будто вчера оставленная мастерская... Все здесь напоминает Волошина. Жизнь вещей как бы продлевает жизнь поэта и вместе с его стихами и акварелями рассказывает о прекрасном художнике, патриоте, влюбленном в свой край, в свою Родину, в Россию.

КРАМОЛЬНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

книжные редкости

Существуют книги, которые обычно не читают за письменным столом. Они зовут в путь, сопровождают в странствиях.

Недавно в мои руки попала одна из них. На титульном листе дата — 1905 год. Это путеводитель по Москве кануна декабрьского вооруженного восстания. На обороте нет обязательного «Дозволено цензурой». Итак, это первый бесцензурный путеводитель по дореволюционной Москве!

Книга имеет три раздела. Первый — «Историко-топографическое описание» — и заключительный — «Окраины Москвы» — весьма оригинальны. И вдруг в середине книги совершенно неожиданно в монотонное повествование историка и бытописателя, сдобренное анекдотическими и легендарными сведениями, врывается звонкий голос предреволюционной Москвы. В нем звучит обличение капиталистиче-

ского города. «Судьбы города перешли в руки крупной буржуазии...» — говорит автор. Из 133 гласных Московской думы, отмечается в книге, 79 — представители промышленного и торгового капитала. Автор, подчеркивая классовый антагонизм капиталистов и рабочих, усматривает одно из проявлений его в том, что поскольку зарплата рабочих «увеличивается за счет прибыли капиталиста-предпринимателя, то естественно, что интересы трудящихся масс не находят себе должного внимания...». «В то время, как оклады высших служащих города с каждым годом растут, — продолжает он, — его рабочие не знают ни минимума заработной платы, ни максимума рабочих часов... Многие десятки тысяч городского населения проводят жизнь в самых ужасных жилищных условиях, в тесноте и духоте, в подвалах, в квартирах с промерзающими, вечно отпотевшими, мокрыми стенами, не имея даже отдельной койки... Если же вы взглянете на жилье рабочих классов...» — читаем далее, — то вы сейчас же натолкнетесь на те мрачные картины, которые за последнее время стали так хорошо известны москвичам благодаря появившимся описаниям «ночных квартир» и «углов»... К этому надо прибавить, что налоговое бремя в Москве ложится всей тяжестью не на

тот класс, к которому имеют счастье принадлежать «отцы» города».

Таким образом выявляется главная задача путеводителя — социальная критика московских властей с позиций защиты интересов трудящихся. Об этом косвенно говорит и предисловие. В нем отмечается, что в предлагаемом издании описание «динамики города, функции его учреждений... сделано несравненно подробнее, чем во всех изданных доселе». Таким образом авторы в период революционной ситуации остроумно использовали популярный «жанр» для антикапиталистической пропаганды, надежно «упаковав крамолу» в благонамеренный текст.

Остается высказать, кто же были эти авторы? В предисловии указано, что I и III разделы составил П. Крот (на титульном листе он значится как А. Крот), а наиболее интересный II написан г-ном Н. Д-ть. Вполне понятно, почему Н. Д-ть пожелал остаться для властей неизвестным. Но это нарушало сложившуюся традицию: из всех московских путеводителей XIX века только один был издан анонимно. Кто же скрывался под псевдонимом Н. Д-ть? Словарь И. Ф. Масанова не дает ответа на этот вопрос. Что касается П. или А.

Рабочая ночлежка в Москве. Фото начала XX века.

Крота, то в словаре упоминается псевдоним Павел Крот, под которым выступал А. Н. Ачкасов. Его книги, судя по рекламе в путеводителе, издавались тем же Д. П. Ефимовым. О Н. Д-ть пока можно сказать немного. Это был человек демократических взглядов, несомненно, хорошо знакомый с марксизмом.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ

О замаскированных публичных домах израильская пресса пишет как о некоем непременном для страны явлении. А содержателей притонов осуждает только лишь за неуважительное отношение к добропорядочным жильцам из соседних квартир: «Путая адреса, настойчивые клиенты стучат в двери честных женщин. Те справедливо возмущаются: «Прямо лопнуть можно! Неужели я похожа на гадкую проститутку? Я порядочная женщина!»

И только некоторые израильские врачи в противоположность чиновникам и журналистам пытаются копнуть глубже и объективно разобратся в причинах, порождающих проституцию и стимулирующих угрожающий рост венерических заболеваний среди молодежи.

Вот почему на экстренной конференции врачей-венерологов, состоявшейся в мае 1976 года в Тель-Авиве, шел взволнованный разговор о таких далеко не медицинских категориях, как непрерывное удорожание цен на товары первой необходимости, специально заниженная для работающих женщин заработная плата, ограничивающие гражданские права женщин законы. Во всем этом участники конференции справедливо видят благоприятный базис для развития проституции.

Много говорили и о захлестывающем страну потоке отечественной и импортной порнографической литературы, о так называемых сексфильмах, которые без ограничения могут смотреть даже школьники младших классов. «Индустрия порнографии», стремясь удовлетворить запросы рынка и идти в ногу с современностью, изобретает и выпускает в огромнейшем количестве новые виды своей продукции — узкоплеченные фильмы для домашних экранов, красочные стереоскопические слайды и прочий воспевающий секс ширпотреб. А за сильнейшие порнографические представления! Достаточно сказать, что афиша студенческого вечера новой литературы на иврите для молодых олим в тель-авивском зале Бнай-Брит заканчивается заманчивой строчкой: «Шведский стриптиз — номер исполняется в Израиле впервые!»

Резюмировать все, что говорилось на экстренной конференции о безудержной пропаганде «общедоступного секса» в Израиле, вполне можно словами известного польского социолога Януша Яницкого, автора содержательной книги «Тревоги молодежи Запада», доказательно отмечающего «коммерциализацию секса» в современном буржуазном мире: «Капиталистическое общество со всеми его «возможностями» и «соблазнами» живет интересами прежде всего извлечения прибыли. В погоне за ней нередко используются и поощряются самые низменные человеческие инстинкты. Средства массовой информации предлагают обществу картины насилия, жестокости и извращенного секса. Число людей, сколачивающих на этом ремесле состояния, растет: их не волнует, какое они оказывают влияние на

моральный облик молодежи. В то же время неуклонно снижается количество запретов и ограничений в этой области».

С этими словами Януша Яницкого как нельзя более точно переключается утверждение профессора А. Фойермана, заведующего венерологическим отделением одной из тель-авивских больниц «Бейлинсон», о том, что в израильской молодежи воспитывается откровенная безнравственность и вера в необходимость «полной свободы» половой жизни. А это, естественно, стимулирует деятельность сутенеров и притонсодержателей, старающихся рекрутировать в проститутки все больше и больше девушек. Выступая на тель-авивской конференции венерологов, профессор Фойерман с тревогой отмечал неудержимый рост самых опасных венерических заболеваний, особенно среди студентов, солдат и учащихся средних школ. Он подчеркнул, что легкость связей с проститутками и рост количества публичных домов привлекают в Израиль среди прочих и венериков из других стран. Так создается импорт венерических заболеваний в широких масштабах.

Особенно стремительно растут венерические болезни среди военнослужащих. На конференции много говорили о неведомом ранее, а ныне широко распространенном среди солдат венерическом заболевании под экзотическим названием «иерихонская роза».

И многие в Израиле небезосновательно спрашивают, не цветет ли так пышно «иерихонская роза» оттого, что «интимно ласковое отношение к молодым людям в солдатской форме» возводится некоторыми сионистскими изданиями и другими средствами пропаганды чуть ли не в ранг высокого патристического долга израильских девушек.

Шумная популярность израильской проституции за рубежом вызвала и соответствующие экспортные операции. Об их результатах можно судить по восторженным газетным сообщениям типа: израильской разведке в латиноамериканских странах удалось «еще одному дипломату недружественной страны подложить в постель еврейскую проститутку и выудить достаточно важные сведения».

Такие случаи — далеко не эпизодические сенсации, и связаны они не только с охотой на дипломатов. Не гнушается активным содействием проституткам и тель-авивское «Социальное студенческое бюро», специализировавшееся на улавливании в сионистские сети студентов, преимущественно иностранцев. В эффективность такой помощи разведке верят и руководители патронируемых ЦРУ отделений общества «Американцы — друзья Среднего Востока», а оно при всей невинности своего названия усиленно использует сионистских разведчиков.

...Как-то в Брюсселе я беседовал с бельгийским журналистом, подчеркивавшим свои просионистские убеждения.

— Согласитесь, — сказал я ему, — превращать проститутку в союзниц, пользоваться их помощью в политической борьбе — это уж ни в какие ворота не лезет!

— Поймите, наивный вы человек, — терпеливо и методично разъяснил мне только что вернувшийся из Израиля журналист, — маленькому и молодому государству нужен постоянный пример. Образец. Эталон. Для сионистского руководства Израиля такой эталон — Америка. Да, Америка, и в крупном и в деталях. А там принято и в одиночку и отрядами забрасывать

проститутки в тыл к своим политическим противникам... Не глядите на меня так недоверчиво, неужели вы этого не знаете?

Не знал, каюсь. Но, прочитав отрывки из бестселлера «Американская жизнь. Одна из дорог к Уотергейту», испеченного уотергейтским «героем» Джебом Стюартом Магрудером, убедился: да, такова американская жизнь, да, заокеанские политики далеко не брезгают содействием представительниц древнейшей профессии. Магрудер, специальный помощник бывшего президента Никсона в секретариате Белого дома, один из организаторов скандальной предвыборной кампании в пользу своего хозяина, рассказывает, как наемный разведчик Гордон Лидди, такой сошедший с экрана новоявленный Джеймс Бонд, хвастливо обосновывал, зачем ему надлежит получить от сторонников Никсона миллион долларов чистогоном. Лидди докладывал свой оперативный план не кому-нибудь, а самому Митчеллу, пожертвовавшему постом министра юстиции ради того, чтобы личным руководством борьбой с демократической партией обеспечить переизбрание своего друга Никсона на пост президента.

Среди прочих мероприятий гангстерского оттенка, намеченных Лидди, «его планом», — вынужден признать Магрудер, — предусматривалось использование во время съезда демократической партии проститутки — как в Вашингтоне, так и в Майами-Бич — с целью компрометации ведущих политиков-демократов. Он предлагал взять напрокат в Майами-Бич яхту и установить на ней скрытые камеры и записывающие устройства. Продажные женщины будут заманивать ничего не подозревающих демократических деятелей на борт яхты, где их ждет тайный сеанс детективной кино-съемки и звукозаписи.

— Девиц мы пригласим самых шикарных, — подчеркивал Лидди, — только высшего класса».

Вынужден признать, бельгийский журналист оказался прав: израильские сионисты и в области проституции старательно равняются на американский эталон...

Рост венерических заболеваний и рост проституции — это две стороны одной медали. И никакие культибы сионистской пропаганды не могут увести прогрессивные слои израильского общества от этого закономерного и единственно справедливого вывода. А ведь она доходит до того, что, ссылаясь на исследования доктора Краковского из тель-авивской больницы «Гадаса», убеждает читателей: у евреев со смуглой кожей, то есть сефардов, гораздо позже и гораздо сложнее распознаются признаки венерических заболеваний. Отсюда делается недвусмысленный вывод о том, что все зло в неполноценных представителях иудейской расы, что именно второсортные евреи стимулируют рост венерических заболеваний и тормозят раскрытие губительных последствий проституции.

Совершенно замалчивается сионистами еще один канал, по которому некоторые израильские медленнее, но верно идут к проституции.

Речь идет о «нечистых» (то есть не доказавших своего истинно еврейского происхождения и не прошедших впоследствии униженного ритуала публичного омовения) еврейках, брошенных с детьми на руках мужьями — вполне «чистыми» евреями. Брак с «нечистой» религиозными учреждениями не оформляет-

Половарь

ся, а дети, рожденные в гражданском браке, считаются в Израиле незаконными — «мамзерами». Используя эту лазейку, иные отцы сразу же провозглашают себя глубоко верующими и на этом «священном» основании отказываются содержать своих кровных, но «незаконнорожденных» детей. Государственные суды не принимают исковых заявлений на алименты от жен, состоящих в гражданском браке. Наиболее отчаявшиеся бросаются искать правду в раввинатских судах. Но прошения матерей, родивших детей «вне религиозного закона», не рассматриваются годами. По свидетельству депутата кнессета сионистки Хайки Гроссман, к осени 1973 года в раввинатских судах страны скопилось 3801 нерассмотренное дело об алиментах на «мамзеров». А если дела в конце концов и рассматриваются, то решение выносится обычно не в пользу «нечистой». С «мамзером» на руках она становится в Израиле вдвойне бесправной. И тут уж проституция становится для несчастной женщины едва ли не единственной реальной возможностью спасти своего ребенка от голодной смерти.

Гражданский брак — вне закона! Об этом всю трубят сохнутувские агенты, заманивая иммигранта в Израиль. С их точки зрения, это лакомая приманка для тех, кто намеревается ускользнуть от отцовских обязанностей. На сей раз сохнутувцы, увы, не так уж не правы. Вот характерный пример. Покинувшие Польшу супруги-актеры оказались с маленькой дочкой в Швеции. Там — сначала в Стокгольме, а затем в самых провинциальных городках — им пришлось заниматься чем угодно, только не театральным искусством. В конце концов бывший актер пришел к сохнутувцам и заявил, что охладел к семье и хочет тайком от нее уехать в Израиль. Жена, однако, проведала о тайных планах мужа и заявила, что тоже едет с дочкой в Израиль. Удрученный этим муж сразу потерял всякий интерес к «исторической родине» и отказался уезжать. Но сохнутувцы его успокоили: брак-то ваш не освящен религиозным обрядом, вы вольная птица, в Израиле вас будут считать холостяком!

То же самое твердят без устали в Израиле и бывший советским гражданам, объясняющим свое бегство отсюда желанием вернуться к семье. Им прямо рекомендуют обратиться в бракосопреднические бюро и создать новую, «настоящую» семью. Пусть «гражданская» жена приехала с мужем в Израиль — для сионистских фанатиков это тоже не помеха. Мне уже приходилось рассказывать, как израильские родственники бывшего рижанина Меирсона категорически потребовали от него прогнать жену, с которой он прожил более четверти века, хотя знали, что она после войны выходила больного мужа. Сионистские фанатики убеждали Меирсона, что «нечестивая» и без него не пропадет в Израиле, если только, подмазав щеки и укоротив юбку, выйдет вечером на набережную Гаяркон. Меирсон предпочел бежать с женой из Израиля.

Но иногда фанатичным родственникам удается добиться своего, — об этом я узнал уже впоследствии. Жене бывшего каунасца родственники сказали: «Вашей загвоздки бумажонке грош цена! Какая вы ему жена — ваш брак не освящен раввином!» Ее заставили уйти от мужа, оставили без жилья и средств к существованию. И вскоре фотографию несчастной женщины можно было увидеть в фотоальбоме популярного в Хайфе сводника. Читателям понятно, по какой причине я не вправе назвать имя женщины, хотя мне его точно называли бежавшие из Израиля бывшие граждане Советской Литвы.

Заметен ли хоть малейший проблеск надежды на то, что безвыходное положение людей, лишенных права на религиозный брак, будет хоть сколько-нибудь улучшено? Быть может, им разрешат вступать хотя бы в гражданский брак — второсортный, паллиативный, презираемый? Наконец, может быть, сионисты в Израиле пойдут навстречу людям неверующим и убежденно предпочитающим гражданский брак религиозному?

Точный и недвусмысленный ответ на эти — весьма наивные в израильских условиях — вопросы дает сообщение, опубликованное на первых полосах большинства израильских газет 24 июня 1976 года:

«Вчера в кнессете состоялось обсуждение законопроекта о разрешении гражданских

браков для лиц, неправомочных вступать в религиозный брак. Большинство голосов законопроект был отклонен».

Коротко, ясно и беспросветно!

Можно ли после этого сообщения удивляться, что в израильских газетах, в том числе и откровенно клерикальных, я неоднократно встречал объявления такого содержания: «Мужчина, которому запрещено жениться, ищет подругу жизни из незаконнорожденных» или «Незаконнорожденная, 20 л., яркая брюнетка, ищет себе пару для брачной жизни».

Не совсем понимая истинный смысл подобных объявлений, я в Брюсселе и Роттердаме обратился за разъяснением к проживавшим ранее в Израиле евреям.

— Кто дает такие объявления? — переспрашивает меня Менаше Гурт. И сам же отвечает: — Люди из черных списков... Не понимаете? Могу точнее: те, кто заключен раввинатскими компьютерами... Опять туманно? Ну, тогда объясню совсем подробно. Религиозные власти, используя метрики, анкеты и, конечно, доносы (их, правда, именуют свидетельствами верующих), закладывают в компьютер материалы на каждого жителя. И если машина выдает отрицательный отзыв, человека признают неполноценным евреем, недостойным иметь потомство. На него обрушивается масса запретов, и прежде всего запрещение вступать в брак. Вот ему и остается только одно: искать для себя жену, а правильнее будет сказать — эрзац-жену из таких же заклеименных. Если этот мужчина — человек порядочный, то ведет себя в семье, как подобает настоящему мужу и отцу. Но находятся и такие, что в нужный момент вспоминает: «Ведь брак мой незаконный! И жена моя — никакая мне не жена! И никто меня не может заставить содержать ее детей!» Словом, семья разрушается, а брошенная женщина вынуждена добывать пропитание для детей любой ценой.

— Любознательная, — грустно добавляет жена Гурта Лиза. — Так что не удивляйтесь, если я скажу вам, что на тель-авивскую набережную Гаяркон по вечерам в поисках клиентов выходят и женщины, которых дома ждут дети.

— Справедливости ради надо сказать и про аморальное поведение некоторых «незаконных» жен, — говорит Лия Тапицер. — В Ашкелоне многие знали одну очень хорошенькую девушку по имени Блюма, состоявшую в черном списке раввината. Она стала женой приехавшего из Йемена «незаконнорожденного» юноши, но через несколько месяцев ушла от него к другому, тоже «нечистому» еврею, но более состоятельному. Родила девочку. Годом через два повстречался Блюме богатый дантист — турист из Мексики. И хотя он не скрывал, что у него есть семья, Блюма оставила дочку у мужа и уехала с дантистом в Мексику. Она знала, что жениться на ней дантист не сможет. «Ничего, он достаточно богат, чтобы стать моим надежным покровителем», — цинично говорила она на прощание своим подругам. Ох, кто знает, чем закончилось для Блюмы это «покровительство»? Не вышвырнул ли ее богатый покровитель на улицу? Ведь и в Мексике ни один раввинат, ни одна еврейская община не вступится за незаконнорожденную, за нечистую еврейку...

А если брошенной матерью оказалась мусульманка или христианка, никто не будет даже читать ее прошение об алиментах.

Жестокие были, бесхитростно поведенные мне супругами Гурт и Лией Тапицер, приоткрыли завесу над еще одним властным стимулятором проституции в стране, где правят сионисты. Словно смиренную рубашку, напяливают они перечень беспощадных догматов на молодых израильтян. И такое моральное удушение дает свои тлетворные результаты: происходит, как метко подметил убежденный антисионист, профессор брюссельского Свободного университета Гориелли, разрушение духовности.

Разрушение духовности — сколько непоправимого зла, сколько покаянных жизней вобрали в себя эти два слова!

Остается добавить: среди «нечистых» евреек — немало новоприбывших. Когда беженцы мне рассказывали, что некоторые оле не были признаны истинными евреями из-за подозрительного звучания их фамилий, я, честно говоря, вначале не поверил этому. Но вот что

пишет Хайка Гроссман в письме министру религии: «Я уже обращалась с запросом к министру внутренних дел по поводу тяжелых случаев, имевших место в Вене, когда сотрудники регистратуры нашего министерства внутренних дел выражали сомнение в еврействе некоторых олим ввиду «странного» звучания их фамилий. Полученный мной ответ не может прибавить чести ни кнессету, ни самому министру». Далее Гроссман подчеркивает, что евреям и еврейкам с подозрительно звучащими фамилиями впоследствии отказывают в разрешении на брак.

Что ж, зато израильские власти, регистрируя очередную жертву сутенеров и притоносодержателей, проявляют высокую объективность: совершенно не обращают внимания на «нееврейское» звучание ее фамилии и имени.

За последнее время появились в Израиле еще и добровольные проститутки, или, как издевательски именуют их сионистские фельетонисты, панельщицы без оплаты. Материально обеспеченные, никем к тому не поощряемые, женщины выходят на улицу в погоне за клиентами. Невероятно? Увы, это именно так. Только повинны тут уже не сутенеры, а дельцы, направляющие подпольную торговлю наркотиками.

Одно время их стал пугать некоторый спад спроса на марихуану. И, чтобы предотвратить инфляцию, они, спекулируя именами врачей, в частности именем известного тель-авивского гинеколога Даниэля Аялона, начали старательно муссировать слухи о том, что марихуана — лучшее, мол, противозачаточное средство. Подобного рода отзывы просочились (не без чьей-то заведомой помощи!) в печать. Некоторые женщины немедленно набросились на марихуану, что, естественно, тут же привело к повышению цен на этот наркотик. Врачи всполошились, забили тревогу, последовали публичные заявления о губительных свойствах марихуаны. Однако к тому времени многие из отведавших марихуаны женщин болезненно пристрастились к ней и превратились не только в необратимых наркоманок, но и в неизлечимых нимфоманок. Это и заставляет их толкаться в парках, фойе кинотеатров, на бульварах в поисках мужчин.

На этой трагедии обогащаются, кстати, не только торговцы наркотиками. Некие предприимчивые юнцы делают бизнес на шантажировании жертв марихуаны. Угрожая женщинам донести об их порочных похождениях мужьям и детям, вымогатели систематически получают денежную мзду. Что ж, вполне нормальное явление в стране, где молодежи каждодневно внушают: будьте находчивыми в добывании денег!

Как видите, размах проституции в Израиле порождает немало порочных ответвлений. Они еще более обесценивают и подтачивают понятия нравственности и морали, они создают атмосферу духовной нищеты.

Как же все-таки борются с этим сионисты?

Красноречивый ответ я неожиданно получил в Антверпене. Мне довелось там побывать в благотворительном лектории одной из еврейских общин города. Лектор, о котором мне рассказали как об успешно начинающем сионистском лоббисте в Бельгии, красноречиво расписывал культурную жизнь Израиля, куда он недавно ездил. Цветные слайды вопили с экрана о бурном расцвете культуры в современном Израиле.

Все шло чинно и гладко. Скованные тематикой лекции, слушатели не спрашивали лектора ни о безудержной инфляции, ни о безработице, ни о раздорах между достойнейшими «сабрами» в третьем поколении и уцененными в общественной жизни «сефардами». Но поскольку с кафедры то и дело слышались рассуждения о культуре, морали, нравственности, худенькая девушка из публики неожиданно спросила лектора:

— Что предпринимают там, чтобы наконец искоренить проституцию?

Лоббист, ранее отвечавший на вопросы обстоятельно и серьезно, на этот раз небрежно отмахнулся:

— А вы, мадемуазель, назовите мне демократическую цивилизованную страну, где удалось искоренить проституцию... Не можете? — Он торжествующе оглядел аудиторию. — Почему же к Израилю вы предъявляете какие-то особенные требования? Уверю вас, у из-

райских руководителей голова болит из-за более неотложных дел.

— И все же это не укладывается у меня в сознании,— возразила девушка. Не замечая, как покрасневшая от смущения мать дергает ее за локоть, она обратилась уже к близким девшинам слушателям:— Объясните мне, как могут руководители еврейского государства мириться с проституцией среди евреек!

— Еврейку, ставшую проституткой, мы перестаем считать еврейкой,— резко прекратил нежелательную дискуссию председатель и спросил лектора:— Согласны?

— Абсолютно.

Что говорить, удобное решение трагической проблемы: брошенных на панель евреек считать отверженными.

По взволнованному взгляду девушки нетрудно было увидеть, что она никак не может согласиться с таким выводом. В зале послышался тихий гул голосов. Едва различимый, он все-таки явственно дал понять, что обстоятельного ответа от лектора ждет не только она одна. Короткая пауза. И тут лоббист взрывается. Улыбчивый и сдержанный, он мгновенно багровеет и кричит:

— В Соединенных Штатах существует целая индустрия секса! Индустрия! Там специально обслуживают и гомосексуалистов и лесбиянок,— известно это вам или нет? Там на улице вам бесплатно сунут в руку такой альбомчик, за который в Израиле надо заплатить минимум тридцать лир. Там на каждом углу вы за двадцатидесять можете увидеть в автомате такую стереокартинку, что тут же сами побежите искать проститутку. И Америка остается Америкой! Что же вас так разволновало заморские израильские шлюхи?... Смейну, что несколько переборщил в гневе своем, лектор решил одобрить свой истерический взрыв порцией юмора:— Израильскому правительству бы ваши заботы, оно сотворило бы благодарственную молитву.

Председатель добросовестно рассмеялся, и собрание покатило дальше по намеченному сценарию.

После лекции, точнее, после того, как большинство слушателей поставили свою подпись на листе благотворительных пожертвований, когда публика стала расходиться, какой-то солидный господин, упиваясь собственной находчивостью, сказал девушке:

— Вы бы спросили лектора: а мужчину, который идет к проститутке, тоже перестают там считать евреем?

Вокруг послышался смех. Мать строптивой слушательницы, взорвавшей благопристойное течение лекции, поспешила поскорее увести дочь.

Немало довелось мне услышать о проституции в Израиле — и от беженцев и от сионистов, снизошедших до бесед с советским литератором, в той же Бельгии, в Голландии, Австрии, Мексике, Англии. Одни рассказывали с негодованием, другие — сдержанно, неизбежно приводя набивший оскомину аргумент: проституция, как и наркомания, порнография, апология насилия, имеются не только в Израиле, но и в любой стране западного мира, даже в тех, на какие израильтяне особенно стараются равняться. Таких рассказов я выслушал, повторяю, много, но не счел нужным записать услышанное.

Не записал я и слов Беттины, двадцатилетней медицинской сестры, встретившей мне в Вене. Перед тем как покинуть родную страну, она закончила фельдшерскую школу, но получить работу по специальности в Израиле не смогла. Девушку взял на прицел «охотник», стал затрагивать ее на улице. Происходило это в городке Акко, где населения не так уж много,— вот почему тамошних проституток знают даже те, кому, казалось бы, не следовало с ними сталкиваться. Беттине тоже приходилось несколько раз разговаривать с некоторыми из них. И короткие впечатления Беттины я без всяких записей дословно запомнил, ибо необычайно точно и проникновенно охарактеризовала она духовный мир отверженных женщин:

— Существование у них страшное. Но самое убийственное, по-моему, самое кошмарное заключается вот в чем: они уже не могут желать лучшего, просто не в силах.

Не удивительно, что слова медсестры врезались мне в память. Она подметила действи-

тельно самое убийственное и кошмарное: в женщинах, принужденных израильским обществом продавать свое тело, то же самое общество убило **основное**, по мудрым словам Горького, качество человека — стремление к лучшему.

Эти женщины к лучшему уже не стремятся. Не хотят? Нет, не в силах,— уловила их душевное состояние Беттина. И еще она сказала мне:

— Я много думала и продолжаю думать об их судьбе. Ведь ни одна женщина не рождается проституткой.

Да, проститутками не рождаются. И даже не становятся. Проститутками заставляют становиться. И это блестяще удается сионистским фарисеям, патетически цитирующим грозные библейские заклинания о блудницах, но даже не пытающимся хоть сколько-нибудь задержать развитие проституции в управляемой ими стране.

Почему?

Естественно, сионисты прямо и откровенно не отвечают на такой недвусмысленный вопрос. Но их практические дела, а также прагматические и эмоциональные высказывания дают — помимо их воли — немало ответов. Все эти ответы-увертки, ответы-оправдания, ответы-выкрутасы, различные по мотивировкам, но одинаковые по цинизму, воспроизвести невозможно. Коснусь только наиболее распространенных, имеющих в своей основе... заботу о молодежи.

Частенько можно слышать, к примеру, такие рассуждения. Израильской молодежи приходится постоянно жить в атмосфере военной тревоги, или, как любят выражаться израильская пресса, в обстановке вооруженного лагеря. И было бы несправедливым — де лишать ее «средств отвлечения» от такой обстановки, ибо юношу, сегодня вечером вкушающего иллюзию сладкой жизни, завтра утром могут направить в район, где от него потребуются «особое мужество». Проще говоря, нельзя сегодня лишать удовольствий (пусть самых сомнительных!) парня, которого завтра пошлют с карательным отрядом творить кровавую расправу над его сверстниками на оккупированной Галлилее,— это, упаси боже, подорвало бы боевой дух молодого карателя! Наоборот, ощущая себя сегодня безотчетным повелевателем покорной и безответной женщины, он завтра сможет проявить себя отъявленным садистом при «усмирении» палестинской девушки, осмелившейся выйти на демонстрацию протеста против бесчинств оккупантов на ее родной земле. Только такой вывод, поверьте, напрашивается из многочисленных «литературных этюдов», нашедших себе место на страницах порнографического еженедельника под скромным названием «Клуб».

Встречаются также рассуждения о столкновении культуры и пришедшей в Израиль с некоторым опозданием «контркультуры». Сводятся они, в общем, вот к чему: если государство и общество не могут дать молодежи нужной ей культуры (виноваты, конечно, те же нехорошие палестинцы, вынуждающие сионистских правителей то и дело повышать военные затраты!), то хоть не будем мешать насаждению «контркультуры». Под этим понятием подразумевается очень много «нестандартного» — от демонстративного пренебрежения элементарными правилами личной гигиены до публичного проявления «сексуальной свободы». Естественно, «контркультурная» молодежь больше подходит для всего того, что сегодня составляет главное направление сионизма: она менее разборчива в средствах борьбы за насильственную израилизацию аннексированных арабских земель, за принудительное насаждение израильских поселений, за полнейшее искоренение малейших признаков многовековой арабской культуры на захваченных территориях.

Даже самые «солидные» сионистские издания сквозь зубы признают, что молодежь вынуждена бежать от сегодняшней израильской действительности, напичканной инфляцией, военным психозом, бесперспективностью образования. И возникает вопрос: а стоит ли препятствовать бегству молодежи от действительности? Пусть уж лучше уезжает в дальнее «путешествие» — именно так на жаргоне хиппи именуется употребление наркотиков. Так ведь и проституция тоже помогает моло-

дым израильтянам продлить «путешествия», уводящие их от печальной действительности.

А иные общественные деятели сионистской формации откровенно признают, что лучше уж сексуальный разгул молодых, нежели социальный бунт молодых. И даже сокрушаются, что «свободным рынком любви» недостаточно пользуется рабочая молодежь, наиболее докучающая своими выступлениями правящим в Израиле сионистам. Им хотелось бы широко распространить пресловутые «средства отвлечения» и на рабочую молодежь, чаще других во всеулышание призывающую к борьбе с предпринимателями и их покровителями.

Если обобщить все эти вариации и назвать их своими именами, то вывод вытекает только один: в протекционистском отношении к проституции, точнее, в организованном насаждении разврата, сионистские правители Израиля видят спасительное средство отвлечения молодежи от политики, от социальных проблем, от нарастающего стремления разобрататься в истинных причинах, по которым жизнь в Израиле для человека не из «элиты» становится совершенно невозможной.

Вот почему правительственные учреждения и пресса, нарочито оставляя в стороне социальные корни проституции, периодически обсуждают, как бы сделать ее более контролируемой и управляемой. Вернее сказать, более налаженной. В самом деле, ведь некоторые израильские журналисты докатились до того, что всерьез интервьюируют деятелей медицины и социологов: а не пошло бы «на пользу молодежи» создание комфортабельных и оборудованных на уровне современной архитектуры и техники публичных домов? Мне довелось читать такие интервью на страницах газет «Трибуна» и журнальчика «Мы». А бежавший из Израиля Аарон Штильбурд присутствовал при том, как в иерусалимском зале «Паргод» на улице Бецаля публично обсуждалась эта тема. На том диспуте было одобрительно встречено предложение послать в ФРГ и другие западноевропейские страны компетентных специалистов, способных досконально изучить полезный опыт по-современному организованных «стационаров для ночных свиданий». Возникла на диспуте и полемика насчет того, не целесообразно ли поддержать предложение о создании профессиональных объединений проституток. Причем полемизировали опять-таки с высоких позиций защиты интересов молодежи.

Зато на съезде сионистских молодежных организаций, проходившем в апреле 1976 года, двум ораторам, пытавшимся говорить о губительном для израильской молодежи росте проституции, категорически было запрещено касаться этих вопросов, «не связанных с утверждением повесткой дня съезда».

Так последовательно, методически и неукоснительно сионистские заправилы стимулируют в своей стране торговлю женским телом, духовно растлевают и продавливают и покупателей. Так насаждают они безразличность и презрение к нормам морали. Так ограждают они сутенерство и притонсодержательство, превращают его в один из наиболее выгодных видов частного предпринимательства.

* *

Название этого очерка — «Товар» — может показаться тривиальным, заимствованным из старой литературы: ведь она давным-давно назвала проституток живым товаром. Что ж, признаюсь: я действительно заимствовал этот заголовок. Только не из старой литературы, а из сионистской прессы наших дней. «Товар» — так назвала газета «Едиот ахронот» свою статью о сутенерах, беззастенчиво торгующих несовершеннолетними девушками, торгующих своим товаром оптом и в розницу.

И более точного названия не подберешь, рассказывая о том, как в конце двадцатого века, поощряемые сионистскими политиками, предприимчивые негодяи превращают в ходкий товар все больше и больше беззащитных, отверженных девушек. Происходит это в стране «равных возможностей», где один получил выгодную возможность наживаться на фактически узаконенном разврате, а другим предоставляется одна-единственная возможность спасти себя от беспросветной нищеты: стать живым товаром.

Судьба сироты

В Мюнхенском зоопарке на свет появился маленький жирафенок. Мать проявила к нему черствость и бросила малыша. Все заботы о новорожденном взял на себя работник зоопарка Карл Хейн-Россен. Он постоянно дежурит возле своего подопечного: купает его, кормит молоком из бутылки с соской.

Малыш платит за добро любовью. Даже целует Карла.

Карманная электростанция

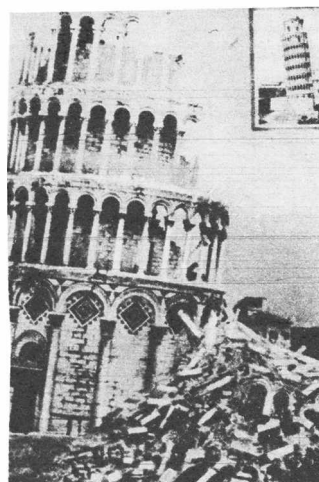
Стремление многих жителей США увековечить себя в книге рекордов, где регистрируются мировые достижения во всех областях, не знает предела. Эти два человека, которые изображены на снимке, собрали самый большой в мире «карманный» фонарь, питающийся от 2043 батареек. Длина гиганта — 125 метров. Вес — около полутонны.

Пока не рухнула

Взглянув на фото, вы подумаете, что знаменитая падающая башня в Пизе, шедевр средневековой архитектуры, рухнула. Нет, башня пока стоит. Пизанский муниципалитет все еще рассматривает различные проекты спасения старинного сооружения, не решаясь отдать предпочтение какому-либо из них.

В Италии под угрозой разрушения находятся многие памятники архитектуры. И вот, чтобы обратить на это внимание властей, итальянские искусствоведы устроили в Милане фотовыставку, где весьма наглядно показали, что ожидает в будущем шедевры старины и в частности падающую башню в Пизе.

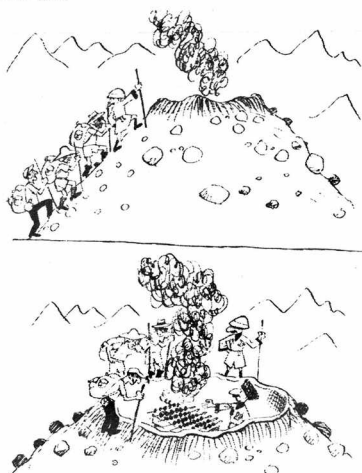

Домашняя ящерица

У группы английских школьниц вызвала восторг гигантская ящерица, длина которой превышает два метра. Необычное домашнее животное решительно не желает проводить весь день в клетке, и потому с ним регулярно гуляют.

— А штопоры у вас есть?

Без слов.

Без слов.

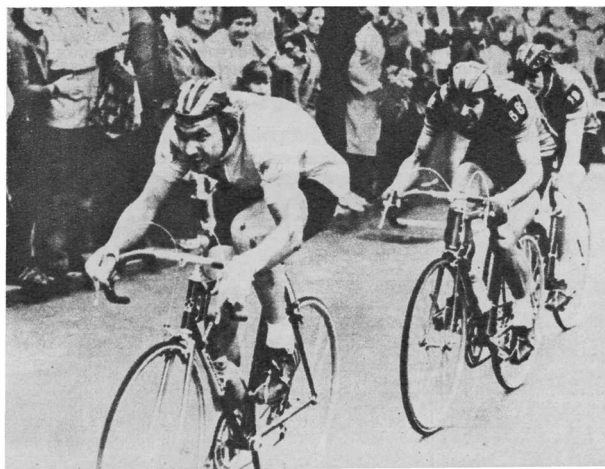

Без слов.

Рисунки Б. Боссарта,
Е. Ведерникова,
И. Сычева

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

Ааво Пиккуус на дистанции. Телефото ЧТК — ТАСС.

Ааво Пиккуус — победитель 30-й, юбилейной велогонки Мира. Двадцатидвухлетний гонщик из Тарту, обладатель золотой олимпийской медали в командной шоссейной гонке, был неизменным лидером на всех тринадцати этапах гонки, проходившей по территории Польши, ГДР, Чехословакии. Второе место осталось за другим советским спортсменом, Владимиром Осониным. Командное первенство завоевали советские спортсмены.

БИ-1 УХОДИТ В НЕБО

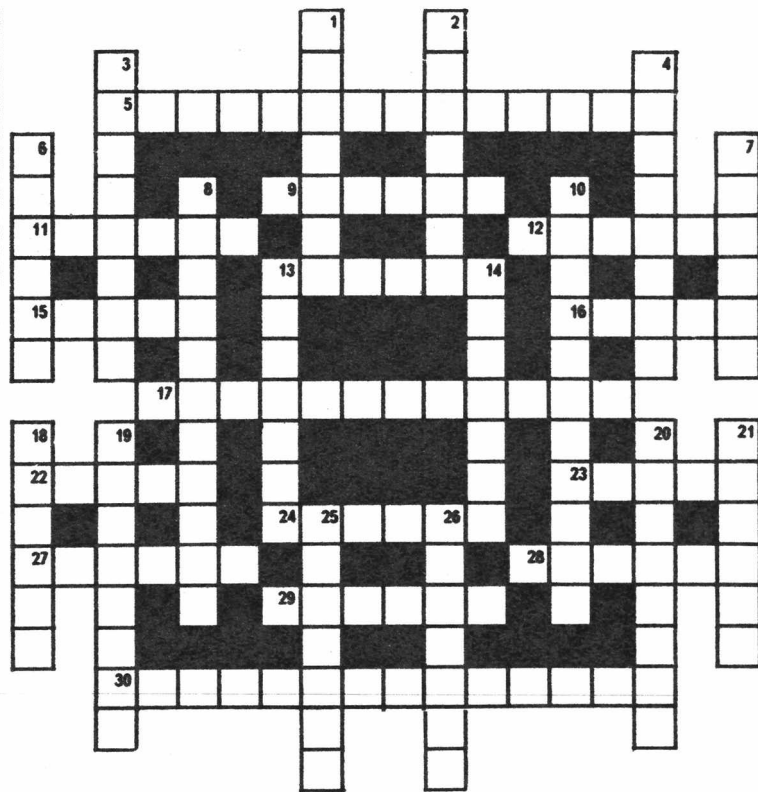
В кабинете известного советского аэродинамика, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук генерала Владимира Сергеевича Пышнова стоит маленькая модель истребителя. Это БИ-1 — первый в мире боевой самолет с жидкостно-реактивным двигателем. Он поднялся в воздух 15 мая 1942 года.

— Я был тогда председателем комиссии по вылету, — вспоминает ученый. — Примечательно, что разработка этой принципиально новой машины началась в первые же дни войны. Ею занимался коллектив конструкторов во главе с В. Ф. Болховитиновым при ближайшем участии А. Я. Березняка и А. М. Исаева. Летчиком-испытателем назначили капитана Григория Яковлевича Бахчиванджи. Он еще до войны испытывал новые самолеты, потом сражался на фронте и в воздушных боях одержал десять побед. Мне довелось близко знать многих наших испытателей, и среди них Григорий Бахчиванджи был одним из лучших. День его первого полета на БИ-1 запомнился навсегда. Бахчиванджи спокойно сел в необычный для глаз самолет. Вместо команды «От винта!», которую подавали летчики при запуске двигателя, послышалось: «От хвоста!» Через мгновение за хвостом самолета метнулось яркое пламя. Истребитель помчался по взлетной полосе, свечой ушел в небо и через считанные мгновения скрылся из виду. Когда БИ-1 благополучно приземлился, все на аэродроме кричали «ура!». Мы присутствовали при рождении новой, реактивной авиации. Самолет, который поднял в воздух Бахчиванджи, стал родоначальником современных сверхзвуковых машин. А установленный на нем двигатель — предшественник двигателей-гигантов ракет-носителей космических кораблей.

Бахчиванджи совершил еще несколько испытательных полетов. Один из них, в котором надо было развить скорость до 1000 километров в час, стал для испытателя последним. Это случилось 27 марта 1943 года. Имя отважного испытателя навсегда вошло в историю развития отечественной реактивной техники.

А. ТОМИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Четырехугольник. 9. Слово, имеющее одинаковое звучание с другим словом, но отличное от него по значению. 11. Столица союзной республики. 12. Водоплавающая птица. 13. Остров между Баренцовым и Карским морями. 15. Электронная лампа. 16. Часть механизма часов. 17. Систематизированный свод знаний. 22. набросок рисунка, чертежа. 23. Стихотворная форма. 24. Грядки для цветов. 27. Плавающая опора моста, причала. 28. Единица расстояний в астрономии. 29. Овощное растение. 30. Система наук о природе.

По вертикали:

1. Суждение, содержащее два исключаящих друг друга положения, из которых необходимо выбрать одно. 2. Запись событий в их временной последовательности. 3. Музыкально-сценическое произведение. 4. Сообразительность, догадливость. 6. Штат США. 7. Водоскат в Финляндии. 8. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 10. Русская народная плясовая песня. 13. Полевой цветок. 14. Оркестровый музыкальный инструмент. 18. Личный состав команды корабля, самолета. 19. Дамба, ограждающая рейд, гавань. 20. Единица длины. 21. Стекланный сосуд. 25. Автор картины «Владимирка». 26. Французский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

2. Свет. 7. Атмосфера. 8. Талалихин. 9. Енот. 11. Блок. 12. Арфа. 13. Караван. 14. Квартал. 15. Аппалачи. 18. Прилагательное. 21. Пакистан. 23. Баранка. 24. Ахундов. 25. Сера. 27. Кант. 28. Креп. 29. Кемпендий. 30. Богомолец. 31. Ритм.

По вертикали:

1. «Светлана». 2. Спаржа. 3. Тетива. 4. Салоники. 5. Штандарт. 6. Киловатт. 10. Транспарант. 11. Буревестник. 16. Прага. 17. Чалма. 19. Трафарет. 20. Птолемей. 21. Палладий. 22. Наманган. 25. Стайер. 26. Альбом.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рунотворный остров на Каспии — буровая установка имени 28 апреля.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На три сотни километров протянулись над морем стальные эстакады Нефтяных Камней.

Фото А. Нагальяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 9/V — 1977 г. А 00359. Подп. к печ. 24/V — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1240. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 524.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Дети везде и всюду остаются детьми — беззащитные, непосредственные, озорные, веселые. И если для вас светится милая ребячья улыбка, вы сами начинаете улыбаться и жизнь предстает перед вами сквозь светлую призму юного восприятия. Мы смотрим на детские лица, и нам понятны их радость и веселье, и для нас противоестественна обездоленность маленьких человечков в тех странах, где властвует капитал, — несчастных девочек, просящих милостыню, или маленького чистильщика сапог. Как и многие, они, наверное, не увидят школьной парты, не возьмут в руки учебника.

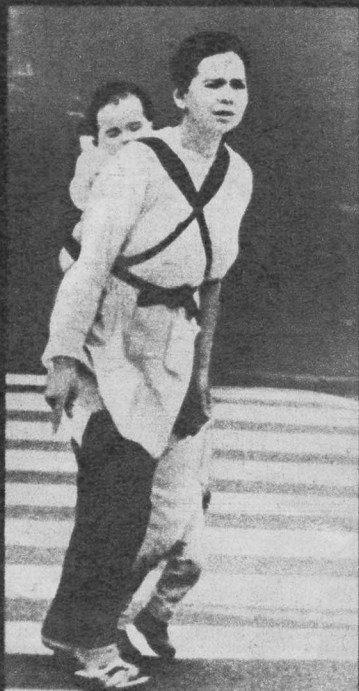
Жизнь всех детей мира должна быть безоблачна, чтобы не знали маленькие жители земли грохота разрывающихся бомб и снарядов, завывания сирен. И это в силах людей, если они твердо скажут войне «нет». Вот почему все прогрессивное человечество 1 июня отмечает Международный день защиты детей. В СССР и других социалистических странах, где дети окружены постоянной заботой, где подрастающему поколению отдается все лучшее, что имеет народ, этот день — подлинный праздник счастливого детства. В капиталистическом мире прогрессивные силы отмечают этот день усилением борьбы в защиту детей от страданий и горя, расовой дискриминации и эксплуатации, нищеты и войн. Это день активных действий всех честных людей планеты в борьбе за мир, национальную независимость народов и социальный прогресс.

В. ДУНАЕВ

МИРА ДЕТИ

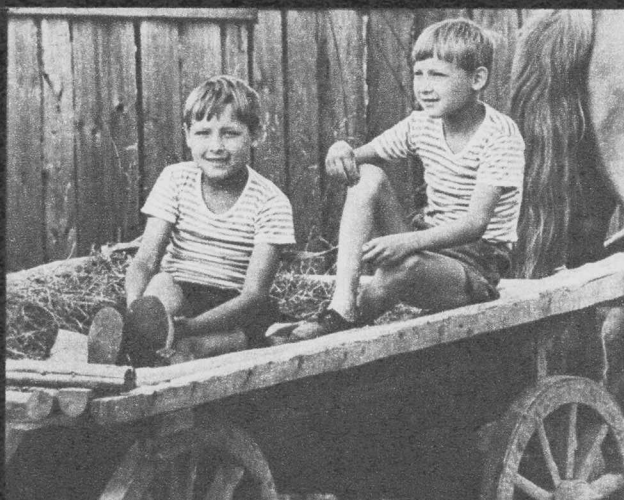
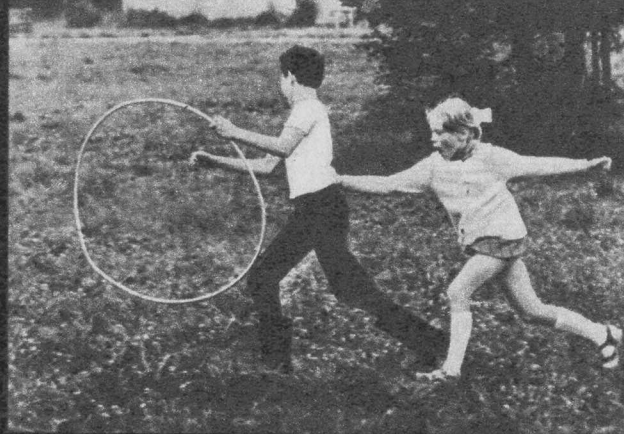

Фото С. АЛЕКЯНА, И. ГАВРИЛОВА, Ю. ПОЛХОВСКОГО

